

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
ЕРМАКОВ Д.А. (Вологда)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Оренбург)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Санкт-Петербург)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — шеф-редактор (ответственный секретарь)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
ПЫЛЁВ С.П.
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

---

11. 2022

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ВЫПУСК
ЖУРНАЛА «ПОДЪЁМ»**

ПРОЗА

Андрей АВРАМЕНКОВ. Смятение . Записки о войне и жизни	5
Дарья КНЯЗЕВА. Смотри моими глазами . Рассказ ...	35
Михаил КЛИМЕНКО. Станция «Восход» . Рассказ	58
Илья НОВОКЩЕНОВ. Дайте мне точку опоры . Повесть	75
Евгений ГНЕЗДИЛОВ. Милашка . Повесть	102
Эльвира ПАРХОЦ. Заря над полем . Этнографический постапокалипсис	133
Анна КОВАЛЕВА. Голубь . Рассказ	140
Софья САФРОНОВА. Он. Она. Они... Рассказ	154
Елизавета ЛОСКУТОВА. Остановить мгновение . Новелла	162

ПОЭЗИЯ

Мария ЗНОБИЩЕВА. С красной строки . Стихи	32
Дмитрий ХАНИН. Я для земли не первый и не лишний . Стихи	53
Екатерина СТРЕЛЬНИКОВА. Время хранить тепло . Стихи	70
Игорь ГОЛУБЬ. Остаться человеком до конца . Стихи	97
Евгений МЕЛЬНИКОВ. Дорожные записи . Стихи. (Предисловие Александра НЕСТРУГИНА)	128
Павел ПОНОМАРЕВ. Кровь, смешанная с дождем . Стихи	145
Роман КРУГЛОВ. По вертикальному стволу . Стихи ..	151
Василий НАЦЕНТОВ. О если бы мне повториться... Стихи	157
Анна ДОЛГАРЕВА. История одного странствия . Стихи	165
Сергей РЫБКИН. Предчувствие стихов светловолосых . Стихи	186
Письмо без обратного адреса . Общая тетрадь. Стихи участников Воронежского областного совещания молодых литераторов 2022 года	202
Последний маяк . Общая тетрадь. Стихи участников Воронежского областного совещания молодых литераторов 2022 года	223

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

*Из материалов круглого стола
Совета по критике Союза писателей России
«Отцы и дети:
настоящее и будущее русской литературы»*

Андрей ТИМОФЕЕВ. **Услышать друг друга** 170
Мария ЗНОБИЩЕВА. **Мы — птицы одной стаи** 177
Елизавета МАРТЫНОВА. **Традиция как выбор** 181

ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ

Екатерина СТРЕЛЬНИКОВА. **Не миф о Маяковском**
(Новый взгляд на раннее творчество поэта) 189

ДУХОВНОЕ ПОЛЕ

Роман КРУГЛОВ. **Жажда высшего смысла.**
(Христианские темы и мотивы в современной
русской литературе) 212

ПРОБА ПЕРА

Полина ДЕВУЦКАЯ. **Читая «вещи неизреченной
красоты и мощи».** (Пешеходная прогулка с томиком
Мандельштама) 233

На первой странице обложки:
Мargarита Бондарева. Праздник на селе

Подписной индекс:

Каталог Почта России: ПЗ239, все регионы РФ.

Сайт и мобильная версия журнала: <http://www.podiemvrn.ru>

СПЕЦИАЛЬНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА «ПОДЪЁМ»

Творчество молодых литераторов в журнале «Подъём» всегда на виду. Постоянная рубрика «Молодые голоса» наполнена именами литературных дебютантов не только из Воронежа и Центрально-Черноземного края, но и всей России. Воронежская организация Союза писателей России совместно с областным департаментом культуры заботливо пестуют молодые таланты. В 2022 году создан Литературный молодежный центр, состоялось традиционное областное совещание молодых литераторов. И как итог — их творчеству посвящен специальный выпуск «Подъёма».

Андрей Михайлович Авраменков родился в 1990 году в Луганске. Окончил Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля по специальности «Издательское дело и редактирование». Работал корреспондентом в различных местных изданиях. Публиковался в луганских газетах, альманахах, молодежном литературном журнале «Индиго», в журнале «Подъём». Автор книги прозы «Город сломанных судеб». Лауреат Исаевской премии для молодых литераторов Воронежской области (2022). Живет в Воронеже.

Андрей Авраменков

СМЯТЕНИЕ

Записки о войне и жизни

Посвящается моей жене Елене

*Мир — это война
за тихое место рядом с тобой.*

Иван Демьян

1

Автобус долго выезжал из города, то и дело застревая в вечерних пробках. Не меньше часа прошло, пока мы выехали на федеральную трассу, ведущую на юг. Я ехал домой — на Донбасс, к родителям и друзьям. Сейчас моя поддержка была им необходима, как никогда. Уже вовсю шла спецоперация. Я набрал полные сумки всякого разного, сейчас в прессе это называют гуманитарным грузом.

Но была и другая причина моего отъезда.

Ехать предстояло всю ночь. Выспаться, конечно, не получится. Под утро я приеду помятый и вымотанный дорогой. Но я пытался хотя бы подремать. Закрывал глаза, слушал размеренный шум дороги, облокачивался головой о переднее кресло. Постепенно переходил в мир снов, пока очередная кочка или резкий поворот снова не возвращали меня в мир реальный. Через время веки тяжелели, и я опять проваливался в полудрему...

Снился синий «опель». Опять этот кошмар. Он повторялся несколько раз в год, в разных вариантах. И так уже почти десять лет. В машине мои товарищи, знакомые, мы куда-то едем... Появляется чувство тревоги, какой-то скрытой угрозы, она заполняет собой пространство...

Открываю глаза. Сон пропал. Я зевнул и уставился в окно. Герой одного из моих любимых фильмов говорил своей женщине о кошмарах: «Плохая привычка лежать с закрытыми глазами. Так и попадаешься». Сколько нужно лет, чтобы они перестали сниться? Или это навсегда?

В автобусе были в основном женщины, дети и пожилые мужчины. Из молодых ехали только я и парень в полевой форме, военный. Без российской прописки на Донбасс ехать было нельзя — назад бы не выпустили, мобилизовали и отправили на фронт, где сейчас шли ожесточенные бои, каких не было со времен Великой Отечественной войны.

Во время одной из остановок военный вышел покурить. Он хромал — правая нога не сгибалась.

— Ранение получил под Мариуполем. Заняли одно село на подступах к городу. По нам откуда-то шарахнули. Меня волной отбросило, я встать — а ноги не держат, как заболит! Смотрю, все штаны в крови. Осколок застрял. Ну, в госпиталь, потом в Россию на операцию переправили.

Он сделал глубокую затяжку.

— Опять на фронт поеду, хоть и хромаю. Все равно. Может, пригожусь.

— Долго воюешь?

— Такое ощущение, что всю жизнь. Я уже и не помню, как это — не воевать.

Но я ехал не на фронт. Я ехал домой, к родным и близким. Ехал, оставив за спиной любимую женщину. Вернее, двух женщин. Ох, история, такая же старая, как мир.

2

А у меня ведь было предчувствие, что, если поженимся, может произойти что-то нехорошее. Ну, не люблю я перемены, боюсь их и ненавижу. И опасения мои оправдались. За долгие годы появилась другая. И я испытал то чувство, которое приходит ко всем в восемнадцать лет. Вот говорят, сердцу не прикажешь... А я приказывал, управлял и, казалось, подчинил его. Я контролировал его, так мне казалось. Но... появилась она. Она всегда появляется. Рано или поздно. Как испытание или награда.

Однако в конце лета ее еще не было. Только непонятная тревожность из-за перемены семейного положения. Гражданский брак — женаты.

— Ну что, Сережка, когда оформим отношения? — не часто, но настойчиво спрашивала Аня.

— Да как тебе сказать. Я не очень... но если ты... если тебе надо, давай, конечно.

Она вскидывала бровь и высокомерно отвечала:

— Мне ничего не надо. Я самодостаточная женщина. Просто живем, как не пойми кто.

— Не обижайся. Я не против. Но и не за. Короче, если хочешь, давай. Если это сделает тебя немного счастливей.

— Вот именно, что немного, — задирала она подбородок и уходила на кухню.

Да, конечно, Аня права. Во всем права. Я не хотел жениться не из-за того, что считал, мол, какого она мужчинку отхватит завидного. Нет. Все дело в этих переменах, которых я очень боялся. Вот поженимся, а вдруг сразу после этого поссоримся и разлюбим друг друга? Вдруг у нее или у меня появится кто-то... разойтись будет значительно сложнее. И не из-за чувств, а из-за документов. Может, все дело в том, что я привык жить одним днем уже много-много лет? А вместе со мной и Аня.

Я приходил на кухню, наводил себе холодный чай, выходил на балкон и, глядя на вечерние волны водохранилища, говорил:

— Ну, давай подадим документы. Я не силен во всем этом. Ты хочешь прям пышную свадьбу?

— Да какая с тебя пышная свадьба... Я устала, что все одноклассницы и подруги повыскакивали замуж, а я вроде как не при делах. Ни кольца тебе, ни мужа. Многие уже во второй раз замуж выходят. А я недоделанная какая-то, выходит?

— Перестань... Ты самая лучшая. Ты же знаешь... Если для тебя это такой дискомфорт, то давай поженимся.

— Ну, после почти десяти лет встречаний давай уж поженимся, — кривлялась Аня.

Я не хотел, чтобы из-за меня она чувствовала себя неполноценной.

Документы были поданы, роспись была назначена на предпоследний день лета. Все прошло быстро и сдержанно. Волнение появилось, когда я наделал кольцо на палец Анютки. А ведь действительно это что-то да значит. Друзей не приглашали... С годами все растерялись, стали чужими, блеклыми копиями себя. В таких случаях обычно говорят: «Он для меня умер». Некоторых действительно не стало...

Поэтому праздновали мы только вдвоем. Пришли в ресторанчик в самом центре города, возле скверика. Аня была торжественно-сдержанной, на ее лице царил полуулыбка. Я бросал на нее взгляды, понимая, что она наконец-то довольна. А что изменится с завтрашнего дня? Да ничего. Все такой же знакомый маршрут, успевший набить оскомину — работа-дом. А между нами? Неужели Аня почувствует себя полновластной моей хозяйкой, будет муштровать меня по поводу и без, а я буду валяться на диване перед телевизором, пить пиво и, вальяжно потягиваясь, игнорировать ее просьбы? Да нет же! Сколько мы уже вместе, притерлись, привыкли друг к другу. Не имеет этот штамп в паспорте никакой силы для нас. Для бюрократов — возможно.

В этот вечер мы не отказывали себе ни в чем. Я взял себе несколько алкогольных коктейлей. Уже много лет я с алкоголем на «вы», но в такой день можно. Даже Аня поддержала меня в этом вопросе и заказала себе какую-то гремучую смесь из водки, рома, сиропов и фруктов. Закусить все это мы решили роллами.

Сидели и вспоминали предыдущие годы, предавались ностальгии, рассказывали друг другу о школьном времени. Когда уже стемнело, мы встали за руки и вышли на танцпол. И я вдруг понял, что никогда не танцевал с Аней медленный танец. Конечно, я дома обнимал ее за талию, гладил спину и грудь, но это были обычные, будничные прикосновения. В танце они становятся совершенно другими, более многозначительными.

Вечер прошел волшебно. И освещала его счастливая улыбка Ани.

А немного позже в моей жизни совершенно неожиданно появилась Мила. Когда я ее увидел впервые, она покорила мое сердце — открытая, веселая, разговорчивая. Мы познакомились благодаря работе — я должен был снять ее для телевидения.

Кто такая Мила? Легче сказать, кем она не является. И поэт, и художник, и менеджер крупной компании, и особа, приближенная к властным кругам, и общественный деятель.

Но в тот тепло-пасмурный октябрьский день я всего этого еще не знал. Не мог я предвидеть и того, кем она станет для меня самого.

Я увидел девушку среднего роста, не маленькую, но и не высокую, с темными волосами, они были перевязаны скромным синим платком. Легкое черное пальто едва прикрывало коленки. Внимания на себя обращали темно-синие глаза, выразительные, большие, взгляд прямой и твердый. Мне всегда было трудно смотреть в них длительное время. Возможно, из-за того, что я часто отводил взгляд, она и подумала, что я смущаюсь. Кажется, хихикнула себе в кулачок.

Работа была сделана, мы поговорили с ней обо всем, о чем нам надо было поговорить. То есть о поэзии, картинах и активной жизненной позиции.

И, не имея никаких скрытых желаний, я простодушно предложил: — Не хотите выпить чая или кофе?

Мне было скучно, домой возвращаться я не спешил. Аня была на работе, а проводить еще несколько часов за ноутбуком я не хотел. Уж лучше побродить одному по городу. Или в компании.

Она смерила меня своим непоколебимым взглядом, принимая решение.

— Ну, пойдемте.

Начинался дождь, и мы зашли в первую попавшуюся кофейню. Благо, их в центре города хватало.

— А вы домой не спешите? — удивился я.

— Обычно спешу. И домой, и на работу, и по делам. Но сегодня мне захотелось не спешить, — ответила Мила.

— Муж не будет беспокоиться? Или парень?

Она неопределенно махнула рукой, и жест этот можно было трактовать по-разному. В душу с расспросами я решил не лезть. Мила потягивала через трубочку кофе с молоком, я же обжегся слишком горячим чаем с лимоном. Смотрела куда-то в стенку, в сторону, сквозь большое мерцающее огоньками окно на проезжающие машины.

— А вы, Сергей, журналист?

— Ну да, в том числе и журналист.

— А чем еще занимаетесь?

— Да иногда, когда есть время, подрабатываю то там, то сям.

Я ловил ее глаза, когда она не смотрела на меня, наслаждался необычной грозой в них. Как только Мила упиралась взглядом мне в лицо, я начинал смотреть на улицу или мелькающие в телевизоре клипы. Она, видимо, решила, что это игра.

— А вы местная?

— Как сказать, я из деревни. Из области. Тут недалеко, сто пятьдесят километров. А вы?

— Ну, я чуть-чуть подальше родился, в Донбассе.

— А-а-а, — многозначительно протянула она. — У меня тоже есть родственники на Украине.

Наш разговор имел неспешный, расслабленный темп. Оба устали к концу дня. Мы бросались фразами, долго обдумывали их, отвечали не скупно, но и не развернуто. Загадка какая-то появилась между нами. Мне показалось, что ей не особо интересно со мной. Ну, что ж, сколько таких встреч-однодневок было в моей жизни, сколько еще будет. Да и какая разница, что подумает Мила обо мне, разве это важно. Мы ведь никогда больше не увидимся, скорее всего.

Дождик шел так же неторопливо, как и наш разговор. В темных лужах уже отражались фары автомобилей, вода дрожала и расплескивалась из-за резины колес и ботинок.

Домой я шел долго, пешком, не обращая внимания на попутные автобусы, уже полупустые. Хотелось насладиться свежестью, октябрьским ветром и темными низкими тучами.

4

Все-таки время года влияет на настроение. И осенью особенно часто задумываешься над жизнью. Я лежал на диване возле темного окна, в котором виднелись кривые ветки качающегося дерева. Оно как будто просилось в гости, наклонялось, заглядывало к нам в квартиру. Аня уже спала, а у меня душа была не на месте. И не знаю почему... Ради чего я живу? Все дни однообразны, пусты и бессмысленны. И молчаливы. Я поймал себя на мысли, что часто бывают дни, когда я не произнес ни одного слова. Только работал и работал. А вечером за ужином мы с Аней обсуждали прошедший день. Рассказывать мне было нечего, потому что ничего и не происходило. А она обижалась.

В редкие моменты мы предавались ностальгии, смотрели старые фотографии и видео.

— Помнишь, как мы познакомились? — спрашивала Аня.

— Да, конечно. На свадьбе друзей. Ты была дружкой, а я просто гостем.

Свадьба друзей практически стерлась из памяти, как и их лица. А мы остались друг у друга.

— Ты мне тогда не особо понравилась, хотя платье у тебя было красивое.

— Да знаю я, — Аня демонстративно закатила глаза. — Ты мне тоже.

— Удивительно, что мы начали встречаться, — покивал я.

— Да... Помнишь тот наш первый год?

— Конечно. Наверное, самый счастливый. А потом началась война.

— И ты взял меня, и принял решение уехать. Ты же хотел вернуться... Постоянно хочешь вернуться...

— И возвращался. И не раз. И опять уезжал. И окончательно потерялся бы, если бы не ты.

Мы говорили о тех вещах, которые и так хорошо знали. Проговаривали их в очередной раз. Зачем? Чтобы не забыть, кто мы? Из раза в раз одно и то же, как молитва. Но это было нужно и Ане, и мне.

— Я никогда не чувствовала там себя дома.

— А здесь?

— Наверное, да, наш дом теперь здесь.

— Ну, если по документам, то да, — горько улыбнулся я.

Где же мой дом?

Квартира родителей, в которой я прожил двадцать лет, а потом ушел, начал жить с первой девушкой и уже никогда не возвращался в нее окончательно, только как в перевалочный пункт, где можно отдохнуть, а потом снова уйти непонятно к кому.

Дом бабушки в деревне... Как часто он снится и как редко я там бываю. Уже нет бабушки, а дом продан и разрушается. Я был там недавно, но... лучше бы не ездил. Новые хозяева не жили в деревне, поэтому все ценное, что там было, растащили соседи, все постройки наполовину обрушились, а дом стал пустым помещением. Разве в нем я проводил все эти счастливые лета?

А потом... чередой съемных квартир. Мы с Аней меняли по три квартиры в год, так уж складывались обстоятельства. И в какой-то момент я понял, что не могу находиться долго в одном месте, меня тянуло переехать. Пусть даже в пределах одного города.

Не привязывайся ни к чему и ни к кому. Это все лишнее. Все испытания ты проходишь и будешь проходить один. Это правило. А исключения его только подтверждают.

— Помнишь, как мы чуть не расстались? Ты тогда не работал, очень долго.

— Да, помню. Я не работал, потому что... Ты знаешь, почему.

— Я думала, что ты вообще не хочешь работать, понимаешь?

— Разве я не доказывал обратное десятки раз?

— Да, но это было потом. А тогда мне казалось, что тебя все устраивает... Я плакала по ночам...

— Я помню твои слова. И никогда их не забуду: «Если ты не можешь дарить мне подарки, то я буду принимать их от других».

— Я... ты же понимаешь...

— Я понимаю, и не упрекаю тебя, — прервал я Аню. — Ты делала все правильно. Это я совершал одну ошибку за другой. И я тебе благодарен. Не все бы прошли через это.

— Да... правда... немногие. Помнишь Пашу и Иру?

— Да, и не только их... Сколько пар распалось. Наверное, в человеке что-то ломается. Ломается безвозвратно. Разбитую вазу не склеить.

— Но мы смогли? — неуверенно и тихо произнесла моя жена.

— Мы... Мы ее поймали перед самым падением.

— Как хочется отправиться куда-нибудь в путешествие, — сказала Аня. — Последнее время мы с тобой никуда не ездим.

— Мне тоже хочется. Но еще больше мне хочется, чтобы у нас в семье было пополнение.

— Можем завести кошку, — грустно улыбнулась Аня, глядя в окно и делая глоток чая.

— Да, я знаю, ты животных любишь больше, чем людей. Даже родители говорят: «Зачем ты живешь?». Они, конечно, имеют в виду, что у нас нет детей. А нам уже за тридцать.

— Сергей! — она отвернулась.

Я затронул самую болезненную тему. И не потому, что хотел сделать ей больно и упрекнуть в чем-то. Просто я ощущал пустоту, неполноценность и бессмысленность. Ради чего я живу? Не знаю. Ради прошлого и настоящего, ради родителей и Ани. А в будущем что или кто? Двое пожилых и одиноких людей... Годы, десятилетия и века одиночества... И за что это наказание? Судьба такая... Никому ненужность.

Может, поэтому я любил менять места жительства. Что здесь я никто, что там, и даже вон там, а на другой стороне — тем более никто. И всем наплевать.

— Хочется попутешествовать, — повторила жена.

— Да, и мне, — повторил я.

5

Через несколько дней мне неожиданно написала Мила. Попросила мой номер телефона. Я думал, он у нее есть, но она сказала, что не записала его.

— Привет. Я помню, ты говорил, что хочешь покататься по области. Не хочешь со мной в Рамонь съездить?

Я бросил эту фразу во время нашей встречи, не рассчитывая ни на что. Но Мила запомнила.

— Привет. Да, давай.

— Ты где живешь?

— На левом берегу.

— Говори адрес, я через полчаса заеду.

Отлично, думал я, хоть какое-то разнообразие.

Мила приехала на машине, я упал на сиденье рядом с ней. Поздоровался еще раз. Чувство неловкости и неуверенности охватило меня. О чем говорить с ней? Вижу ее второй раз в жизни. Да еще и симпатичная. Меня выбило из колеи. Я как школьник или студент на экзамене. А передо мной декан. Но самое главное, какой я для нее студент — любимец или ненавистный прогульщик. От этого зависит, как будет строиться разговор.

— Мне тут по заданию надо съездить в Рамонь, — рассказывала Мила, выкруливая на федеральную трассу. — Ты был там?

— Нет, я здесь особо нигде не был.

— Ты что! — удивилась она. — Там есть настоящий дворец. Я тебе покажу.

— Это я по своей области ездил и неплохо ее знаю, во многих городах бывал. А здесь... не было такой возможности.

— Но ты любишь путешествовать? — уточнила Мила.

— О, еще как люблю. Знаешь, дорога в последние годы стала моим любимым местом. Не важна цель, важен путь.

— Да, наверное, согласна. У меня есть стихи про дорогу.

— Почитаешь?

— Прямо сейчас? — бросила она, обгоняя несколько фур, мчащихся в Москву.

— Ну, можно и потом.

— Погоди, дай припомню...

И она начала сбивчиво, но приятным голосом читать свои стихи. Трасса, красивая девушка, читающая стихи. Мелькающие желто-красные деревья. Наверное, именно в этот момент во мне что-то екнуло. Я даже приоткрыл окно.

— Старый стих, я плохо его помню.

— Ничего, ты круто прочитала. Мне понравилось, правда. А про природу есть? — спросил я, взглядываясь в поля.

— Тебе интересно?

— Ну конечно, зачем бы я спрашивал.

— Я давно ничего нового не писала и не читала.

— Все хорошо, продолжай. Если это не отвлекает от дороги.

Она так мило улыбнулась, не глядя на меня. Но я получил эту улыбку. Ее первую улыбку, адресованную мне.

Я от удовольствия прикрыл глаза. Как же все атмосферно было. И чувство такое... Оно промелькнуло и разбавило серые будни... Чувство, как в восемнадцать лет... Ее голос звонко прыгал под гул машины. И я почувствовал себя так хорошо, как давно не чувствовал. И вдруг мне захотелось увидеть ее красивые глаза, насыщенно синие. Я мельком бросил взгляд — она сосредоточенно смотрела на дорогу. Я не смог рассмотреть ее глаза так внимательно, как хотел. Но мое внимание приковали губы, читающие стихи. Их движение, их приятный цвет и форма... Я отвернулся, уставился в окно и нахмурился, отгоняя от себя позабытые эмоции.

Что мне бросилось в глаза в Рамони, так это улица имени Юлиуса Фучика, героя-коммуниста Чехословакии, казненного нацистами. «Репортаж с петлей на шее» — его выдающее произведение. И памятник уроженцу села Сергею Мосину, который изобрел легендарную винтовку.

А дальше был парк, в котором кружили желтые листья. За ним — дворец Ольденбургских. Мы с Милой прошлись вокруг него, сама усадьба сейчас была закрыта для посетителей.

— Красиво, — протянул я.

— Я была давно внутри, тоже интересно.

Она рассказала немного об истории дворца. Я, как любитель истории, оценил это, по-щенячьи глядя ей в глаза. Потом понял, что переборщил, и сделал лицо «кирпичом».

— Тогда я должен угостить тебя кофе в этот прохладный день.

Пришлось долго ее уговаривать.

— Да успокойся, ты меня пригласила, катаешь, показываешь достопримечательности Рамони, читаешь свои стихи. Могу я хоть что-то для тебя сделать...

Мне удалось ее убедить и наконец расплатиться с продавцом кофе. И мы продолжили прогулку по длинной аллее, защищенной высокими стройными тополями. Несмотря на неловкость вначале, теперь я чувствовал себя более комфортно. Мы делились историями из своего прошлого, шутили и смеялись. И как будто звучала гитарная небыстрая и неагрессивная мелодия. Желтый цвет листьев, разбросанных ветром по асфальту, добавлял душевного тепла.

Я поймал себя на мысли, что так хорошо мне не было очень давно.

Она остановилась возле лавочки, попросила подождать и отправилась в серое здание, стоявшее неподалеку. Почему-то улыбка не сходила у меня с лица, пока я ждал Милу.

— Муж не будет ревновать, что ты меня с собой взяла? — спросил я, когда она вернулась.

— Все, можем возвращаться... Муж... Я в разводе. Верней, развожусь. Уже который год. Ну, мы не живем вместе.

Я не стал дальше выспрашивать, берeditь ей душу. Однако я заметил, что она не погрустнела. Видимо, эта давняя тема уже не вызывала в ней сильного эмоционального отклика.

— Раз уж мы об этом заговорили... Я не вижу у тебя обручального кольца.

— Я его просто не ношу. Не очень удобно мне с ним. Мы... недавно поженились.

— А давно вместе?

— Да, давненько. Почти десять лет.

— Ничего себе. Это вы молодцы. Мой первый муж, гражданским браком мы с ним жили... Меньше трех лет. Но у меня от него осталось маленькое чудо — Надя, ей восемь лет. А у тебя дети есть?

— Нет.

— А может, есть, но ты о них не знаешь? — рассмеялась Мила.

— У меня была не настолько бурная молодость.

Мы продолжили говорить на более отвлеченные от нас самих темы. И нам было интересно узнавать что-то друг о друге.

— Пойдем погуляем? — предложил я Ане.

— Ой, не хочу. Нет настроения.

— Давай тогда поиграем в настольные игры или посмотрим какой-нибудь сериал? Или фотки старые пересмотрим? Или пообнимаемся?

— Не, я устала, хочу побыть наедине с собой.

Уязвленный, я оделся и ушел в темные сумерки один. Эта ситуация постоянно повторялась. И мы спорили и ссорились. В этот раз я решил не выяснять отношения, а просто уйти. Тоже побыть одному, наедине с собой. В воздухе летала мокрая пыль, лужи подрагивали от ветра, листья осыпались стаями. Темнело, еще чуть-чуть и включают фонари. Многоярусные скрывали шум дороги. Я вышел к широкому и оживленному проспекту. Суета. Жизнь. Хорошо и грустно.

Пришло сообщение от Милы: «Что делаешь?» Я ответил, что гуляю в одиночестве по городу. Она предложила встретиться в центре. Я обрадовался и... укорил себя за это. Не должен я так себя вести, не должен я ехать и общаться с другими девушками. Неправильно это. Но что мне остается?

В этот раз при встрече она приобняла меня. В строгом черном, но не очень длинном пальто и черной шляпке. Элегантно, утонченно. Мила умела обращать на себя внимание.

— Теперь я угощу тебя, пойдем.

— Ну, пойдем, — улыбнулся я.

— Сергей, я, собственно, к тебе по делу.

— А-а-а, — я слишком явно выдал свое разочарование. Потом понял это и все постарался перевести в шутку. — А я уже подумал, что соскучилась, жить без меня не можешь.

— На чужой каравай рот не разевай, — со всей строгостью ответила Мила.

— Так что такое?

— У меня в скором времени будет персональная выставка картин.

— А, хочешь, чтобы я снимал?

— Да, хочу. Ты сможешь? В эту пятницу вечером.

— Думаю, да.

— Я в долгу не останусь, — заверила Мила.

— Нет, нет. Денег я с тебя не возьму.

— Хорошо, что тогда?

— Да ничего не надо, Мила, перестань.

— Ну, ладно, я сама подумаю.

Кофе я пить не стал, остановился на чае. Посидели в кафе недолго. Она спешила домой. К дочери. Я сказал, что еще останусь в центре, прогуляюсь по такой погоде, хороший вечер.

— О, да ты романтик.

- Есть такое дело, — подтвердил я.
- Тогда, романтик, можешь меня проводить, если хочешь погулять.
- С удовольствием.
- Нет, удовольствие я не обещаю, — подколола она.
- Да, но я его все равно получу, — парировал я.

Мила легонько толкнула меня кулачком в плечо, как бы говоря: «Какой ты дуралей». Мы шли по центру, дождливый ветер все усиливался. Она взяла меня под руку, второй — придерживала шляпку. Пустынные улицы принадлежали только нам. Почему люди так боятся дождя? Мы пришли к арке дома со шпилем.

- Это мой двор. Спасибо, Сережка.
- Всегда пожалуйста.

Мы разошлись.

Дома жена не задавала никаких вопросов: где я был, с кем, что делал? А не наплевать ли ей на меня? Столько лет уже вместе. Подумать только — почти десять лет. Остались ли хоть какие-то чувства, я уж не говорю про любовь. Она, наверное, была, но скрылась под слоями бытовой пыли.

Мне казалось, что мы отдаляемся. Я отдаляюсь, а Аня... Может, она никогда и не приближалась ко мне по-настоящему? Я вспоминал мои претензии к ней. Господи, да большинству из них практически столько же, сколько и нашим отношениям. И ничего не изменилось, ничего не исправилось. Да и я не идеален, но я стараюсь слушать и слышать. А слышит ли она меня? Все говорило об обратном.

На моем лице невольно появилась улыбка, когда подумал о Миле. Это даже Аня заметила.

- Ты чего улыбаешься?
- Да так, шутку вспомнил.
- Какую? — она была дотошной.

— «Самое искреннее, что я слышала, это мурчанье котенка. В нем нет лжи. Свинья, когда хрюкает, тоже не звездит», — пересказал я гулявшую в интернете картинку.

Аня усмехнулась и ушла на кухню, удовлетворившись ответом.

Я всю неделю продолжал думать о Миле, потому что она оставалась, наверное, единственным источником положительных эмоций. Серые тучи, завладевшие небом не на день и не на два, давили, статичная картина за окном квартиры удручала, а она, поэтесса, художница, менеджер и активистка, была лучиком солнца, оставшимся здесь, на земле...

Нет, надо гнать от себя все это.

6

Галерея была огромной, с высокими потолками, на стенах висели картины разных авторов — и оригиналы русских художников, и репродукции мировой классики, и работы современных мастеров. Как все интересно. Кое-где встречались скульптуры и бюсты древних греков, египтян, поделки и игрушки древних людей.

Средних размеров помещение было предоставлено руководством галереи под работы Милены. Собирались приглашенные гости, они подходили к картинам и озадаченно перешептывались между собой, кивали и усмехались. Виновница торжества была неотразима в бледно-красном вечернем платье. Я не мог отвести от нее взгляд. Она меня именно для

этого позвала на самом деле? Не ради фотографий? И я не знаю, какой ответ был бы лучше.

Я усердно работал, щелкал всех подряд и в первую очередь ее.

В назначенный час все собрались перед Милой, и она начала рассказывать. Много, где-то даже косноязычно, сбиваясь. При этом она не теряла своего очарования. Наоборот, оно становилось все сильнее, притягивало, как магнит. Собравшиеся узнали о том, в каких техниках она работает, как к ней приходят сюжеты, где черпает вдохновение. Стандартные темы. На меня Мила толком не смотрела. Почувствовал себя ненужным, как будто меня используют. Фотографий было достаточно, я перестал снимать. Стоял с отстраненным видом, рассматривал картины. В основном преобладали пейзажи, деревенские домики. Но встречались и изображения космического неба, темно-синего, сиреневого, с яркими звездами. Был портрет ее дочери — девочки с темными, как смола, волосами и острым подбородком. Взгляд очень строгий и очень серьезный. Почему Мила решила нарисовать ее именно такой? Еще выбивался из общей канвы автопортрет. На нем она была похожа на себя, но какая-то не такая, как будто это сестра-близняшка. Но что не так в ее внешности? Моложе? Серьезней? Грубей? Да, улыбка отсутствовала, а я привык видеть Милу именно улыбчивой, смеющейся.

Я постоял еще немного, выступал спикер из Союза художников России, делился впечатлениями от увиденной экспозиции.

Что же, мне здесь больше делать нечего. В непонятных, расстроенных чувствах я отправился к гардеробу. Мне всегда было непонятно, почему именно среди людей чувствуешь себя очень одиноким. Но и уезжать в глушь, в которой каждый прожитый год не отличается от предыдущего, где ничего не меняется даже визуально, не хотелось.

Я дал номерок и взял куртку.

— Ну, и куда это мы собрались? — услышал я знакомый голос. — Чуть не упустила тебя из виду.

— Я все пофоткал, обработаю и скину.

— Хорошо. Но сейчас мы пойдем в кафе, посидим и отметим мою выставку, хоп?

— Хоп? Что это? — удивился я.

— Это «договорились» на узбекском, — очаровательно улыбнулась она.

Мое плохое настроение как рукой сняло, внутри стало тепло. Она не дала мне почувствовать себя забытым и брошенным. Мила оказалась внимательной и чуткой, уловила мое настроение.

— Ну, давай, — развел руками я.

— Сейчас, еще немного мне надо побыть, минут десять.

— Ладно, ладно.

Немного позже она вышла из галереи, уверенным движением взяла меня под руку, и мы пошли в кафе. С Милой было уже привычно и комфортно, исчезло беспокойство, неловкость, как при первых встречах. Веяло прохладой, мы кутались в воротники, прятали лица от ветра, пытались разговаривать.

В одном из заведений на проспекте заказали перекусить и пару коктейлей. Я, как всегда, не хотел пить, но Мила настояла, что надо отметить такое важное событие в ее жизни.

— У меня ведь не так много выставок было. Это, по-моему, четвертая. Я имею в виду, персональных. Были еще какие-то сборные.

— Я за тебя очень рад. Дивлюсь, как у тебя на все хватает времени.
— А его и не хватает. Постоянно приходится делать что-то в ущерб другому. И потом чередовать.

— А у меня вроде и время есть. Только заполнить его нечем. Все так быстро живут, куда-то мчатся, столько дел, решают свои проблемы. А мне и мчаться-то некуда.

Мы выпили, предварительно чокнувшись бокалами.

— Расскажи мне о Донбассе, — попросила она.

— Если честно, то не хочу. Когда-то я пытался что-то кому-то рассказывать, а потом видел стеклянные глаза, наплевательские и безразличные. С тех пор я никому ничего не рассказываю. Все есть в интернете, во всем можно разобраться самому.

— Но мне все-таки интересно, — настаивала Мила.

— Что именно?

— Ну, например, как ты оказался в России.

— Началась война, десятками начали гибнуть люди. Я взял жену, на тот момент мы только встречались, и увез ее. Вот и все.

— Ты немногословен сегодня.

— Извини. Но это такая тема...

— У тебя погиб кто-то?

— ...о которой я не хочу говорить. Все, давай о чем-нибудь другом.

— Ты меня тоже прости. Я всего лишь хотела узнать тебя получше. Ты обычно веселый и улыбочивый, шутишь, а сейчас... у тебя такое лицо стало...

— Вот, кстати, по поводу лица. Мне твой автопортрет понравился. Необычная ты на нем.

— Да.

— Не могу даже понять, что не так.

— А я тебе скажу, — покивала Мила. — Я писала его после смерти сестры. Она недавно умерла. Это выражение горя. Только слезы я не стала рисовать. Хотя они были... Вот видишь, я говорю тебе все.

— Вы были близки?

— Да, я ее очень любила. Хотя она была и младше, но я ее всегда считала старшей из нас. Я — раздолбайка, а она серьезная и основательная, часто наставляла меня на путь истинный.

Мила ушла в себя, это можно было понять по взгляду. Вспоминая о сестре, она невольно улыбалась. Как мне была понятна ее улыбка!

— Семьи у нее не было. Ничего после нее не осталось, — улыбка исчезла. — Только воспоминания.

— Иногда этого достаточно. Иногда воспоминания более осязаемые, чем что-то конкретное.

— Да, ты меня понимаешь. Она часто приходит ко мне во сне, мы общаемся. И часто кажется, что она жива.

— Мне часто снится один сон в разных вариациях. Что я еду на си-нем «опеле» с товарищами. Это действительно было. Когда начиналась война на Донбассе, я не скрывал своих взглядов. Я был и остаюсь за Россию. Даже выступал однажды на митинге. В общем, активист пророссийский. При этом у меня было много знакомых, товарищей, друзей с разными взглядами, в том числе и крайне правыми. И вот двое товарищей позвали меня съездить с ними в область. Война уже шла. Хотели посмотреть то ли разбитую обстрелами военную часть, то ли еще какой-то объект. Я согласился, хотел пофотографировать. С ними были еще два их знако-

мых, которых я не знал. И вот мы едем, а у меня какое-то предчувствие появляется. Разговоры у них становятся странные и агрессивные в мою сторону. Упреки, споры и обвинения. Я понимаю, что что-то здесь не то. А потом один из этих незнакомых достал пистолет. Как бы невзначай, крутил его, рассматривал, хвастался. Я присмотрелся ко второму и заметил татуировку в виде свастики, какую носят украинские националисты. В общем, я не знаю, как передать словами эту обстановку. Но в один момент я отчетливо понял, что они едут, чтобы убить меня где-нибудь в посадке. Меня спасли две вещи. На дороге встретился блокпост ополченцев. Они остановили машину, но ничего толком не проверяли, не досматривали. Мой знакомый, который был за рулем, переговорил с ними, что-то они посмеялись. Хорошо, что я сидел возле двери на заднем сиденье, а не посередине. Я просто взял и вышел. Вышел и остался на этом блокпосту. Ополченцы тогда ничего не поняли, а мои знакомые сказали, мол, остаешься, ну ладно, до встречи. И уехали, как ни в чем не бывало... Я знаю, они бы убили меня... Теперь я достаточно тебе рассказал?

Мила промолчала, только сделала глоток коктейля. Я тоже.

— Поэтому с тех самых пор, с четырнадцатого года, я никому не верю.

— А по тебе так и не скажешь. Ты открытый и веселый.

— До определенной степени. Ну кому понравится унылая рожа, кто ее полюбит?

— А ты хочешь, чтобы тебя все любили?

— Нет...

— Я вот на тебя смотрела на открытии выставки. Ты не такой был. Серьезный, угрюмый даже, «морда кирпичом». А ты же совсем другой.

— Я... я не знаю, какой я. Уже ничего не знаю. Помнишь, как у Розенбаума: «Заблудился в темном лесу я». Вот так и я, заблудился и уже не выйду, скорее всего.

— Я тебя выведу. Если понадобится, я, как Данко, пожертвую своим сердцем, чтобы вывести тебя из этого темного леса.

Мне стало очень неловко, я отвел глаза и сел вполоборота к Миле. Помолчали каждый о своем. Затем разговор продолжился в более веселом русле. Рассказывали друг другу всякие комичные истории. А взгляд ее, обращенный на меня, стал другим. И я не мог понять, каким. Но такими глазами не на каждого смотрят. А эти грозные глаза в полутьме... Они светились насыщенным синим цветом, когда на них попадал сторонний огонек.

Она становилась слишком важной для меня. Я пытался сопротивляться, но не мог.

7

Зима шла медленно, никуда не спешила, холодная и серо-белая. Я занимался работой, но все мысли были о ней. Минуты, дни, недели.

Мы стали часто общаться. Постоянно переписывались в социальных сетях, иногда созванивались. Узнавали друг друга и наслаждались общением.

Я из-за невозможности все это скрыть рассказывал Ане о своей новой знакомой, подруге. Она достаточно спокойно воспринимала наше общение, без видимой ревности и, казалось, даже одобряла.

— Я рада, что у тебя появились новые друзья, — глядела Аня с хитрым прищуром. Мне не хотелось замечать его. Женское сердце, разве его

обманешь? Может, ее успокаивало кольцо на пальце, которое она так хотела: мой муж, никуда не денется.

Проблема в том, что я отдалялся от жены, становился менее к ней привязан, все время я хотел проводить с новым для себя человеком, с новой женщиной. И все мы догадывались, чувствовали, что происходит, но еще не говорили об этом открыто.

В один из зимних дней мы гуляли в парке имени Дурова с Милой и ее дочкой. Это была забавная, смешливая девчушка Надя, которой я подарил большую детскую энциклопедию с красивыми картинками. Знакомство прошло успешно. Мы играли в снежки, смеялись, валялись в снегу. И все это время я ощущал на себе взгляд Милы. И мое сердце таяло. Я понимал, что она хочет быть со мной.

Когда мы гуляли втроем, я чувствовал, что являюсь членом настоящей семьи, а Надя — как будто моя дочь. От этих мыслей сразу становилось грустно — у нас-то с Аней детей не было.

Когда мы виделись только вдвоем, я едва держал себя в руках... Перед очередной встречей я полшутя написал ей: «Надень сегодня платье с вырезом поглубже». У меня было два варианта: либо она назло мне наденет закрытую водолазку, либо... Она пришла в бирюзовом коротком платье с волнующим вырезом.

В небольшом и пустом ресторанчике мы зашли помыть руки. Я оказался за ее спиной... Положил руки на талию, глядя в ее глаза через отражение... Прижался... Она прижалась в ответ, положила свои ладони на мои руки, закрыла глаза. Мои руки скользили по ее животу, она все сильнее прижималась ко мне, откинула голову мне на плечо, повернула лицо. Ее губы оказались совсем рядом... Я отпрянул, слишком резко и неожиданно.

Мы снова встретились за столиком. Я согревался чаем, хотя меня и без него бросило в пот.

— Не знаю, как ты сдерживаешься, — бросила она.

На это нечем было ответить.

Радость первых впечатлений, первого общения, узнавания проходила. Появлялась боль...

Боль от сложившейся ситуации, нехорошей со всех сторон. И я стал причиной этому.

— Когда ты меня провожаешь, я не хочу, чтобы ты уходил, — тихо произнесла Мила. — Я хочу, чтобы ты остался.

«Ты хотел? Ты получил! Доволен? Ловелас хренов», — думал я про себя.

— Я бы тоже хотел остаться... — неопределенно ответил я.

— Но я так не могу. Пока у тебя кольцо на пальце, пока ты женат, пока она ждет тебя дома.

— Я понимаю. И я тебе за это благодарен. Ведь сдерживаюсь не только я, но и ты.

— Да...

— Я никогда не был в подобных ситуациях...

— Мне недавно приснился сон. Там был ты, я, Надюшка. Еще там был мальчик. Наш сын.

От этого мне стало еще более паршиво на душе. «Какой же ты придурок», — думал я про себя. Теперь тебе решать эти проблемы. Но как быть, сердцу ведь не прикажешь. Кто виноват, что все так получилось? Я, Мила, Аня или злодейка-судьба, бросившая кости, которые выпали именно таким образом?

Когда я вернулся домой, Аня уже спала. Я отряхнулся от снега, тихо снял ботинки и куртку. Беззвучно прилег рядом с женой. Смотрел в потолок, пытаюсь разобраться в себе. Неожиданно в темноте раздался голос: — Я вот думаю, а что будет, если ты уйдешь к ней? Что будет со мной? Как я буду жить одна без тебя?

Еще одна фраза, на которую мне нечем ответить. Два сложных вопроса, на которых не было хороших ответов.

Я просто повернулся к Ане и обнял ее. В тишине я прислушивался, не плачет ли. Нет. Спокойная, безразличная, уже сто раз прокрутившая у себя в голове эти мысли.

«Ну и кого из них ты сделал счастливой? — думал я. — Ладно... А сам ты стал более счастливым? Нет, ни на сколько».

8

Дома, на Донбассе, ситуация накалялась. Родители рассказывали, что украинские войска снова начали активно стрелять артиллерией, наши, до этого сдерживаемые приказом не вестись на провокации, отвечали, пытаюсь подавить огневые точки противника.

Еще страшней были теракты. Диверсанты, засланные и завербованные Киевом, взрывали автомобили с местными политиками и командирами, подкладывали бомбы для уничтожения инфраструктуры.

Я переживал за родителей. Все шло к большой войне. Кому это было не понятно? За прошедшие годы Украина воспитала ненавидящее русских и Россию население, пропагандой запудрили мозги, выставив Москву главным вселенским злом. Более того, Киев якобы уже восемь лет воевал именно с Москвой, а не Донбассом, не со своими бывшими гражданами. Я помню выбитые стекла в моей школе, школе, в которой учились мои сестры, сожженные магазины, рынки и дома. Погибших жителей... Тогда это удалось прекратить, однако пятнадцать тысяч человек, по официальной статистике, было уже не вернуть.

Теперь Украина хотела все это повторить. Эксперты говорили о том, что украинская группа войск выстраивается в наступательном порядке, готовит удар. Крохотные непризнанные республики, одинокие Луганск и Донецк, были обречены. Огромная группировка войск сотрет их с лица земли. А Россия... что же Россия, на которую все возлагали надежды... Неужели останется в стороне?

Я не знал, что делать, каждый день связывался со своими и спрашивал, как они там? Мои любовные переживания отступили на второй план. Не хотелось думать ни об Ане, ни о Миле. О войне думать тоже не хотелось. Я хотел просто спокойно жить, радоваться жизни, не думать о судьбах мира, общаться, любить... А на душе все гаже и гаже...

Но Россия не промолчала. В ответ на запрос республик, они были признаны. И это была радость, это был праздник. Но после праздника наступили тяжелые военные будни. Президент Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции по защите Донбасса.

Утром 24 февраля все началось. Миллионы людей, открыв в этот день новостную ленту, не поверили своим глазам. Войска России уже были в Черниговской, Киевской, Харьковской, Сумской областях, поступали данные о русском десанте в Одессе. Не говоря уже о ДНР и ЛНР.

Из республик начали эвакуировать женщин, детей и стариков. А всех мужчин мобилизовали, отправляя на фронт.

Украинские войска терпели поражение, они не ожидали такого развития событий. Хотелось злорадствовать: «Врали все эти восемь лет, что воюете против России, так повоюйте теперь!» Но не получалось... Загребать жар чужими руками я не умел. И все же из меня полезло столько злобы, ненависти, что я перестал читать новости.

Я прекрасно помнил фразу: «Самые жестокие люди обычно самые трусливые».

«Не будь жестоким и трусливым, не радуйся тому, что сейчас где-то гибнут люди. Есть подонки, туда им и дорога, но есть и обычные люди, которые не знают, что теперь делать. Как и мы тогда, в четырнадцатом году», — говорил я себе.

Как-то с Аней ехали в автобусе. Людей было мало. У водителя включено радио, новости об актуальных на данный момент событиях. Рассказывают о беженцах из Украины в Европе и попытках их всех приютить и обогреть.

Ведущий рассказывает о Молдавии, которая собрала свободные средства и радушно приняла украинцев, а также о жителях страны, возмущенных поведением некоторых прибывших, которые требуют, чтобы с ними не общались на русском языке, а только на том, «который они понимают». Затем звучит упоминание Польши, где тоже принимают соседей, хотя еще недавно беженцев из Сирии не пускали на порог и даже стреляли в них.

С места вскакивает худенькая девушка с недовольным лицом и о чем-то говорит с водителем. Сперва показалось, что просто спрашивает что-то, но по ходу беседы она распалается и становится слышно: «Выключите это немедленно! Вы зачем голову людям морочите?»

Водитель говорит: «Это радио, что не так?»

«Я журналист! — заявляет пассажирка. — И я говорю вам, что все здесь сказанное — пропаганда и ложь от первого до последнего слова. Выключите немедленно!»

Водитель пожимает плечами и спокойно спрашивает: «Вы что, нацистка?» Автобус останавливается, она выскакивает в открывшиеся двери. Он снова громко спрашивает: «Вы нацистка?»

«Я — человек», — бросает она недовольно и уходит.

Журналистка... наплевавшая на всех погибших на Донбассе. Ну какая она мне может быть коллега? Либо лицемерка, замечающая только то, что укладывается в ее картину мира, либо просто недалекий человек. Конечно, она может иметь любое мнение, это право бесценно — и его никто не отменял. Но что это мнение значит для тех, кто потерял близких, кто лишился дома от украинских обстрелов, кто сидит в окопах и штурмует села, кто влачит нищенское существование, потеряв веру в светлое будущее? Ничего. Мнение этой журналистки не значит ничего.

Шли дни и недели. Я места себе на находил. Я не мог спокойно наблюдать за этим всем.

Я не мог уснуть, перед глазами стояли картины пепелищ, разорванные тела, горящие дома. Пришлось пить успокоительное. Аня как могла успокаивала меня, нервного и слабого. Все то, с чем я боролся восемь лет, эта затянувшаяся депрессия, вызванная бесцельной жизнью, накатилась еще больше и, казалось, прибрала меня к себе. Я не помню, как засыпал, просто отключался, когда было далеко за полночь.

— Сережа, с тобой все хорошо? — будила жена. — Ты громко стонал. И так едва ли не каждую ночь.

Я не мог бездействовать. Мила написала очень романтическое небольшое письмо, а с Аней мы поссорились, я наорал на нее так, как никогда не орал. Я окончательно запутался во всем, в чем только можно было. Во мне сплелся такой сложный клубок из самых разнообразных чувств: влюбленности, ненависти, страха, отчаяния...

Пытаясь разобраться в себе, я бросил все и отправился на Донбасс. Даже Ане я сообщил об этом в последний момент, а Миле и вовсе ничего не сказал.

На улице стояла умеренно теплая погода — весна. Наверное, одна из самых несчастливых весен. В этом году она не принесла с собой ничего того, что обычно приносит — любовь, надежду и радость.

Пустой автовокзал, безлюдные утренние улицы, такси до родительского дома. Объятия с родными после долгого расставания. Недолгий сон. Проснулся. Вокруг та же обстановка, которая была в детстве. Дом, за годы ставший уже чужим, снова погрузил меня в те беззаботные годы.

Пообщавшись с родителями, я отправился в школу, до которой было пять минут ходьбы. Прошел мимо детского сада, в его огороженном дворе играла ребятня, веселая и смешная. Надеюсь, они не понимают, что происходит, что воспоминания об этом времени у них сотрутся.

Возле школы были люди с автоматами — сотрудники комендатуры. Я зашел в вестибюль и удивился, не увидев здесь бегающих детей. В нем стояли столы, за которыми сидели мои учителя, а перед ними стояли очереди из людей.

Я подошел к девушке в форме.

— А что здесь происходит?

— В каком смысле? Вы с какой целью интересуетесь? — с подозрением посмотрела она на меня.

— Да я... — немного замаялся. — Учился здесь, ищу учительницу свою... А, вон она.

Ирина Яковлевна не сразу меня заметила. Я немного подождал, пока не ушла женщина, данные которой записывались в журнал.

— Здравствуйте.

Ирина Яковлевна подняла на меня удивленные глаза, немного улыбнулась, встала из-за стола, и мы отошли в сторону.

— Это все безенцы из Мариуполя. Мы их здесь размещаем. Видишь все это, — учительница показала на горы вещей, сложенных на скамейках. — Это жители нашего квартала принесли — одежду, еду. Постоянно приносят, очень много равнодушных людей, все помогают.

Я и забыл, что занятия в школах отменили из-за военного положения, а многих детей по возможности эвакуировали в Россию. Поэтому я не увидел той своей старой школы.

— У меня знакомая в больнице работает, — рассказывала Ирина Яковлевна. — Много раненых ребят.

— Да, представляю...

— Как у тебя дела?

— Да что у меня, нормально все.

— Спасибо, что не забываешь. Извини, времени нет. Слишком много работы.

Теперь Луганск превратился в тыловой город. Сюда эвакуировали людей, временно расселяли их, давали необходимое. Из Мариуполя, Рубежного, Северодонецка, Лисичанска, других городов и сел. Я вспомнил рассказы о том, как раньше, во время Великой Отечественной войны, в

разных учреждениях размещали казармы, полевые госпитали. И сейчас все то же самое.

В университет, находившийся также неподалеку, я попасть не смог — пускали только по пропускам. Поэтому решил отправиться в одно из мест, которое всегда посещал по прибытии в город. На могилу к старцу Филиппу. Там стояли часовенка и новая церковь, а возле его могилы — чудо. Возле могилы лежала часть дерева, обращенная старцем в камень. И все верующие приходили сюда, чтобы прикоснуться к этому камню. Я сам не раз трогал это каменное дерево. Приехал и в этот раз.

Людей на улицах было мало, несмотря на располагающую к прогулкам теплую погоду. Особенно чувствовалось отсутствие мужчин. Все либо на фронте, либо сидят по домам.

Я отправился в еще одно место, которое давно не посещал, на другую окраину города.

9

Мне всегда было спокойно на кладбище. Я иногда приезжал сюда не на праздники, а просто...

Предстояло пройти несколько километров. Я шел, пронизываемый апрельским, еще прохладным ветром. Высокие дома остались позади. Перешел трассу. Деревья стояли еще без листьев, старая трава была мертвенно-желтоватой. Как разрослось кладбище! Сколько свежих могил, еще без надгробий и памятников, только кресты.

Много ворон, все каркают и каркают, кружат стаями. Я съежился, то ли от холода, то ли от всей этой неприятной картины. Шел и бросал взгляды по сторонам, читая фамилии и годы жизни. И тут заметил надгробие с изображением Лехи Соловьева. Мой товарищ по университету, который учился на пару лет младше. Он работал фотографом в глянцево-м журнале, мы частенько с ним пересекались, болтали. Он был невысокого роста, с темными густыми волосами. Я остановился и зашел за оградку, сел на лавочку возле его могилы. Эх, Леха, я ведь даже не успел ничем помочь, слишком ты быстро ушел, умер от почечной недостаточности. Еще до начала войны. Не знаю, можно ли так говорить, но хорошо, что ты всего этого не увидел.

Теперь я знал, где похоронен Лешка. Буду заходить и к нему иногда. Я видел его за пару недель перед его внезапной смертью, на лавочках возле первого корпуса университета. Кто же знал, что эта случайная встреча будет последней встречей с этим молодым жизнерадостным человеком. А через месяц после смерти Леха мне приснился, мы шли и болтали, а потом разошлись в разные стороны.

Я брел и брел по кладбищу. Солнечно, свежо, но ветрено так, что даже сделать глоток воздуха тяжело.

Еще одна оградка, знакомая мне. Это родители моего старого друга. Они разбились в автокатастрофе, когда он был совсем маленьким. Сюда я не захожу.

А вот место последнего пристанища еще одного моего товарища — Николая Сидорова. Он в отцы мне годился, работали вместе, он давал советы по фотографии. Коля пережил самые тяжелые времена — лето четырнадцатого года, бывал в переделках и никогда не боялся. Прощание с ним прошло в русском драмтеатре, на которое пришли многие известные в республике люди. Я помню его гроб и тело. Спокойное, умиротворен-

ное лицо. Мне показалось, что это не он, это не Коля, его уже не было в этом теле. И тем не менее, он был в зале, я чувствовал это. Он был среди нас... Возле его могилы я тоже немного постоял, посмотрел на фотографию. Вспомнил, что видел Колю за три недели до его смерти, в сквере «Молодой гвардии», в котором проходило какое-то праздничное мероприятие. Мы оба фотографировали. Я был с Аней. Сказал ей: «Это наш известный луганский фотограф. Он меня многому научил».

Сердце наливалось тяжестью и болью. Никогда не знаешь, когда увидишь человека в последний раз. А потому не придаешь особого значения этим встречам. Ведь жизнь человека должна быть вроде бы долгой? Должна...

И вот я пришел на другой конец кладбища. Здесь покоилась моя бабушка Маша, которая умерла еще до моего рождения. Я ее никогда не знал, видел только на фотографиях. И все равно приходил сюда время от времени.

— Ну, привет, бабушка. Как у меня дела? Да все нормально. Только что-то я запутался в своих любовях, не знаю, что делать, как правильно поступить...

Долго я вслух рассказывал о событиях из моей жизни. Рассказывал надгробию и фотографии. Как будто бабушка и так всего этого не знала.

10

— Ты куда пропал? — написала мне Мила.

— Домой приехал.

— В смысле домой? Куда? В Донбасс?

— Да, к родителям.

— Зачем ты туда поехал?.. Я... так боюсь тебя потерять...

— Мне кажется, что я давно себя потерял, Мила.

— Сергей! Это из-за меня? Скажи мне честно. Я же теперь спать не буду. Я каждый день смотрю эти новости, а ты взял и уехал туда, ничего не сказав.

— Тут спокойно. Луганск сейчас уже тыловой город.

— Да несколько дней назад по нему стреляли... Я не прощу себе этого...

— Успокойся, ты тут ни при чем. Мне просто надо было приехать сюда. Понимаешь?

— Какой же ты придурок... Я даже не знаю, как тебе сказать... Я тебя приблю!

— Угрозы, обещания, унижения... Ты точно была влюблена в меня? — попытался я пошутить.

— Я такого никогда не испытывала... Таких чувств смешанных, смятенных...

— Понимаю, я тоже.

Я поехал в библиотеку имени Горького. Всегда мне нравились произведения этого великого пролетарского писателя. Что ни говори, а все равно хорош. Передал кое-какие гостинцы из Воронежа. Директор очень благодарил.

А на следующий день я узнал, что на фронте погиб сотрудник библиотеки. Все мужчины-сотрудники бюджетных учреждений были призваны и защищали сейчас Родину с оружием в руках. Знакомый рассказал, что уже погибло семь университетских сотрудников, а еще одному оторвало ноги.

Моим пристанищем стал бар недалеко от дома. Конечно, выпить стопку-другую я мог и дома, но хотелось сменить обстановку, не сидеть в четырех стенах, не погружаться в черные мысли. Заведение это не претендовало ни на какие лавры приличного. В довоенные времена здесь постоянно кого-то резали, избивали, грабили, а сейчас... Разве все это сейчас имело значение?

Только я сделал первый глоток пива, как у меня за столиком появился сосед. Лицо его было непрезентабельное, под глазом красовался перезревший бланш.

— Не против, родной?

Я кивнул, мол, садись.

— Ну, давай выпьем. А то тут только мы один. Не чокаясь. За пацанов наших погибших.

Мы выпили. Настроения не добавилось.

— Я воевал в четырнадцатом. Потом уволился в запас. Сейчас ходил — не взяли. Почему, не знаю. Я помню... я помню, как возвращал в Россию тело погибшего добровольца. Через границу перевезли, еду к его родне и думаю: «Пусть мать, убитая горем, меня хоть в клочья порвет, но я верну ей тело сына».

И он горько сжал кулак. Выпил. Я пристально смотрел на него. Обычный донбасский работяга, скиталец, выпивоха. Но почему он был мне ближе всей этой гламурной тусовки в дорогих ресторанах, пафосных телок, качков на дорогих машинах? Я глядел в его глаза и видел в них, пусть это банально, душу. Я видел, какую тяжелую эмоциональную работу она проделала. Как он терзался этими воспоминаниями, как он ставил горе других выше своего собственного, и тем самым он в действительности был выше и приятней богемы, возомнившей о себе слишком много.

Как только я зашел домой, мне пришло сообщение от жены:

— Ну, как ты там? Я очень по тебе соскучилась.

И фотография в неглиже.

— Спасибо. Очень кстати, — ответил я.

Несколько часов я провел, разглядывая старые фотографии. Родственников, родителей, свои собственные.

Пришло сообщение от Милы:

— Прости, если я что-то не так сказала. Я очень переживаю за тебя.

Она тоже решила меня порадовать, прислав фотографию, на которой рукой прикрыла обнаженную грудь.

Это уже ни в какие ворота не лезет! Надо что-то решать с этим. Бросить обоих или остаться с кем-то из них? Но с кем?

Я отключил телефон. Ничего не хочу, ни с кем не хочу общаться. Выдернул телевизор из розетки, чтобы родители не смогли его включить, как только придут с работы. Лег на пол, включил любимую группу, закрыл глаза.

Прямо сейчас вы будьте счастливы,
Прямо сейчас закончится, прямо сейчас, увы.
Прямо сейчас вы будьте счастливы,
Ибо потом только гробы, гробы, гробы...

Господи, да что ж такое! И здесь одни гробы!

Я оделся, накинул свою серую куртку и выбежал из дома. Не хотелось оставаться наедине с самим собой, и пытался убежать в город. Пы-

тался скрыться на родных улицах, в знакомых до боли дворах, где я провел столько бесценного времени. Те же разбитые чиновничьим безразличием дороги, те же мрачные хрущевки, те же абрикосы и тополя. Все как в детстве. Только людей на улицах нет. День клонился к вечеру, но солнце еще дарило свои яркие лучи. Но это не спасало город-призрак. Гробы, гробы, гробы... Слезы.

В Луганске я дышал как будто железом. Настолько здесь непригодный воздух и атмосфера сейчас.

Зашел в магазин купить себе что-то для снятия напряжения. Передо мной мужчина говорит продавщице:

— Помнишь моего брата? Сегодня похоронил.

Блуждая по дворам в центре города, я увидел знакомый силуэт, женскую фигуру. Я, несмотря на заплетающиеся ноги, сделал бросок к ней, обогнал и повернулся, чтобы посмотреть, не обознался ли.

— Алена! Привет.

Видимо, моя реакция была слишком радостной. Бледная женщина отпрянула в сторону.

— Это я, Серега. Помнишь, мы вместе работали в газете?

— Сережа? Здравствуй...

— Как ты, Аленушка?

— Ты пьяный, что ли?

— Да, есть немного. Совсем что-то настроения нет.

— Дурак, что ли? Нельзя по городу пьяным ходить, особенно по центру. Увидят — заберут на войну. Пойдем лучше ко мне, я тут рядом живу.

Сидя на кухне, мы выпили. Рассказывали друг другу, как у кого сложилась жизнь.

— Сын мужа от первого брака погиб в августе четырнадцатого года. Было затишье, он выбрался из подвала во двор. Снова начался обстрел, его убило снарядом. А через две недели стрельба прекратилась.

Не дожил до перемирия. Парню было пятнадцать лет.

— А теперь и муж... — она не смогла договорить.

Я придвинулся и обнял ее. Прижал очень сильно, чтобы унять ее дрожь.

— Ну, все-все. Что ж поделаешь, Аленушка... Им сейчас хорошо там, наверху.

До войны она была достаточно эффектной брюнеткой. Сейчас я погладил ее седые пряди, коих было предостаточно. Прижал и поцеловал в лоб.

— Ну, не плачь, Аленка. Давай лучше выпьем.

Наутро я проснулся у своей знакомой. Она уже готовила завтрак, но я отказался. Оделся и ушел, не попрощавшись. Разве такой жизни она заслужила? Потеряла любимого человека, пасынка. Осталась одна. Разве есть что-то, что сможет ее утешить? Виновные в этой войне, чтобы у вас языки отсохли!

Ехал домой на маршрутке, перегар от меня веял сильный. Я уперся в окно, чтобы ни на кого не дышать, чтобы никто меня не видел. Повернули на широкую улицу, проезжали мимо частного сектора. Местами виднелись заброшенные, полуразрушенные дома. Недалеко отсюда жил мой знакомый, я даже его имени не знал, только прозвище. В один из дней жаркого лета четырнадцатого года он с отцом вышел во двор. Упала мина. Мой знакомый погиб, а его отец получил ранение. Все это было здесь... когда-то давно. И все это снова вернулось. Если бы не спецоперация, город бы уже сравняли с землей.

Сзади разговаривали двое мужчин, по голосу явно достаточно зрелые. Понятно было, что давно не виделись.

— А ты женат?

— Да, женат, двое детей. Может, скоро внуки будут. Надеюсь на это.

— А я один... Знаешь, как плохо быть одному...

«Как плохо быть одному», — звучала фраза незнакомца в голове. Я так боялся этого одиночества, что чуть было не изменил Ане... Заморочил голову Миле... И все из-за этого страха остаться одному?

— Этот каштан всегда первым выпускает листочки на твой день рождения, — сказала мама.

И правда, вся каштановая аллея стояла еще голой, а дерево напротив окна нашей квартиры уже зеленое. Как будто знало, что у меня сегодня праздник. Я его несколько лет не отмечал с родителями. И в этом году мне особенно сильно хотелось быть в этот день рядом с ними.

Мама наготовила моих любимых салатов. С папой выпили коньяка. Я спрашивал про дедушек и бабушек, родители с увлечением вспоминали, как познакомились, юность, как жили в те годы, когда разрушался Советский Союз.

11

Дома меня уже ждало новое сообщение, но не от жены или несостоявшейся любовницы. Написала подруга Женя, которая давно не выходила на связь. Она прислала видео из Мариуполя, на котором одна женщина заявляет, что никто Донецк не обстреливал восемь лет.

— Все находятся в неведении, — заявила Женя. — Трудно разобраться, где правда. А, честно, и не хочу разбираться! Я хочу, чтобы все прекратилось. Что-то сплю по пять часов уже три дня подряд. Нет сна, я уже в каком-то неадеквате.

— Про обстрелы Луганска ты, видимо, забыла, — ответил я.

— Я уехала в четырнадцатом году.

— Так же, как и я.

— Я всего не знаю, мне трудно судить. Мне просто людей очень жаль. И нас. Неизвестно, чем все это закончится... По-моему, пора уже кончать с этой стреляниной. Это же XXI век!

— А чем он отличается от предыдущих? Тогда, что ли, люди не могли договориться или думали: «Мы живем в темные века»?

— Есть такой большой исторический опыт, а выводов никто не делает. Получается — мы животные. И сила — в кулаках.

— Я тебе просто удивляюсь... Ты забыла майдан? Лозунги «москалей на ножи»? Как они начали обстреливать Донбасс?..

— Первое: я не хочу об этом говорить, потому что я не хочу с тобой ругаться по этому вопросу. Второе: а ты уверен, что ты прямо все так хорошо помнишь? И тогда правильно и объективно воспринимал информацию и мог делать правильные выводы? Я уже досконально не помню, честно, что и как там было...

Я не стал ничего отвечать. Всегда думал, что мы с Женей придерживаемся одних взглядов. А оказалось... «Ты прям все так хорошо помнишь?» Да, хорошо. Я прекрасно помню, как эти украинские марионетки, подчиняющиеся западу, шаг за шагом, планомерно развязывали войну. Делали пакость, убивая людей то на Донбассе, то в Одессе, и замира-

ли, ожидая реакцию России. Все тихо-спокойно? Значит, можно действовать дальше.

— Так Женья и не обязана разделять твои убеждения, понимаешь? — написала мне Аня после того, как я рассказал ей о разговоре с подругой. — Конечно, от друзей мы ждем, что уж их взгляды будут совпадать с нашими по неким фундаментальным вопросам, но жизнь идет, все меняется. Вы встретились в одной точке, где все совпало. С того момента прошла куча времени, изменились и вы оба, и жизнь перед каждым ставит совсем иные вопросы, никто не обязан на эти вопросы давать ответы такие же, как ты. Каждый со своей жизнью беседует сам, а ты видишь только со стороны даже не весь результат, а лишь его часть. Что ты вообще знаешь о жизни другого человека? Откуда тебе знать, почему и как он пришел к тому, к чему пришел?

Аня, как всегда, была права. Но... Помню ли я, как все было? Да, я хорошо это помню.

12

Некоторые жители освобожденных районов были недовольны. В основном те, кто зарабатывал на наших пенсионерах, которым приходилось ездить в Станицу Луганскую за пенсией. Бывало такое, что пожилые мужчины и женщины возвращались ни с чем, оставляя все деньги за постой у земляков, живших на украинской территории.

Кому война, а кому мать родна.

Моя теща с бабушкой летом четырнадцатого года уехали в мой любимый Харьков. Там работало много волонтерских организаций для помощи беженцам с Донбасса. Многим ли они помогли, не знаю. Но, по словам моей тещи, через полгода эти волонтеры ездили на хороших иномарках.

Еще и с нищей страны собирали деньги для украинских военных. А олигархи продолжали богатеть, наживаясь на сложившейся ситуации.

Когда речь идет о деньгах, выгоде, наживе, такое понятие как совесть теряется в тумане.

Рассказывала сотрудница МЧС. Она прибыла на вызов и почувствовала запах горелого мяса. Оказалось, что дети нашли мину, она взорвалась, одному оторвало руки и ноги, ребенок остался инвалидом.

Один знакомый луганчанин отказался идти на передовую, их отряд отправили охранять освобожденные поселки. Они попали под сильные обстрелы. Говорит, из четырнадцати человек двое поехали головой, а один, двадцатилетний парень, застрелился.

Военные, освобождавшие Попасную, рассказывали:

— Мы их целый день хреначим артиллерией, а они сидят в террико-не, там несколько этажей вниз укрепления. А ночью выбирают и по нам стреляют, после чего опять в свои норы прячутся. Никак их не можем выбить.

Российские войска обеспечены едой, амуницией, бронезиждетамии... Нашим две буханки на четырнадцать дней. Без бронезиждетов. Много погибших солдат ЛНР и ДНР. Опыта боевого нет. Раненых много. В больницах лежат, после взрывов ягодицы стертые.

Бабушка на рынке говорит своей знакомой:

— Я сыну и внуку сказала: «Живыми в плен не сдавайтесь».

Другая говорит:

— Мобилизовали всех. У меня соседа с первого этажа забрали воевать. Так он почти слепой!

— Возле моего дома стоял танк ДНР, — вспоминала девочка-подросток. — А на другом конце улицы — украинский. И вот они перестреливались, а мы с семьей лежали на полу.

Эвакуированный с Рубежного мужчина рассказал, что украинские военные ездили на двух автомобилях «скорой помощи» и на инкассаторской машине, останавливались между домами, стреляли и уезжали, а потом по этим местам бил ответный огонь. Это такая же тактика, как и в четырнадцатом году. Дом этого мужчины разрушен, возвращаться некуда.

Самое интересное, что за эти восемь лет украинская пропаганда так и не смогла сломить беженца из Рубежного. Он как придерживался таких же взглядов, как я, так и придерживается. Хоть он и жил в украинском Рубежном, но все равно болел душой за Россию. И вот в этом вся соль. И таких по всей Украине очень много.

Ехал с одним таксистом по городу. Он рассказал, наверное, главную историю своей жизни. Жена долго не могла забеременеть. Пришлось делать ЭКО, все удачно. Да так удачно — сразу две девчонки родились. А ему было сорок лет в год их рождения. Дочки росли здоровые и красивенькие. Потом началась война. Снаряд попал точно в их комнату, разворотил полдома... Хорошо, что к этому времени мужчина вывез семью на безопасную территорию. Уберег Господь таких долгожданных для этого таксиста детей.

Бабушка в маршрутке попыталась расплатиться гривнами. Водитель сказал: «Я гривны не принимаю!» Она ничего не ответила. Парень встал и заплатил за нее. Хотя водитель старушку и не выгонял, провез бы бесплатно.

Бабушка, видимо, беженка из украинской части Донбасса, рублей у нее не было. Вот отношение наших людей к ним. Хотя мы были по разную сторону баррикад. И вероятно, пожилой женщине здесь не нравится. Но все луганчане помогают, как могут.

Но понятно, что люди, прибывшие с тех территорий, — разные. И есть такие, которые против нас. Подростки из Рубежного, сидевшие на лавочках возле университета: «Слышали, как наши сегодня ночью сепаров мочили?» Для них мы — уже чужие, сепары, террористы. Украинская пропаганда постаралась. А для нас они — заблудшие братья, сыны и сестры.

Сколько таких историй.

13

Утром поехал встретиться со знакомыми любителями поэзии и литературы. Приехал пораньше, чтобы прогуляться по парку Щорса. Детворы много, бегают, играют, рядом мамы.

Памятник, посвященный погибшим детям. Раньше он был похож на надгробие с написанными на нем именами. Теперь он представлял собой композицию, изображающую ангелков разных размеров. Самому младшему погибшему ребенку был месяц, самому старшему — семнадцать лет. Пожить не успел ни один из них.

Рядом когда-то жили мои друзья. Где теперь они?

Подошел Марк, серьезный и немного рассеянный, как всегда. Пошли на квартиру. Там уже ожидали другие участники кружка. Читали сти-

хи, пили коньяк и закусывали тем, что принесли. Рассуждали о литературе, смеялись... Собираться в библиотеках сейчас нельзя, потому что украинцы могут ударить «Точкой-У». Но желание общаться и делиться своими произведениями очень велико. И с удовольствием про любовь читают и слушают, а про войну... как она надоела. Марк сказал, что не может ничего про войну писать, вообще не пишутся стихи, а Алесь не может писать ни о чем, кроме войны.

В этот момент я подумал: «Может, мы все исчерпали свой лимит на счастье, и остаток жизни будет невнятным и тяжелым?»

Я вспоминал разговор с Женькой. Пусть мы с ней по-разному смотрим на ситуацию, но в одном она права: все это надо заканчивать. А как ты это закончишь, если вершится мировая история, и Донбасс — важная часть этого? Хочется уехать в глухую деревню, чтобы никого не было рядом. Но так не получится.

Колонна техники проезжает мимо, гудят, — бронемшины, гаубицы, грузовики. А я на окраине города, стою и пью кофе, согреваясь в прохладное апрельское утро. Что я здесь делаю? Рядом завод, на котором работали мои предки. Может, я к ним пришел сюда? Ведь не только по кладбищам ходить?

К полудню значительно теплеет. Я иду по трамвайным линиям, мимо заброшенного старого парка, и вижу чудо. Вижу картину, почему-то потрясшую меня до глубины души.

Идет девушка в белом платье. Худенькая, фигура практически подростковая. С округлившимся животом. Беременная. В такое время. Спечоперация, боевые действия. Где твой муж, красавица? Наверное, на фронте. Сейчас почти всех забирают. А ты идешь и улыбаешься — и пританцовываешь на ветру. Потому что ты несешь в себе искру. Эту непобедимую тягу к жизни. Ты смотришься как инородное тело. Ведь здесь, кажется, не может быть таких искренне счастливых людей... Не сейчас.

Я смотрел ей вслед. Как же прекрасна жизнь! Как я хочу, чтобы все были живы! Как я хочу, чтобы все улыбались друг другу!

Как пел Виктор Цой: «А мне приснилось: миром правит любовь, а мне приснилось: миром правит мечта, и над этим прекрасно горит звезда. Я проснулся и понял — беда». Не время для любви, не время для мечты. Звезды оборачиваются ракетами «Точка-У», и они горят, но не в небе, а здесь, на земле, сжигая все. Время для бед...

— Я стих написала... о тебе, — пришло сообщение от Милы.

— Классно. Покажешь?

— Нет... не знаю. А тебе посвящали стихи?

— Да, было дело, — честно ответил я.

— Тогда тем более не покажу!

Эти глаза, смотрящие на меня в автобусах, магазинах, на улице. Такие разные. С обидой, упреком, непониманием, усталостью, похотью... Такие родные.

Вернувшись домой, я застал у нас женщину. Лицо ее покраснело от слез. Мама утешала ее. Я узнал тетю Веру — мамину коллегу. Я знал ее с детства, потому что часто приходил к маме на работу.

— Сынок, тут такое дело...

— Что такое? — спросил я с тревогой.

— У тети Веры сыну исполняется через месяц восемнадцать лет. Его призовут на фронт. Нужна российская прописка.

— Да, конечно. Без проблем, я только у Ани узнаю, не против ли она. Слезы на глазах тети Веры исчезли. Она смотрела на меня с недоверием, но и с надеждой. Я ответил уверенным спокойным взглядом, мол, все будет.

Я написал Ане, рассказав об этой ситуации. Ее реакцию я предвидел — она была против. Мы немного поругались из-за этого. Я пытался ее переубедить.

— Если я могу спасти хоть чью-то жизнь, то я это сделаю! Через месяц парню стукнет восемнадцать лет и его отправят на войну. Он не вернется с нее, у него нет опыта. Мать останется несчастной на всю оставшуюся жизнь.

— А если они квартиру отберут?

— Это друзья семьи! Да и как вообще они отберут квартиру? Перестань!

— Делай, что хочешь.

Я заверил тетю Веру, что все будет хорошо и прописку ее сын получит. Ничего с ним не случится. Она начала песню про благодарность, про то, что в долгу не останется.

— Я понимаю, это дорого стоит. Но я заплачу.

— Тетя Вера! Успокойтесь. Я вас с детства знаю. Я никогда не возьму с вас за это деньги. В мирное время, может, и взял бы. Но не сейчас.

Вечером сидел на лавочках в своем дворе. Тишина вокруг, на улице никого нет, окна практически не горят. Немного продрог от ветра, то затихавшего, то вновь набравшего силу. Сквозняки наших дворов, заставленных хрущевками.

Вот вроде сделал доброе дело, а тошно почему-то было от себя. «Так ты хочешь быть хорошим, чтобы все тебя любили, — с презрением думал я. — А не наплевать ли на всех остальных? Разве ты кому-то из них нужен? Кто-то за тебя вот так впряжется?» Иногда мне кажется, что я никого не люблю. И себя в первую очередь.

14

Раздав все, что привез родным и знакомым, я возвращался в Воронеж. Со мной в автобусе все так же ехали одни женщины, старики и один раненый военный. Так же в ногу, как и тот, с которым я ехал в Донбасс. Он ехал на лечение. Так же хотел снова в бой после того, как подлечится.

Таможенник на границе спросил у меня:

— В боевых действиях участвовали?

— Нет.

Почему-то назад дорога всегда быстрее. Снова за окном была моя любимая картина: темные поля, слабоосвещенные спящие деревни и города, одинокие машины и большегрузы. В наушниках — любимая музыка.

Я чувствовал, что впереди тяжелые времена. И нам придется в них жить и умирать, но главное не в этом, а в том, что мы должны эти смутные времена завершить. Чтобы наши потомки на собственном опыте не ощутили того, как нам было непросто. Чтобы знали о войне только по книжкам. Хотя бы на время. Видимо, таков путь человека.

Рано утром я открыл двери квартиры. Аня еще спала, но из-за шума проснулась. Приоткрыла один глаз и улыбнулась. Я упал в ее объятия.

— Я так скучала.

— И я. Прости меня за все.

Я был переполнен нежностью к жене, взявшейся непонятно откуда. Не хотел выпускать ее из рук.

— Я так много приятных слов хочу тебе сказать, но они все растерялись. Спасибо тебе за все, Аня. Я только твой, никогда тебе не изменял и надеюсь, что такого не будет. Извини еще раз за все.

— Ничего, мой хороший. Не переживай... Подстричь тебя надо. Седины добавилось...

Через время мы встретились с Милой. Я смотрел на нее, симпатичную, весеннюю, легкую, и понял, что мои чувства улеглись, остыли. Нет, не угасли окончательно, я все еще восхищался и дорожил ею. Но... больше не хотел.

Дома ждала та, которая была со мной все эти непростые годы. И при одной мысли о ней сердце вдруг сладко сжималось от любви и нежности.

*Март — июль 2022 года,
Воронеж — Луганск*

Мария Игоревна Знобищева родилась в городе Тамбове. Окончила Институт филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Кандидат филологических наук. Печаталась в журналах «Подъём», «Наш современник», «Вопросы литературы», «Волга-XXI век», «Крещатик», в «Литературной газете». Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова, премии им. Ю.П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. Автор многих книг стихотворений и прозы. Член Союза писателей России. Живет в Тамбове.

Мария Знобищева

С КРАСНОЙ СТРОКИ

ГЛИНА

Здесь у речных продолговатых мысов,
Где молочай на желтом солнце чах,
Месили глину для глубоких мисок,
Для крутобедрых крынок и корчаг.

Суглинок собирался смуглым комом
И становился — волей ловких рук —
Горшком в печи, самую печью, домом,
Случайным слепком со всего вокруг.

По локоть погруженные в глубины,
Работали. Лишь мальчик у реки
Лепил свистульки из остатков глины:
Головки, клювы, крылышки, глазки.

...Слепить — и навсегда с землею слиться,
Хоть скуден этот край и воздух скуп,
Но мальчик позже всех к огню садится.
Он дышит, чтобы заново родиться —

И оживают глиняные птицы,
Согретые прикосновеньем губ.

* * *

Красен снег под рябиной от сорванных ягод.
Будет с красной строки начинаться лыжня.
Подожди, и они обязательно лягут —
Золотые снежинки наставшего дня.

Все, проснувшись, займутся каким-нибудь делом,
Будто рыба забьется в привычную сеть.
И забудется все — даже красный на белом,
Только б падать и падать, лететь и лететь.

* * *

Кандинский и Кустодиев. Клубами
Лилового и голубого пара
Распахиваясь, дышат шубы, лица.
И лед дробят так звонко на бульварах,

А дальше, за деревьями — белея
За елками, оградами, крестами —
Обитель бьется мерным древним током,
Как сердце верное, живое пламя.

Все, что вокруг — дымящаяся рана.
Оставь ее. Сегодня ночь такая:
Два века, два серебряные овна,
Сойдутся лбами, искры высекая.

Сфотографируй сердцем эту полночь:
Сургуч луны на голубом конверте.
Через года придет письмо, в котором
Не будет слов, а будут снег и ветер —

То, для чего не пригодятся губы.
Такая тишь, что скажешь: «Только звук бы...»
За елками, оградами, крестами
Стоит зима, и замерзают буквы.

* * *

Улыбки облаков теряются из вида,
И небу ничего не надо от земли.
Я не люблю январь за детскую обиду:
Стал рыхлым белый снег и елку унесли.

Я не люблю январь за чопорные речи:
«Не мы катались с гор и пели до утра!»,
За то, что царский дар на ропот человеческий
Сменился сам собой... за то, что все — игра.

Январь — хрустальный гроб, в котором спит невеста.
Ей уколола перст сосновая игла.
Звенящей пустотой сияет свято место,
Но праздник, правда, был, и елка в нем — была.

ОСТАТЬСЯ ЗДЕСЬ

Остаться здесь — тяжелой и живой
Лесной землей, зернистым рыхлым снегом,
Корой багряной, прелою листвою,
Разбрызганным по всем канавкам небом.

По всем каналам сердца — хвойный хор,
Сосновый сонм... Дышать одним дыханьем
С морской звездой и эхом дальних гор,
Предошущеньем и воспоминаньем.

Гудит оркестр пожаром медных труб,
К зеленым кронам подступают соки.
Мы не умрем, как сосны не умрут
Под этим гулким куполом высоким.

И гул корней, и солнечную взвесь
Лови и дли в пространстве невесомом,
Чтобы обнять весенний воздух — весь,
Как этот март, у горла вставший комом.

ВОЗДУХ ОСЕНИ

Воздух осени —
                  холодный и хороший.
В небе — стай велеречивые ручьи.
Я без спроса буду пальцами ерошить
Эти травы, словно волосы твои.
Знаю нежное, но дорого иное —
Что свилось в жгуты тугие от тоски:
Злые травы, закаленные на зное,
Стебли жесткие, пустые колоски.
Я не солнце, не земля, не ливень летний —
Не умею делать мертвое живым,
Но ведь можно — «целованием последним»
Перед снегом, перед светом вековым?..

Дарья Валентиновна Князева родилась в городе Воронеже. Окончила Воронежский государственный университет. Кандидат физико-математических наук, актриса «Театра равных». Публиковалась в «Литературной газете», журнале «Юность», коллективных сборниках издательства «Перископ-Волга», альманахе «День поэзии ВГУ». Дипломант и финалист различных всероссийских и международных конкурсов. Участник региональных и всероссийских литературных фестивалей и совещаний молодых литераторов. Живет в Воронеже.

Дарья Князева

СМОТРИ МОИМИ ГЛАЗАМИ

Рассказ

Опора скользнула прочь. Больно ударившись о корявый ствол плечом, Тим рухнул на землю. Сдавленно выругавшись, поднялся, с досадой пытаясь приладить кусок разодранной штанины, но тот предательски оттопыривался и никак не ложился на место.

Сверху донесся заливистый смех. Тим раздраженно вскинул голову — согнувшись пополам, Кира просто укатывалась над ним, тряся выбившимися из «хвоста» кудряшками.

— Растяпа ты, растяпа! Пх-пха... Говорила же: не клади доску на ветку, навернешься... Ну, или закрепил бы ее, что ли.

— Без тебя знаю! — зло бросил Тим. Ее снисходительный тон порядком бесил, два года разницы не повод важничать. А прямо не сказать — дурак дураком окажешься, как младшеклашка обидчивая. Отряхнувшись, полез обратно, упираясь в глубокие складки коры.

Кира протянула руку:

— Давай помогу, горе луковое!

Жгучий гнев на самодовольную девчонку заставил Тима рывком сдернуть ее вниз, перехватившись другой рукой у основания ветки. Но в следующий момент пожалел — сломает еще себе что-нибудь, не дай бог, тащи потом в медпункт.

Кира же, коротко вскрикнув, мгновенно остановила дугу полета, мягко спружинив о ствол, и теперь ехидно поглядывала снизу, точно ожидая дальнейших действий парня.

— Кончай глумиться, совсем не смешно! — рыкнул Тим. Приняв кивок в ответ, помог подруге вскарабкаться обратно. Следом уселся сам, крепко обхватив ветку ногами.

Отсюда открывался отличный обзор на пустырь. И на медуз. Голубоглазых, синеглазых, изумрудно-глазых и совсем уж старых, отцветающих — с черными бусинами зрачков по периметру зыбкого тельца. Приближаться к стаям боязно, потому дерево выбрали шагах в пятидесяти. Оптику достала Кира. Чудную, но годную: пара длинных трубок на перемычке, с настройкой дальности до трех километров (с ее слов, не проверяли). Где добыла — тайна, покрытая мраком. Заявила, что в дедовом сарае откопала, но Тим сомневался. Тот, конечно, механиком начинал, полно всякой всячины прятал: клещи, тиски, гидравлические ножницы, даже фрезерный станок (если название не спутал)... Но такая приبلуда — явно не его профиль.

С полчаса ребята не отрывались от бдений, сталкиваясь лбами в поисках позы поудобнее. Самое лучшее время: закатное солнце искрилось на маленьких скользких куполах, а глазки медуз будто электричеством налились. Порхают себе, гирлянды сине-зеленые, не думают ни о чем... А им и нечем. Их дело — зацвести, в воздух подняться, людям нервы потрепать, да и осесть обратно на траву вдоль дороги черно-белой массой.

Незаметно наполнили сумерки, медузы опустились к земле, зависнув на высоте с полметра, почти неразличимые даже вооруженным глазом. Кира отвязала от ветки вещмешок, спрятала оптический прибор, а наружу извлекла сверток с пирогом. Развернула, разломила пополам: густо пахло капустой. У Тима засосало под ложечкой, и он порывисто отвернулся. Кира, удивленная эти маневром, придвинулась и протянула кусок.

— Хватит меня подкармливать, думаешь, дома есть нечего? — нахмурился он.

— Глупость какая! Обедал еще до школы, ученическую пайку Дэну отнес... До ночи теперь голодать?

Тим хотел было возразить, но, махнув рукой, взял свою порцию пирога, буркнул «спасибо» и умял ее в момент.

— А мне плантограмма вчера пришла, — словно невзначай обронила Кира. — Через две недели уезжаю.

— Промежуточный Второй?

Девушка отрицательно покачала головой, преувеличенно внимательно разглядывая носки башмаков.

— Первый?!

— Внутренний... — тихо выдохнула она.

Тим уважительно присвистнул. Они жили в Третьем Промежуточном округе. За особые успехи на второй этап обучения обычно отправляли в следующий, более близкий к Узловому Центру. Реже пересказывали через уровень... но чтоб через два!..

— Родители гордятся, наверное? — Скрывая горечь за иронией, парень одобрительно ткнул подругу в бок.

Кира пожала плечами:

— Мама плачет. Отца не видела еще — выброс вторые сутки ликвидирует.

— А чего плакать-то? Радоваться надо! Так, глядишь, и до Центра

добрешься. А там хоть и биологические, но технологии. Говорят, вода горячая в жилые капсулы подается. Опять же, сами капсулы — не чета нашим баракам.

— Да ведь несколько лет не увидимся... А может, и вовсе никогда. Если б во Второй, и родителей могли бы, опережая график, со мной перевести — мол, новая программа, поддержка семейных связей, то да се... А через два уровня точно не станут, жирно слишком. Да и квалификация не дотягивает, работать они там не смогут. В общем, как ни глянь — без вариантов. А по графику им до Второго округа еще три года, а потом еще семь — до Первого. Про Внутренний вообще молчу.

— Сама-то что думаешь?

— Здорово это, конечно. Только страшно... Далеко, и совсем одна.

— Ну, там же тоже люди. Товарищей найдешь, другую жизнь узнаешь, другие возможности откроются. И потом, почему не увидитесь, будешь приезжать с караваном...

Кира улыбнулась:

— Походу, за то тебя мой дед и любил. Он тоже все про технологии свои твердил, про возможности. Мол, такую цивилизацию профукали, живем, как в средние века... А нормально живем! Воздух чистый, еда есть, одежда есть — сама растет, между прочим, крыша над головой, опять же...

Тим вспомнил проклюнувшуюся утром платяную грядку: тугие синефиолетовые стебли, покрытые буроватой слизью, перли ровным частоколом. Передернул плечами: пока рубашки не вызревали окончательно, эти посадки не вызвали ничего, кроме опасливой брезгливости.

— А чем в Центре лучше? — продолжала Кира. — Выбор больше? Так там и света белого не увидишь! С караваном, говоришь? Первое время у меня график восемь через двенадцать будет, и это в обучающем режиме. А потом еще мельче дробление станет, нагрузка-то выше.

— Ну, откажись, если боишься! Желающие на твое место мигом найдутся. Чего канючишь?

Парень рассердился: да что она, в самом деле?! Такая удача. У него-то с биологией не складывалось... с биоинженерией тем более. Вот к древней технике влекло сильно. Дед у них с Кирой, считай, был общий. Родного мальчик не знал, а со старым Яковом понимали друг друга с полуслова. Совсем мелким Тим забегал в дедов сарайчик, заползал под верстак и с горящими глазами кидался на поиски сокровищ. Старик, довольно крикнув, вытаскивал его оттуда с кучей барахла в загребущих ручонках и рассказывал, для чего нужно это, а для чего другое... Но прошла та пора. Да и механики нынче не требуются. После Второй Зеленой революции все технологии кроме биоинженерных и ментальных под строжайшим запретом. А с ними и любые механические приспособы. Безотходное производство, мир и согласие с природой, понимаешь...

— Дурак ты. Думаешь, не соображаю, какой шанс? Если до Центра дойду и нормально сложится, то и родителей вытасу. Семьям узловых работников довольствие предоставляется, и вообще. Но там все сложнее, чем лозу из земли тянуть да помидоры с верблюжьей колючкой скрещивать. Раз не прыгну выше головы, лучше и не пытаться.

— Сама дура! Не получится — вернешься. А не попробовать глупо.

Кира фыркнула:

— Что ж ты-то не «пробуешь»? Документы на интервальную аттестацию так и не отправил. Ждешь, чтобы до второго этапа не допустили?

— А меня и так не допустят, ты это прекрасно знаешь, — неожиданно спокойно ответил Тим. — Здесь вырос, здесь и помру. По оценкам софитронов, я неспособен к ментальному труду и малопригоден к биоаграрной отрасли. За два года вряд ли что изменится. Ну не могу я с этой сльзью...

— Не понимаю, чем дедово машинное масло приятнее!

— И не поймешь, — сухо отрезал Тим и прыгнул на землю.

— Ты что, обиделся? Тим! Ну перестань!

Не оборачиваясь, он зашагал в сторону барачков.

Быстро темнело. Люмениров вдоль жилой улицы всего два — в начале и в конце. Направление видно, а вот ямки и кочки нужно ловить ощупью. Оставив за спиной входной конус света, Тим замедлил шаг, осторожно выбирая, куда ступить.

Из темноты выцеживалось странное бормотанье. Парень остановился. Звуки не стихали. Метрах в пяти от дороги, подвернув одну ногу под себя и крепко обхватив другую, застыл Разноцветный Дэн. Не открывая глаз, он лишь иногда кивал, то ли подтверждая свои «слова», то ли соглашаясь с невидимым собеседником. Бедняга опять надрался, и где только находится...

А может, его «этим делом» кто-то жалеет, как Тим собственными пайками. А ведь ночи еще холодные, роса вот-вот выпадет, застудится. Надо бы до дома дотащить...

— Вставай, дружище!

Но худосочный Дэн словно врос в землю. Уж Тим его и так и этак — не поднять. Когда же попытался посадить горемыку поудобнее, тот разлепил веки. Гм, замутненный взгляд не вязался со ставшей вдруг твердой, отчетливой речью.

— ...Не ходи за отца на поляну... не ходи за отца на поляну... — повторял и повторял он, то всхлипывая, то явно кому-то угрожая, пока слова вновь не слились в сплошной неразборчивый бубнеж.

— Эх тебя накрыло... Ну ничего, тут недалеко, давай-ка поднимайся, — приговаривал Тим, закидывая руку выпивохи себе на шею.

Он жалел Дэна. Он помогал Дэну. Он страшно боялся увидеть в Дэне будущего себя. Оставшись после первого этапа в округе — на второй не взяли — тот пошел работать на Комбинат. И чем дальше, тем увереннее спивался. И чем дальше, тем сильнее ненавидел сизые грядки и просто теплицы. В этом он признался однажды, когда пришел к бабке, как водится, выпросить закваску на опохмел. Бабки дома не было, а маленький Тим старательно замерял высоту проклюнувшегося в горшке фасолевого ростка — первое домашнее задание. Дэн тогда скривился:

— Сперва фасоль, потом строительные лозы, а потом эти лиловые уроды, из которых родится все подряд. Попомни мое слово, парень: наступит час — вылезет такая дрянь на жирном стебле, будет расти-расти, вымахает выше дома, а когда раскроется, там окажется не рубашка, не ведро, а плотоядный монстр!..

Тим не боялся промышленных грядок, но на всходы старался не глядеть — выскальзывал на улицу, огибая дом с обратной стороны. А с того дня проникся к Дэну симпатией, почувствовав какую-то общую с ним тайну, общую нелюбовь.

Когда же Дэн остался без работы, и вовсе начал втихаря носить ему часть своих паек. Вообще-то, страшная подлость: медузы — выброс Ком-

бината, и из-за них же людей увольняют! Мол, не зевай, не подставляйся, а если проросла какая на тебе, так прости-прощай без выходного пособия.

Бабка рассказывала, перспективный проект считался. Самый первый. Комбинат только основали, еще старым способом построен был (как и бараки, которые такими и стоят). Что там пытались вывести, неизвестно, но результат вышел боком. Бабка после учебки техником первого звена работала: собственноручно выносила эти ванны с питательной жижей и выливала на пустыре. Осень, ветра. Думали, высохнет-выдует да и промерзнет под конец. Вроде высохло. Вроде промерзло. А по весне-то в первый раз медузы и зацвели... Говорит, изучали года два еще нечаянную «радость». Не много узнали. Размножаются они чем-то типа грибницы, а для чего цветут — и вовсе непонятно. Как только ту грибницу не травили — все без толку, прорастает. Спасибо, хоть за границу пустыря не летят, как колпаком прикрытые. С тех пор выбросы под строжайшим контролем.

— Садись давай, сейчас кашу согрею!

Тим не сказал, что уже поел, чтобы не обижать бабулю, и послушно сел за стол. Щелкнул энергопузырь, по кухне поплыл рыхлый аромат каши. Мошки наворачивали круги возле лампы с упитанными светляками, кто-то стрекотал за пыльным окошком... «Совсем как в детстве», — прикрыл глаза парень. Потом вздохнул:

— А где батя?

— Ох, да кто ж его знает, не вернулся еще.

— Говорят, выброс был.

— Эт кто говорит, Кира твоя? — прищурилась старушка. — Ну, ей видней. Можт, и был. Отец придет — расскажет. Как в школе?

— Нормально...

— И где ж допоздна гулял?

— Дэна домой отводил, — почти не соврал Тим. Как заходит речь о медузах, нотаций не избежать. Даже если свидание на безопасной дистанции.

— Ох, да уймись ты уже, совсем ведь он блаженный стал, что с ним возиться? Можт, так побыстрее бог приберет, отмучается...

— Ба!

— Что «ба»? А ведь какой парень был! Теперь одна тень осталась... Вот гляди и на ус мотай, что с человеком выпивка делает!

— И Комбинат, — буркнул себе под нос Тим.

— Комбинат?.. Ну, конечно! А как бы весь округ без Комбината жил? Стукнет время — и сам туда пойдешь. А орехи везде случаются. Коли ума нет, кто ему виноват? Нормальные люди дома спят, а не по улицам шатаются.

Тим не ответил. Старушка же вдруг насупилась, заглянув под стол.

— Ну-ка, ну-ка, ногу-то выставь! Кому говорю!.. Э-э-эх... Опять как приبلудный будешь... Новые только месяца через два вызреют. Чего промолчал-то? Сам, что ли, латать собрался? Не позорь бабку, снимай штаны, аккуратно починю: дурак не поймет, умный не скажет.

Спал Тим беспокойно. Долго ворочался, временами проваливаясь в полудрему... Вязкая темнота заползала под одеяло, свивалась в клубок под боком, словно ища самое слабое место, самую нежную кожу, чтобы проткнуть ее жирным щупальцем и вытянуть внутренности...

...В предрассветном сумраке хрупкая фигурка опустилась на корточ-ки над домашней платяной грядкой. Воркующий мамин голос нашепты-вал что-то стеблям, тонкие пальцы ловко освобождали кончики побегов от излишков слизи. Иногда фигурка замирала, речь затихала, и в этом затишье стебли плавно покачивались, хотя даже при штормовом ветре стояли не шелохнувшись. Затем процедура повторялась со следующей грядкой...

Тим застыл в трех шагах, глядя через плечо мамы на странный риту-ал и уже твердо зная, что рубашки вызреют теперь к концу недели, а не к осени...

Хищный проем двери исполински возвышался справа от грядки, маня и пугая своей чернотой. А фигурка склонялась над ростками все ниже и ниже... Хотелось завопить, схватить за плечо и развернуть маму, всмотреться в лицо, броситься на шею, утонуть в ее ласке, ее теплых ру-ках, нежном голосе... И спросить, спросить, почему она не взяла его с собой!..

В такие моменты он вскакивал с постели мокрый, как мышь. И уже не мог уснуть до самого утра.

Сегодня сводный экзамен. Он ничего не решает; после официального приглашения — простая формальность. Умом Кира это понимала, но ла-дони потели, нехорошо тянуло в животе, а сердце точно рвалось наружу через горло.

Долгий выдох... Сняла с подоконника горшок с геранью, поставила перед собой. Вчера на конце мясистого стебелька проклюнулась крохот-ная розетка будущих бутонов. Кира выпрямила спину, закрыла глаза. Прокрутила в голове алгоритм из инструкции. Снова пристально посмот-рела на герань и замерла в напряжении. Зрачки расширились, к щекам прилила кровь...

Минута... вторая... третья... Зеленые кулечки набухли и медленно выпустили из сердцевины багровый бархат, развернувшийся в шарик соцветия...

Девушка расслабилась, откинулась на спинку стула. Получилось! Поставив горшок на место, она направилась к двери.

— Доченька... — Голос мамы звучал глухо.

Кира обернулась — мама неловко поправляла косынку и теребила в руках объемистый узелок. — Доченька, ты увидишь Тима?

Вспомнив вчерашнюю размолвку, девушка нахмурилась:

— Не знаю, не уверена... Слушай, я... мне нельзя опаздывать.

— Хорошо-хорошо, сама отнесу!

Кира кивнула, но, помедлив, уточнила:

— Все нормально?

Мама побледнела:

— Виктор... В общем, он не вернется.

— Отец Тима?! Что случилось? А папа? Папа в порядке?! — вскрик-нула Кира.

— Да-да, в порядке. — Женщина неопределенно кивнула в сторону спальни. — Кажется, я говорила, был выброс... Серьезный, шестого уров-ня. Менталисты держали периметр, а техники по очереди зачищали «по-ляну» от внешнего края. К эпицентру первой подошла группа Виктора. Они и пострадали. Окончательно извели уже огнепалом. Боялись, что перекрестная реакция начнется, но бог миловал, утихло. Людей жал-

ко... — Она порывисто прижала дочь к себе, погладила по голове и беззвучно заплакала.

Кира понимала: это слезы не только о погибших. Но и об отце, и обо всех, кто может оказаться на их месте. Непрофильный персонал не особенно берегут. Выбросы случаются нечасто, но их не избежать. Как и не предскажешь заранее истинный масштаб угрозы. Поэтому Кира с детства привыкла к мысли, что надо прилежно учиться, тогда твоя ценность будет выше. Менталисты — надежда и опора. Без них все рухнет, а значит, нужно стать менталистом.

Голова немного кружилась, но настроение было приподнятым. На волне эйфории — по скорости роста и прочности ее лоза на порядок обошла остальные — Кира напрочь забыла утренний разговор с мамой. Почти вприпрыжку летела к пустырю. После упражнений ей чудилось, что медузы — поют. Мелодично, нежно. Это, конечно, было не так, но по телу от того разбегалась приятная щекотка. Остановившись метрах в пяти от их ареала, Кира закрывала глаза, покачиваясь в такт лишь ей слышимой музыке.

— Эй, шлындра!..

Кира напряглась (голос Регины ни с чьим не спутаешь) и медленно обернулась. К ней приближались три фигуры.

Прогибаться нельзя:

— Это ты представилась или с кем-то из подруг знакомишь?

— Смелая типа? И самая умная? — Регина подошла вплотную и, нависнув над Кирой, процедила. — Если б не ты, тварь, меня бы во Второй округ отправили, а теперь на полгода перепрофиль и только потом, если повезет, сдавать. С нуля!

— Ты до норматива не добрала. Я-то что? — опешила Кира. — При чем здесь вообще я и Второй округ?

— Хватит комедию ломать, все знают, что тебя во Второй взяли! А в этом году берут только одного. И с нормативом брехня: его по среднему рассчитывают от лучшего результата!

— Слушай внимательно, говорю отдельно, — вздернула подбородок Кира. — Меня во Второй округ не брали. Если уж ты так туда хотела, стоило отправить заявку, глядишь, и выгорело бы. А раз нет — захлопнись и переучивайся!..

Ее трясло. Регина крупнее и сильнее, ее подпевалы, хоть и мелкие, дают численное преимущество. Лихорадочно соображая, как вывернуться из этого дерьма, Кира отвечала на автомате, почти не задумываясь.

— Нет, вы слышали эту брехливую сучку?! — Толчок в грудь, полшага назад, но устояла. — А кого тогда с потока переводят, а? Может, Эмму? — Минди кивнула на гоготнущую подругу.

— Это меня не волнует. Я перехожу во Внутренний!

Ошибка... Регина отшатнулась, окинула Киру недоуменным взглядом и, ядовито прищурившись, выплюнула в лицо:

— Спорим, не переходишь?..

Кира свалилась в пыль, едва успев что-то сообразить. Прожгла досада — уходить от подсечек Тим учил в первую очередь, а она...

Вскрикнула:

— Если софитроны узнают, что ты навредила потенциально сильному менталисту, — не то что во Второй не попадешь, во Внешний вышлют, без права пересмотра!

— Сначала докажи!

Регина уселась на нее сверху, заломила руки за спину и начала спутывать обрывком какой-то ветоши. До Киры дошло, что с ней хотят сделать... Если бросят на пустыре, доказать и впрямь будет сложно, кто поверит? Прижатая к земле, она обмякла, сберегая силы. Один глаз не открывался, его нестерпимо резало от попавшего под веко песка, но другим разглядела силуэт вяза...

Лежа под острым углом к границе пустыря, Кира отчетливо оценивала спасительную траекторию. И не менее отчетливо видела сгрудившуюся у края стайку медуз...

Самое отвратное — связанные ноги: ее собирались волочить по земле. Кира отчаянно извивалась, стараясь сместиться в нужном направлении. Без толку. До дерева слишком далеко... И вдруг заметила едва торчащий из почвы корень. Ее бросило в жар, зрачки расширились, потом резко сузились, и корень дернулся вверх, прямо перед занесенной для удара ногой Регины...

На землю они рухнули клубком. Морщинистый ствол ближе... совсем близко... Вложив в последний рывок остаток сил, Кира хлестанула поднявшихся на ноги противниц нижней веткой вяза. А уже теряя сознание, видела убегающие фигуры, слышала, будто издалека: «Ну ее, эту чокнутую!» — и пару зарядов трехэтажной брани.

Несколько дней после похорон отца бабушка держалась очень тихо. Вся в черном, и без того невысокая, она словно стала еще ниже. Когда Тим приходил, кормила его, а все остальное время молча сидела в уголке, сложив морщинистые руки на коленях и глядя в одну точку. Иногда плакала. И уж совсем изредка обнимала внука, всхлипывая: «Совсем ты сиротинкой остался...»

Тим тоже ходил как оглушенный. Жил точно по инерции. Школа — Разноцветный Дэн — школа — дом... Киры на похоронах не было. Подруга, называется... А мать ее помочь забегала. Сказала, что Кира болеет. Раз по пути домой решил проведать — не открыл никто. Черт ее знает. Уже неделю не видно. Нигде.

На пятый день бабушка куда-то пропала. Вернувшись из школы, Тим съел холодные вертыши, лег на кровать и уставился в потолок. В последнее время он особенно часто думал о матери. Почему она ушла? Почему без него? А главное, куда?.. Это было легче, чем тосковать по отцу...

От мамы Тиму достались «прозрачные» (так бабушка говорила) глаза, и еще остались о ней тревожные сны. Лица ее он не помнил, только голос и некое смутное, спокойно-теплое, слишком рано потерянное чувство... Менталистка, не чета отцу, да, видно, сердцу не прикажешь. Однако едва сынишке исполнилось полтора года, она исчезла. Шептались, что ушла с караваном, но это вряд ли: без ордера туда и мышь не проскочит. А может, в чистые, настоящие леса подалась?.. Неведомо. Тиму почему-то казалось, что перед уходом она была какая-то... чужая... или больная. Но возможно, только казалось.

Хлопнула дверь. Тим сбросил оцепенение, встал и побрел на кухню.

Поджав губы, старушка гремела мисками.

— Мне сегодня тест по биоквалификации засчитали, — сообщил Тим.

— Угу, — кивнула, не глядя, бабка.

Тим стало досадно, обычно она живо интересовалась его успехами. Сейчас, конечно, все изменилось...

— Куда ходила? — Он прислонился к дверному откосу, скрестив руки на груди, — словно поменялись ролями.

— Никуда! — отрезала старушка. Замерла на мгновение и неловко опустила на стул. — Не берут они меня! — выдавила со злостью. — Старая слишком, не годна.

Тим сел рядом:

— В смысле — не берут?

— На Комбинат обратно не берут... — Голос дрогнул, глаза заблестели.

— Спятила?! — обомлел Тим. — Зачем тебе Комбинат? Ты уже на бессрочном довольствии сколько? Лет пятнадцать?

— Не смей с родной бабкой так разговаривать! Дожила! «Спятила» — ишь! Чужие ни во что не ставят, и внук туда же!

— Прости, ба, не кипятись. Нет, серьезно, ты зачем на работу просилась?

— Просилась — значит, надо!

— Но зачем? Продукты и промсемена тебе выдают, у меня пока ученическая пайка, еще пару лет продержимся. А там... видно будет. — Что там будет видно, Тим не придумал. На чудо и перевод (что, в общем-то, одно и то же) он не надеялся. А думать о Комбинате не хотел в принципе. Вот пройдет два года, тогда и подумает.

Бабка тяжело вздохнула:

— Барак этот мне дали, когда сюда приквартировали, после учебки, как служебный. Я в ту пору уж на сносях была, а то б в общежитие при-селили и все...

Тим открыл было рот, хотел спросить про деда, но бабушка, как обычно, замахала руками: мол, отстань.

— ...Ну вот, а вскорости Виктор родился. Потом я старшим техником стала, потом руководителем группы. А там, глядь, и отец твой эмансипировался. Еще через десяток лет меня на покой отправили. Да Виктор уже тоже комбинатским числился, нас трогать не стали, так и жили. Мать твоя появилась, ты родился... Но это, внучек, другая история. А нынче выходит, что законного основания оставаться тут у нас с тобой и нет. Меня во Внешний округ отправят, в богадельню, а тебя в интернат при школе на оставшийся срок.

Такого поворота Тим не ожидал. Ни об интернате, ни о том, чтобы кого-то из барачников выселяли, он прежде не слышал. Но зачем бабке сочинять? Пожал плечами:

— Ничего, я через два года эмансипируюсь, устроюсь на Комбинат и заберу тебя обратно.

— Не забереешь. Я на довольствии, ты без семьи, так и будешь маяться в общаге. Да не думай, не за себя переживаю. Мне два понедельника осталось — тут или там, велика ль разница? Тебя вот бросать боязно, а то... — Бабка осеклась, однако Тим догадался: она чуть не сказала «станешь как Дэн». И смутилась, сожалея о том, что едва не выпалила в сердцах. Но ведь не выпалила же.

Тим напрягся, до белизны костяшек стиснул кулаки. Глядя на перекатывающиеся желваки внука, старушка испугалась, что он вот-вот бросится к двери и сгинет в ночи совсем как его мать... И страшно корила себя за длинный язык.

Но Тим не бросился и не сгинул. Он поднял на нее странно посветлевшие глаза и хрипло выдал:

— Завтра пойду в правление.

— Милый, милый... — залепетала старушка. — Они мне наотрез отказали, точно не возьмут...

— Я эмансипируюсь сейчас и устроюсь сам!

Тим принял решение, потому что иного выхода нет, и дело тут, конечно, не в доме.

Бабушка охнула, но ничего не сказала.

Тим сжимал в руках документы: неполный аттестат, справку из медпункта с результатами анализов и штампом о тотальном осмотре на предмет инородных включений. И сейчас впереди, шагах в десяти, кружили в воздухе эти «включения»...

Ругая себя за глупость (не стоило вовсе ложиться, дотерпел бы до утра), он неуверенно переминался с ноги на ногу. Всю ночь промучился бессонницей, вернее, муторным ожиданием сна... Рисуя в голове возможные ужасы застенков Комбината, отключился только перед рассветом. Снова видел мать. В этот раз она обернулась, но на месте лица колыхалась зыбкая белесая масса, по абрису которой то загорались, то гасли разноцветные искры. А из каштановых волос змеились тонкие стебельки с пурпурными зевами на концах...

Очнулся Тим лишь к одиннадцати и в медпункт за результатами, разумеется, опоздал. Пришлось ждать конца перерыва. Однако на Комбинат к назначенному часу он обязан успеть: и так еле удалось договориться об испытательном сроке.

Идти в обход — далеко и долго... Парень оттянул рукава толстовки вниз, накинул капюшон и зашагал напрямки. Короткой дорогой, через пустырь. Конечно, продираться сквозь «цветник» — плохая идея, а что делать?

Разглядывать их со стороны — это одно: парят себе, разноцветьем глаз переливаются, красиво... А вблизи — только успевай уворачиваться! К одежде почему-то не присасываются, зато к голой коже с превеликим удовольствием. И не сильно вроде жалят, но если прилипли, держись. Отскрести потом большого труда стоит, и зудит обожженное место — жуть! Кто в детстве влипал, реву было! Главное, чтобы прорасти не успели, иначе вырезать с мясом: глубоко вгрызаются, сволочи.

Дэн же ведь так и попался: отключился по пьяни под деревцем на пустыре, а они наутро зацвели. Ну и проснулся к обеду весь бляшками глазастыми разукрашенный. Потому и «Разноцветный». Проросли, пока дрых. Срезать не стали, не выжил бы: столько гадин облюбовали его, сплошным слоем. А с работы поперли. Одной твари на коже — уже с избытком: вроде токсины они выпускают в кровь, но не все время, а как бог на душу положит. Значит, и глюки носитель может словить в любой момент и натворить бед. А кому это надо? Потому все и увечатся, если припрет, — работа дороже. Кроме Дэна, еще дед древний на окраине жил меченый. Тот пока понял, что не комары покусали, а похуже дела, дня три прошло. Резать категорически отказался. Благо бессрочного довольствия за такое не лишают. Да теперь уж помер, наверно, давно было.

Правда, потом Разноцветного медузы облетали. Точнее, не прилипали к нему, а точно хороводы водили. С тех пор от разговоров он уклонялся. Тим иной раз просто приходил и сидел рядом. Порой Дэн не замечал чужого присутствия, а порой благодарно улыбался, хотя на вопросы отвечал односложно, а больше молчал.

Быстрым шагом Тим преодолел уже половину пути, ловко уворачи-

ваясь от полупрозрачных стаек. Но вдруг слева неожиданно вынырнула голубоглазка, взмыла метра на три и, рванувшись в штопор, нацелилась точно в Тима. Парень побежал, стараясь не упускать ее из виду. Однако медузка не отставала, болталась как привязанная, то чуть обгоняя его, то кружа совсем близко. И внезапно... пропала.

Тим обернулся, надеясь вновь поймать ее в поле зрения, и в этот момент зацепился носком башмака то ли за камень, то ли за корень. Едва успел сгруппироваться в полете, прикрывая лицо, но через мгновение почувствовал жжение на тыльной стороне ладони. Вскрикнув, вскочил и помчался дальше. Насчет руки иллюзий не питал, но ладно, лишь бы добежать до границы...

За краем ареала Тим с минуту переводил дух, а затем, стиснув зубы, остервенело вцепился в прилипшую медузу. Кожу вокруг бляшки разодрал в кровь, но тварь не сдавалась. Он заметался в поисках хоть какого-то орудия... Сухая ветка — то, что надо!.. Еще через пару минут белесорозовый ошметок валялся на земле.

На проходной спросили, что с рукой.

— Упал, — пожал плечами Тим. Действительно ведь упал.

Главное — успел.

Домой он возвращался полумертвый. Взяли подсобником. Работа оказалась не такой уж мерзкой, но тяжелой. На люменирах Комбинат сэкономил: гибридные органические витрины переливались всеми цветами радуги. Первое время болели глаза, но потом привык. В обязанности Тима входила переноска контейнеров с образцами с одного уровня на другой, ворошение перегнивающих куч с удобрениями (чтобы лучше поступал кислород), фиксация показаний в лабораториях — правда, только раз в неделю. Такой смены у него еще не было. Имелся и риск угодить на ликвидацию выброса... Но, если верить ребятам с третьего этажа, до следующего — месяца три почти, и, мол, по степени угрозы они бывают разными, а случаются как по часам — каждые девяносто дней.

Ссадина на руке заживала медленно, времени, чтобы сменить повязку, тем более промыть регенератом, на работе не хватало. Тим опасался — вдруг рука отнимется. Но пока вроде терпимо: даже не болело, лишь чуть зудело, мокло и не зарастало толком.

Погода скурвилась: мелкий дождик, совсем не по-весеннему секущий по лицу, постоянно менял угол атаки, ветер валил с ног. Тим шел, наклонясь вперед, одной рукой придерживая капюшон, а другую — пострадавшую от медузы — пряча от ненастья под толстовку. В отдалении почудилась знакомая невысокая фигурка. Он ускорил шаг, окликнул Киру, но не догнал. А она не обернулась — не слышала или все еще сердилась? Ну, выздоровела — и то хорошо...

Сразу с проходной он отправился переодеваться в подсобку. Смена в лаборатории. Там и обсохнет, и отдохнет на непыльном посту. Задумавшись, не заметил вынырнувшего из-за угла начальника техников и чуть не сбил его с ног. Обычно степенный, аккуратно причесанный на пробор, сегодня мужчина был непривычно взъерошен. Уставившись на парня, коротко бросил:

— Иди за мной!

Тим хотел возразить, что ему, вообще-то, к лаборантам, но, напоровшись на жесткий взгляд, уныло поплелся за начтехом.

Тот на ходу пояснил:

— Все смены на ликвидации, на текущих задачах по одному дежурному. Если оперативно разберемся — дальше на местах по расписанию.

— А я слышал, выбросы раз в девяносто дней бывают... — промямлил Тим.

— Не знаю, что ты слышал, сейчас делом заняться надо!

— Получается, наврали, — вздохнул Тим.

— Если бы... — скрипнул зубами начтех.

На «поляне» (ничем внешне не примечательном квадрате со стороны метров тридцать) суетились с полсотни человек. Чем занимались ликвидаторы, Тим сначала даже не понял. Они с размаху всаживали в рыхлую почву длинные дровки, увенчанные чем-то типа широких штык-ножей, проворачивали там и вытаскивали обратно, собирая невидимую добычу в мешки. Но вокруг была видна лишь трава. Самая высокая — по центру, а к границе поля все ниже и ниже. Край «поляны» обрамляла трехметровая полоса грунта, а дальше — шеренга менталистов в наглухо застегнутых светлых мундирах.

Начтех добрался до середины грунтовой полоски. Крикнул:

— Марк, закругляйся, я смену привел!

Долговязый, болезненно бледный мужчина с дальнего угла вяло кивнул и пошел к ним. Тим же увидел, что у самого края «квадрата», стремясь за его пределы, то ныряет в землю, то выныривает обратно тонкий пурпурный вьюнок. Уходя вглубь, цветки его сворачивались острым клином, а появляясь вновь, распахивались, напоминая крошечные орхидеи. Тиму они показались смутно знакомыми, хотя на домашних клумбах ничего похожего вроде не росло. Преодолев по голому грунту с полметра, «орхидеи» замирали, увядали и чернели. Вероятно, из-за действий ликвидаторов.

Взяв у Марка верхний комбинезон и «штык-копье», облачившись, Тим занял свое рабочее место. Разглядеть в траве вьюнок было сложно, поймать еще сложнее — тот будто уворачивался от ударов. Когда все же удалось попасть лезвием по тонкому стебельку, зацепить и выдернуть корневище, Тиму услышал пронзительный писк. Правда, длилось это долю секунды. А стягивая черный клубок со штыка, чтобы упаковать в мешок, заметил на штанине пурпурное шевеление.

Схватив вьюнок за самый кончик, Тим принялся наматывать его на руку, намереваясь выдрать и отправить к остальной добыче. Но тут — словно удар током! Непроницаемый, густой зеленоватый смог перед глазами, заложило уши, а под ложечкой похолодело, как при резком падении. Через мгновение глаза привыкли...

...Когда смог рассеялся и парень пришел в себя, клубок вился у его ног, не чернея и не стремясь к краю. И Тим... узнал эти цветы — змеящиеся былинки с пурпурными зевами в каштановых волосах...

Он испуганно оглянулся. Да нет, кажется, приступа никто не заметил. Раздраженно ударил штыком по доверчивым стебелькам. Старую ссадину нестерпимо жгло.

— И сколько ты был в отключке?

— Трудно сказать, но посмотрелся достаточно, врагу не пожелаю.

— Тебе бы в медпункт, может, подхватил что...

Тим с Кирой сидели на той же ветке, что и в последнюю встречу.

Странно и неловко, точно прошла не дюжина дней, а несколько лет. После работы Тим вызвал подругу на разговор. Иначе не простил бы себе.

— Я здоров. — Взъерошил волосы. — Просто некому больше рассказать... Это, понимаешь, будто тонешь, но... Но не тонешь. Нет, с ходу не объяснить!.. А вдруг... Вдруг это не морок, вдруг так оно и устроено?.. И что тогда? Все равно поедешь? Чтобы стать живым механизмом, удобрением?! Даже не знаю, как назвать...

Тим испытующе посмотрел на подругу. Та молчала. Он вздохнул:

— Ладно, чем болела-то?

Кира повела плечом:

— Трудно сказать. Врачи не определили. Мама говорит, Дэн меня притащил в день сводного экзамена... Экзамен помню, Дэна — нет. Он тоже ничего толком не объяснил, только что нашел меня у пустыря. Ну и провалялась я дома без сознания четыре дня. Хотели на караван вне очереди заявку писать, не успели, очнулась.

— Дела-а-а...

Разговор явно не клеился, но Тим не сдавался.

— Подумай: как можно увидеть во сне то, чего не видел в жизни? И тем более, как мне могло померещиться все в таких деталях на «поляне»? — Нахмурился: — Ты же не считаешь, что я фантазирую?

Кира не ответила. Спросила сама:

— Вы в респираторах были?

— Без... Но какое это имеет значение? Остальные же в порядке.

Девушка водила руками по тонкому побегу, проклюнувшемуся из прошлогоднего спила. Тим рассердился: и на нее за недоверие, и на собственную беспомощность. Зуд в ладони усилился. Увидев, что на побеге раскрылись новые почки, парень совсем разозлился:

— Да оставь ты в покое эту хворостину!

Кира вздрогнула: в глазах застыло недоумение, а в руке — опавшие с побега желтые сухие листочки.

— Это ты сделал?

— С ума сошла? Я даже строительную лозу на полметра выгнать не могу, не то что на чистые деревья влиять!

— Больше некому... Я заставила их распусться и расти, убивать не собиралась. — Кира силилась понять, как отнестись к такому открытию.

Ладонь Тима под повязкой зажгло сильнее, чем когда-либо. Он вскрикнул и сорвал повязку, пытаясь охладить кожу.

Кира напряглась:

— Что это?!

Парень стиснул зубы:

— Долгая история...

— Ничего, похоже, мне уже спешить некуда, — пожалала плечами девушка и придвинулась ближе: — Показывай...

Когда вернулись к баракам, уже стемнело. Кира не унималась:

— Я бы на твоём месте сходила вырезала! Во-первых, небезопасно, в любой момент накрыть может, а во-вторых, важно понять, ты в самом деле менталист или это побочка какая...

Тим брел понурый и растерянный. Он же не сомневался, что сковырнул всю медузу, будь та трижды проклята!.. И правда, дурак, надо бы сразу в медпункт — почистили б. Но вместе с тем... Вместе с тем почему-то не оставляло странное, почти забытое чувство комфорта и защищенности...

— А вдруг я узнаю, что случилось с мамой?.. — Он тряхнул головой: — Получается, не было бы счастья...

— Ага, «помогло»! — фыркнула Кира. — Скажешь тоже. Впрочем... Впрочем, может, ты и прав. Если только эти видения не от токсинов, конечно. Но хотя бы кошмары прекратятся. — Девушка ободряюще похлопала друга по плечу. — Одно непонятно: при чем здесь «поляна»?

— Погоди, я же не рассказывал тебе про кошмары! — сузил глаза Тим.

— Что значит, не рассказывал? А сегодня с чего начал?

Он мотнул головой:

— Сегодня я говорил про один сон!

— Успокойся, Тим, я это и имела в виду. А были еще?..

Едва коснувшись щекой подушки, Тим отключился.

...Вокруг снова сгущался туман, только теперь его наполняли не сумбурно, а медленно сменяющиеся картины. Образы перетекали друг в друга плавно, звучала тихая, нежная музыка, напоминавшая звучание тростниковой флейты... Как и на «поляне», слышался голос. Знакомый, но почти истаявший в воспоминаниях голос... И впервые Тим сумел различить слова.

— Смотри, малыш... Смотри, не попадись...

Из смога вновь выныривали то промышленные плантации, лиловыми пиками устремленные в небо, то огромные переплетения прозрачных пузырей, в которых колыхались человеческие тела. Потом картинка приближалась настолько, что удавалось разглядеть застывшие глаза с расширенными зрачками и медленно открывающиеся и закрывающиеся рты, словно у выброшенных на сушу рыб. От основания черепа и суставов к поверхности пузыря тянулись разной толщины белесые лианы...

План удалялся, и — новый: гигантская сеть, раскинутая во все стороны, истончалась по периферии, расходясь в лучи с нанизанными на них кругами. В сердцевине же сети клубилась бесформенная ярко-изумрудная громада; отдельные растения в ней были неразличимы, но все *это* шевелилось и ширилось. Слово перебродившее тесто, зеленая масса непрерывно всплывалась и вырывалась за пределы очерченного ареала, сминая и поглощая соседние пузыри...

Затем — опять резкая смена кадра. Теперь — «от первого лица». Тим идет к «поляне». Он смотрит на свои руки и видит женские, с длинными тонкими пальцами. Чувствует знакомое жжение, но только в области щиколотки. Слышит *мамин голос*...

— ...Держись... до третьей лаборатории... взять фиолетовый флакон, затем на минус первый... со склада огнепал и молниестрел...

Эти слова повторяются снова и снова. Но чем ближе к «поляне», тем чаще голос срывается то на фальцет, то на хрип... Цель Тима уже не испытательные посадки, а неприметная дверь за ними. Он ступает на грунтовую полосу. Кружится голова, ноги ватные, и — опять звучит флейта... Громче, громче, громче...

А из-за шторы уже бьет свет неумолимо погожего утра.

Тим по пояс свесился из окна и раскачивался вперед-назад, навалившись животом на подоконник. Кира задумчиво ковырнула ногтем краску наличника, вздохнула:

— Приходы, гляжу, с каждым разом все красочнее...

Парень поморщился:

— Зря иронизируешь. Думаю, не в яде медуз дело. При всей абсурдности видений есть в них что-то... Ну да, странное, но, черт возьми, убедительное!

— Значит, не пойдешь? Уговаривать без толку?

— Слушай, да разобраться надо сначала, вырезать всегда успею.

— Ладно, как хочешь, — пожала плечами Кира и поправила вещмешок.

Тим, потеряв равновесие, чуть не вывалился из окна, но вдруг завис в неестественной позе под острым углом к земле, нелепо растопырив руки. Потом медленно вернулся в исходное положение.

Кира застыла с широко открытыми глазами, зрачки ее медленно сужались.

Тим покосился на подругу с опаской. Попытался пошутить:

— Ты же не используешь свою власть надо мной мне во вред?

— Поглядим, — ответила в тон Кира. Посерьезнела: — Что же эта тварь с тобой сделала?

— Похоже, теперь я на двадцать процентов овощ! — продолжал ерничать Тим.

— Ну, тогда изменилось немного. Так как ты надумал разобраться? Пожалуй, не помешает страховка.

Углы в хозпомещениях постоянно завалены хламом — отличное укрытие. Тим наметил себе ближнюю к «поляне» подсобку. На ночь оставались три обходчика. С одним из них парень чуть не столкнулся в конце смены в дверях раздевалки. Точнее, столкнулся, но сделал вид, что направляется к проходной, и, переждав пару минут, короткими перебежками достиг нужной точки. Когда люмениры вокруг «поляны» свернулись на ночь, Тим осторожно покинул свое убежище.

У края грунтовой полосы застыл, переводя дух и еще раз взвешивая все «за» и «против». От легкого прикосновения к плечу вздрогнул и чуть не заорал в голос.

— Фу, блин... так и обмочиться можно, — пробормотал сердито.

— А мне что, с оркестром явиться стоило? — шепотом отозвалась Кира.

— Не ожидал, что правда придешь... Там же охрана.

— Подумаешь! Я отцу обед принесла, повсхлипывала о предстоящем отъезде и что, мол, не видела ни разу, что на работе у него творится. Он и растаял, устроил экскурсию, я и прикинула, как проскочить незаметно. А за проходной охранника маленько разыграла — шиповник теперь там повыше. Пока он бегал о внешнем выбросе докладывать, я обратно перелезла — и привет. Что конкретно делать-то собираешься?

Тим дернул плечом.

— Еще не знаю... мне кажется, интуиция должна подсказать. В процессе.

— Провидец... Ладно, я тут буду. Если что, постараюсь придержать кусок периметра. Ну, а ты уж тогда сопли не жуй и сматывайся.

Тим кивнул. Сердце екнуло, упав в живот, и точно замерло. Медленно-медленно, пригибаясь, он добрался до края поросли. Коснулся рукой — ничего, но в центре «поляны» почудилось какое-то шевеление. Выпрямился и шагнул к высокой траве. По мере приближения нарастал звон в ушах, перетекающий в еле слышную мелодию...

Достигнув центра (там стебли уже по пояс), Тим растерялся: и что дальше?.. Ох, глупая, похоже, затея, сейчас бы дома, поди, пятый сон глядел... Ну ничего, трава мягкая, можно вздремнуть и здесь. Лег на спину, раскинув руки, — в поврежденной ладони жар, но не обжигающий, а даже чуть-чуть приятный, ласковый...

...Смога в этот раз не было. Он, Тим, снова на краю «поляны», снова слышит срывающийся голос:

— ...Держись... до третьей лаборатории... взять фиолетовый флакон, затем на минус первый... со склада огнепал и молниестрел...

Сильно кружится голова, подкатывает тошнота. И вот уже перед глазами сплошной травяной ковер, в который Тим, упав на четвереньки, упирается... узкими женскими ладонями... Он движется против воли, трава ластится к телу, а голос надсадно хрипит:

— Отпустите, суки, отпустите, пожалеее!

Но он ползет и ползет. К центру. Хотя точно знает, что нужно в третью лабораторию: забрать фиолетовый флакон, потом на минус первый, и — взять со склада огнепал с молниестрелом...

В центре он ложится «звездой» лицом в траву, чувствуя во всем теле неприятную щекотку, а в ноге острое жжение... Но вот картинка отплывает; он видит тело матери сверху и слева: трава пронизывает его насквозь, завивается и снова впивается в плоть, точно накладывая швы... тысячи мельчайших швов... Ее руки и ноги конвульсивно вздрагивают, однако это совсем не мешает траве. И постепенно уродливая живая вышивка погружается вглубь, в почву, и зеленое поле смыкается над ней.

Но Тим видит все и там, в глубине (изображение словно подсвечено неясными лучами): от изувеченных конечностей тянутся толстые корни и тонкие волокнистые нити, по которым бегут искры, будто передавая кому-то (или чему-то) загадочные сигналы. И вновь звучит голос:

— *Смотри моими глазами...*

Тим очнулся оттого, что его волокло по траве, а острые стебли больно секли кожу...

...Кира сидела в стороне от периметра, привалившись к стене и тяжело дыша. На то, чтобы вытащить друга, ушли все силы. Тим лежал рядом и не мигая глядел в высокий сводчатый потолок. Еле слышно прошептал:

— Она жива. Просто... иначе...

Кира не ответила.

Парень скрипнул зубами:

— Все это долбаная правда!.. Медузы — коллективный проводник, помогают подключиться к единой биосети, которая с менталистами в обоих направлениях работает, да только куда человеку против этакой громадины. Потому контакт и вышел поначалу односторонним, и... Захват. Сейчас же, кажется, мать... ну, то, что вместо нее, может выбросы генерировать.

— А ты уверен, что это она? Откуда знаешь?

— Знаю, и все!

Кира хмыкнула:

— Веский аргумент.

Тим приподнялся на локте:

— Понимаешь, она видит сеть целиком и чувствует ее уязвимые места. Во всяком случае, в ту ночь собиралась выжечь медуз, чтобы у нас в

округе не захватило никого. Но не добралась до компонентов. А теперь и я *чувствую*... Понимаешь? Чувствую, как растет и крепнет сердцевина узла, как встраиваются в нее новые и новые сознания...

— И что ты собираешься делать?

Тим сел, пристально посмотрел подруге в глаза:

— Для начала выжечь пустырь. Поможешь?

— Что угодно, если утром пойдешь сдаваться в медпункт!

...Небо на востоке помалу светлело. Но это было почти незаметно — пустырь сплошным слоем усеивали искрящиеся тельца. Белесые тушки осыпались, как только выгорела грибница, и теперь дотлевали раскинутым на многие метры негаснувшим покрывалом.

Тим еще сжимал в пальцах коробок от заряда огнепала, напряженно вглядываясь в мерцающее сияние. Пустырь казался незнакомым и оттого даже более опасным, чем раньше.

В нескольких шагах крепко опутанный причудливо изогнувшимися ветками жимолости со стоном корчился Разноцветный Дэн. На его лице и теле то и дело вспыхивали светящиеся узоры, заметные даже сквозь рубашку. Дэн нарисовался почти сразу, едва ребята добрались до медузьего пристанища. Попытался оглушить Киру: подкрался сзади, когда та расставляла сеть молниестрела по периметру. Но то ли обессилел совсем, то ли промахнулся в темноте — не вышло. Пока подоспел Тим, они с Кирой накувыркались изрядно. Ну, до куста Дэна кое-как дотащили, а дальше — дело техники.

Завопила комбинатская сирена.

— Выброс. Сильный. Мать рвется, — глухо проговорил Тим.

Кира почесала локоть.

— Куда рвется?

— Комбинат развалить хочет... А там, может, и сердцевину остановить удастся. Мы же теперь заодно.

Девушка, положив ему руки на плечи, пристально посмотрела в глаза. Спокойно и твердо произнесла:

— Ты обещал вырезать остатки медузы, если очистим пустырь. Мы это сделали. Довольно подвигов. Утром идем в медпункт. Точка.

— Да погоди! — отпрянул Тим. — Я же тебе все рассказал. В подробностях. И про пузыри, и про людей в них, и про сердцевину!

— Даже если это не плод твоих галлюцинаций...

— Что значит — если? Медузы сдохли! Не самоубийство же они через меня решили повернуть?!

— Даже если это не плод твоих галлюцинаций, — продолжила ровным тоном Кира, — мы не знаем, как эта зараза подействует на тебя теперь, когда грибница уничтожена.

И точно в подтверждение ее слов повязка на руке Тима едва заметно подсветилась.

Он помрачнел:

— Так что, просто сделать вид, что ничего не произошло? не происходит?

Кира провела шершавой ладошкой по щеке друга.

— Конечно, нет. Но тебе обязательно надо отдохнуть...

Тим только сейчас заметил, что его ноги почти до коленей обвили тонкие гибкие побеги. Рванулся — бесполезно, стебли тянулись выше и выше. А Кира спокойно отступила на два шага, потирая локоть.

— Осатанела?! Ты что творишь? — Все негодование и злость на подружку Тим старался направить на проклятую поросль, но та только крепла.

— Тебе надо отдохнуть. И не мешать мне... И, пожалуйста, прекрати сопротивляться, ты же знаешь, что я сильнее! — неожиданно рыкнула она, остервенело расчесывая локоть.

Зайдя со спины, Кира повернула голову Тима влево, туда, где на все лады продолжала завывать сигналка. На фоне светлеющего неба росла странная грибообразная махина, уже на полкорпуса возвышавшаяся над Комбинатом.

— Она не остановится, а ты не сможешь причинить ей вреда, потому что всю жизнь надеялся... всю жизнь ждал ее возвращения. — Кира чуть давила его виски: — *Смотри моими глазами...*

...Несколько мгновений спустя невысокая фигурка, направляясь в сторону Комбината, скрылась в предрассветных сумерках. В ореоле от гаснущих ночных люмениров Тиму померещился шевелящийся голубоватый венчик вокруг ее курчавой головы.

Крепко спеленутый по плечи, он еще долго видел сквозь окружающий пейзаж, как две зеленые волны живого шторма накатывают друг на друга. Словно жуткое ведьмовское варево, вздымается и опадает зеленая масса...

И ничего иного вокруг.

От края до края.

Дмитрий Игоревич Ханин родился в 1989 году в Ростове-на-Дону. Окончил факультет математики, механики и компьютерных наук Южного федерального университета. Автор шести сборников стихотворений и ряда журнальных публикаций. Участник межрегионального семинара-совещания молодых литераторов «Школа Андрея Платонова» в Воронеже (2019) и III Всероссийского фестиваля молодых авторов Союза писателей России в Химках (2020). Лауреат международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...», дважды лауреат сайта «Российский писатель». Член Союза писателей России. Живет в Ростове-на-Дону.

Дмитрий Ханин

Я ДЛЯ ЗЕМЛИ НЕ ПЕРВЫЙ И НЕ ЛИШНИЙ

СТАРЫЙ ПЕНАЛ

На ветхой, как мир, антресоли
Нечаянно я отыскал
Пылящийся в скучной неволе
Свой школьный потертый пенал.

Находка — не горечь, не праздник,
Но жжет ученический стыд
И чудится, что первоклассник
С пенала в лицо мне глядит.

Быть может, я болен сегодня
И брежу, сознание дразня,
Но вижу: глаза он отводит,
Как будто стесняясь меня.

Как будто ему не по нраву,
Каким я со временем стал...
Не знаю, имею ли право
Открыть позабытый пенал,

Приблизиться к детству немного,
И, вытащив карандаши,
Раскрасить мечту и дорогу
На контурной карте души.

* * *

Так хочется сердцу читать научиться,
Да видно, пока я еще не дорос.
На тихом снегу, как на книжной странице,
Чернеют бессонные буквы берез.

С рассвета гляжу на ветвей очертанья,
На смутные знаки холодных стволов,
И в них замечаю Вселенной посланье,
Где ясны душе только несколько слов.

Слова-то простые — «Любовь» да «Молитва»,
А слоги надежды от ветра звенят:
И слышатся рифмы, безумствуют ритмы,
В которых восходом наполнен закат.

И страшно мне братья за стихотворенье —
Имею ли право? Совсем не пойму:
Пока столь обрывочны навыки чтенья,
Всерьез невозможно учиться письму.

* * *

Суета для души инородна,
И порой, оставляя жилье,
Я иду к тишине полноводной —
Будто в реку, ступаю в нее.
Замерев, ощущаю течение,
Удивляюсь картине простой:
Так нетвердо лица отраженье,
Что качается вместе с водой.
Даже годы, плывущие мимо,
В тихой ряби заметны едва.
И единственно несокрушима
Отражаемая синева...
Возвращаюсь к делам торопливым,
Где не видно надежд вдалеке,
А из крана вода терпеливо
Все зовет к молчаливой реке.

ФАКТЫ

Все подвергается сомнению,
Как будто видится сквозь дым.
Беспорен только факт рожденья
И смерти факт неоспорим.
Так много слов пропало даром,
Надежды канули в траву,
А я хожу среди яблонь старых
И греюсь фактом, что живу.

Хотя кора и листья дряблы,
Но меж ненастий и кручин
Бессмертны факты спелых яблок
На тонких веточках причин.

* * *

Ночью — словно наяву —
От хлопот в сторонке,
Снится мне, что я живу
В старенькой избенке.

Никого в округе нет,
Кроме птиц и Бога.
В трех окошках — яблонь цвет,
А в одном — дорога.

Всюду истина видна,
С Родиною схожа.
В трех окошках тишина,
И в четвертом — тоже.

Над дорогой небосвод,
Вдоль нее — осока.
А куда тот путь ведет —
Не узнать до срока.

МЕЛЬНИЦА

Ветер не переменится,
Гнется к земле трава.
Крутится в поле мельница,
Лязгают жернова.
Я переполнен робостью,
Слушая скрип веков:
Чувствую, будто лопасти —
Стрелки больших часов.
Знаю, хотя не верится —
Все отмелькать должно.
Жизнь — ветряная мельница:
Сыплю в нее зерно,
Собранное, как истина
В тоненьких колосках, —
То, что дано мне выстрадать
И принести в руках.
Сущное перемелется —
Ветер упрям и слеп...
Тихо душа надеется,
Что превратится в хлеб.

* * *

Опять кругом волнения и шум.
Кипят года меж рифмами и бытом,
Но чаще все приходит мне на ум,
Что я напрасно городом воспитан,
Что, может быть, в одной из деревень,
Где небо с человеком не в разладе,
Облокочусь когда-то на плетень
И так замру, на дождь вечерний глядя.
И долгий час ни шага не ступлю,
Как будто в землю врос я, точно яшень...
И запою — хотя не во хмелю —
О том, что дождь отчаянно прекрасен.
А буду стар — всему есть свой черед, —
В закатный свет окрасит солнце крыши,
Душа к спокойной истине придет:
Я для земли не первый и не лишний...

* * *

В эпоху больших эпидемий
Надежды даются с трудом,
И к нам обращенное время
Уходит незримым путем.

Мы злимся, что мир в беспорядке,
Что век опрокинут судьбой.
А годы бредут без оглядки
Затерянной в буднях тропой.

И вдруг возникает из дали
Вопрос о насущно-земном:
А сам я чьи-либо печали
Хоть чуточку скрасил добром?..

* * *

Быстра дорога и красива.
Все облака — куда ни глянь.
Меж небесами и обрывом
Локомотив скользит, как лань.

Спешит к угрюмому вокзалу,
Чтоб от него уйти опять
И по бессонным перевалам
Легко колесами стучать.

...Но, увлекаемый скольженьем,
Внезапно сердцем я узнал,

Что право этого движенья
Дано незыблемостью шпал.

Хотя их твердость не воспета
Ни в монументах, ни в стихах,
На них лежит дорога к свету,
Как у атлантов на плечах.

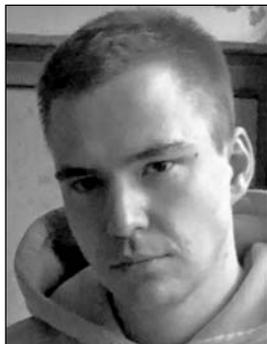
Они упорны и усталы
В трудах великих и простых...
Бывают люди — словно шпалы,
Да только кто прославит их?

* * *

К наивным дням судьба нас не вернет,
Меняют мысли форму и окраску.
Все меньше жду чудес на Новый Год,
Все больше ожидаю их на Пасху.

Крепись, душа, о вечном хлопочи —
Тебе так трудно истины даются!
Смотри же, как огромны куличи,
Хотя и уместаются на блюдца.

Как много нынче воздуха вдохну
У маленькой часовни белостенной,
Где чувствовать чудес величину
Я только начинаю постепенно.

Михаил Игоревич Клименко родился в 1996 году в городе Борисоглебске Воронежской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работал в рекламном агентстве «Камелот-Партнер», газетах «Борисоглебский вестник», «Семерочка», «Воронежский курьер». Живет в Воронеже.

Михаил Клименко

СТАНЦИЯ «ВОСХОД»

Рассказ

Солнце пробивалось в вагон электрички ярко-желтыми полосами. Было душно, лишь открытые окна не давали задохнуться окончательно.

Поезд качнуло — сомкнулась электрическая цепь, приводящая состав в движение. «Значит, сейчас тронется», — машинально подумал Вадим.

Ему хотелось курить.

В проходе чуть не повалилась грузная тетка лет пятидесяти с невообразимыми баулами. Вадим даже не попытался встать, чтобы помочь, — детскую привычку помогать слабым ради одобрения окружающих он давно в себе изжил.

Зато к ней инстинктивно подскочила Инга.

— Вы в порядке? — с испугом спросила она. Тетка не ответила, ее вовремя подхватил дюжий рыбак с огромным рюкзаком.

Инга еще несколько секунд смотрела на женщину, которая, преодолевая одышку, благодарила рыбака.

Потом взглянула в окно и тихо спросила Вадима:

— Я в зрелости буду такой же, — тут она запнулась, — крупной? Маму мою видел? Я фотку показывала. Ты будешь меня такой любить?

— Конечно, нет, — ответил Вадим, внимательно посмотрев на Ингу. — Как только ты располнеешь, я сразу найду себе другую. Зачем глупости спрашивать?

Инга сделала театрално-изумленную гримасу, обхватила шею Вадима руками, притянула к себе и слегка укусила за ухо.

Сидевшая напротив некрасивая девушка сердито уставилась в электронную книжку.

— Ладно, хватит, заяц! — Вадим, смеясь, выпутался из объятий Инги, крепко обнял со спины, чтобы она не могла шевелиться. — Так и будем теперь ехать, — сказал он и посмотрел на часы

Было 17:14. Аркадий Викторович ждет в 20:00. В крайнем случае, в 20:10.

Вдруг Вадим ощутил прикосновение к плечу:

— Мужчина, помогите сумку на полку положить, — обратилась к нему старушка в лоснящемся пальто.

«Мужчина, — усмехнулся про себя Вадим. — И давно я так повзрослел?»

Школа кончилась пять лет назад, а действительно, кажется, что прошла вечность.

Электропоезд набирал ход. За окном мелькали ветшающие дачи, словно вышагивающие из прошлого века. Их время давно ушло, земля зарастала бурьяном.

— Мне всегда нравится смотреть на такие дома и представлять, как в них живут люди, — не отводя взгляда от унылых построек, заговорила Инга. — Сейчас живут или когда-то жили? Я думаю о том, как они были счастливы. Правдами и неправдами получили участок, построили свои домики... Чтобы по вечерам собираться всей семьей под абажуром и пить чай. Желтые такие абажуры...

На Инге было легкое летнее платье, подчеркивающее фигуру, и ее любимые белые кеды. Маникюр она не делала уже давно — тонкие, словно детские, ногти были коротко острижены.

— Да никто здесь никогда не был счастлив, заяц, — ответил Вадим. — Так же лямку тянули и думали, где бы шифера урвать кусок, чтобы крышу залатать. Люди не меняются.

— Ты циник, ты знаешь об этом, да?

— Нет, — ответил Вадим.

— Еще какой циник, — продолжала Инга. — Циник и балбес. Ты все это говоришь и гордишься своим цинизмом: смотрите, какой я независимый!

Вадим чувствовал шутливый тон, однако последняя фраза его немного задела.

— Ингус, людям свойственно идеализировать прошлое. Просто в нашем настоящем никакого особого смысла нет, поэтому люди и цепляются за то, что было раньше. Пытаются там что-то настоящее найти. Но я уверяю тебя, за последние 40 000 лет человек никак не изменился, — с этими словами Вадим скрестил руки на груди и многозначительно устремил взгляд вдаль.

«...чтобы победить!!!» — вдруг резко раздалось со спины в конце вагона и смешалось с громким хлопком дверей.

«Черт, этого только не хватало», — уныло подумал Вадим. Вагон будто задрожал, сотрясаемый агрессивной лавиной. Инга испуганно оглянулась через плечо и всем телом прижалась к Вадиму. Ему казалось, он ощущает ее сердцебиение.

— Мы приехали, чтобы победить! Чтобы победить! Чтобы победить!
Вадим вспомнил, что завтра начинается очередной тур РФПЛ. Направление, по которому тащилась их электричка, вело к Москве. Красно-синяя толпа, человек пятьдесят, быстро и плотно заполнила их вагон.

Вадим рассмотрел у одного из парней веер дымовых пашек в руке. От многих болельщиков остро несло перегаром, слышался матерный гул. Некрасивая девчонка, сидящая напротив, оторвалась от книжки и с вопрошающим испугом посмотрела на Вадима.

«ЦСКА — вперед! ЦСКА — вперед!»

Фанаты оккупировали пространство и стали по-хозяйски оглядывать захваченный вагон. Вадим осмотрелся. В вагоне с отрешенным видом сидел тот самый рыбак, спасенная им тетка, несколько старух, высокая худая женщина и трое пожилых мужчин, напоминавших университетских профессоров. На месте кнопки под старой трафаретной надписью «МИЛИЦИЯ» зияла черная пустота.

У Вадима похолодело внутри.

«Ну вот, Вадик, твою мать, — зло подумал он, — поиграл в нигилиста перед несчастной девчонкой, теперь отвечай, “вывози за базар”. Сейчас они тебе покажут, как люди за 40 000 лет изменились».

— Кос, я тебе говорил, надо на паровозе ехать! — крикнул один из фанатов, уже явно перебравший.

— Фигня! — ответил ему лысый парень в черной олимпийке, державший дымовые пашки. — Мы че, вагон не найдем?

Вадиму стало чуть легче. «Армейцев» не устраивала оккупированная территория. Видимо, смущал библейский вид испуганных старушек. Однако фанаты не спешили уходить. Покачиваясь, они властно смотрели на окружающих, некоторые прыгали, развернув красно-синие флаги, кто-то пытался подтянуться на полках для вещей — благо все это происходило на приличном расстоянии от Вадима и Инги.

— Они теперь с нами до конца поедут? — в ужасе спросила Инга.

«Что ей ответить? Что? Идиот, пожалел деньги, не взял такси. Куда теперь тебе эти деньги? Морду разбитую вытирать? Самолюбие на них все равно обратно не выкупишь».

— Нет, заяц, они сейчас уйдут, — стараясь сохранять спокойствие, ответил Вадим. В этот момент поезд предательски качнуло, один из «армейцев», совсем еще мальчишка, не удержавшись, чуть не упал на них. Парень навалился на Вадима, который успел выставить перед Ингой руку, защитив ее от падающего тела. Юный «армеец» негромко выругался, поднялся и затерялся в толпе. В глазах у девушки напротив читался страх.

Инга прижалась еще сильнее и быстро поцеловала Вадима в щеку.

Вадим заметил, что его руки начинают дрожать. Нельзя было это показывать, нельзя, чтобы страх передался Инге. Почему-то вспомнились собаки, которые начинают бояться, если ощущают испуг хозяина.

Курить захотелось еще сильнее.

— Может, в другой вагон перейдем? — напряженно спросила Инга.

— Сиди, — процедил Вадим. Можно было уйти, но они сели прямо посередине вагона — ее дурацкая привычка. Теперь при движении в любую сторону им надо будет миновать половину прохода, густо заполненного фанатами.

Вадим боялся за Ингу, боялся за себя.

— Ну все, давай дальше, слышь, — послышалось откуда-то из людской гущи, — Кос, э, дальше идем!

— Да ща, погоди, — протяжно ответил лысый.

Только сейчас Вадим заметил, что он уже довольно долго стоит рядом с ними. Фанат рассматривал двух девушек, окружавших Вадима. Его самого он будто не замечал.

— Кос, оглох?

— Отвали, Хонда! — грубо огрызнулся лысый, обдав Вадима перега-ром. Его замутненный взгляд скользнули по бедру Инги, которое обвола-кивало легкое платье.

Вадима снова пробила дрожь. Он судорожно достал телефон, быстро сделал запрос: «цска ближайшая игра». Гугл отапортовал: «ВЭБ Арена. Завтра. ЦСКА — Уралхиммаш. Купить билеты».

«Да, — подумал Вадим, — сейчас билеты возьмем, а как же».

Лысый наклонился между сидениями, скривился в улыбке:

— Ну че... Куда едем? — Он обращался к Инге, остальные двое для него уже перестали существовать.

«Скотина, падаль, — ругался про себя Вадим, — Господи, чтоб вы передохли все, почему со мной это?..»

В эту секунду он до рвоты возненавидел футбол, стадионы, кричалки, флаги, шарфы, ставки, трансляции по телику, школьные спортзалы и ржавые ворота во дворе с дырявой сеткой.

Инга дышала часто, смотрела перед собой. Вадим сжимал ее руку, забыв о страхе выдать дрожь.

— Ну, куда едем, алле? — как-то безжизненно, но при этом агрессив-но спросил лысый в олимпийке. Чувствовалась тихая тяжесть закипаю-щей злобы.

— Слушайте, парни, — заговорил Вадим, обращаясь к лысому поче-му-то во множественном числе, — завтра с Екатеринбургом играете?

Лысый посмотрел на него, как на пролетевшую рядом муху.

— Ну, может, с ними, и че? — оскалился он.

— Да просто интересуюсь, — ответил Вадим, стараясь говорить как можно спокойнее. — Матч на Арене будет?

— На Арене, на Арене... — равнодушно ответил фанат, заглядывая в глаза Инге, которая пыталась ускользнуть от его все более развязного взгляда.

— А во сколько, не подскажешь? — дотронувшись до плеча фаната, спросил Вадим.

Лысый резко переключил взгляд на Вадима, смахнул его руку, уста-вился в лицо:

— Тебя это колышет, что ли, пацан?..

Раскрасневшееся солнце гналось за электричкой. Прорываясь сквозь помехи высаженных вдоль дороги деревьев, алый фонарь катился и буд-то еле-еле попевал за железной серой змеей. Дачные поселки давно кон-чились, рельсы шрамом пересекали никому не нужные поля, теплые лучи высвечивали царапины на вагонных стеклах.

— А ЦСКА — это «Центральный спортивный клуб армии»? — Вадим услышал справа чей-то женский голос, — справа была только Инга.

— Что?.. — спросил лысый и попытался изобразить на своей морде подобие благоговейной улыбки.

— Я спрашиваю, — с расстановкой повторила Инга, — ЦСКА рас-шифровывается как «Центральный спортивный клуб армии»?

— Да-а... — протянул лысый.

— Ого! — воскликнула она. — У меня там брат играл, ну, то есть слу-

жил! Его в армию забрали, он мне по телефону говорил, что попал в спортроту ЦСКА! Это считается? — Инга просияла восхищенной улыбкой.

— А он спортсмен или че? — покровительственно спросил лысый.

— Да! Он в футбол играл, как же он говорил, блин, забыла... КМС, вот! Он у нас КМС!

— Малорик! Давно вернулся?

— Год уже дома. Болеет за ЦСКА! — отчеканила Инга.

— Еще бы, красно-синий — самый сильный! — самодовольно гаркнул фанат.

Сзади его кто-то интенсивно потрепал по плечу:

— Ну ты затрахал, пошли уже дальше!

— Ща, Хонда, идем, — с достоинством ответил лысый и переложил дымовые пашки в другую руку. — Если что, на секторе за Коса спросишь, тебе каждый скажет, где я, поняла?

— Конечно, — улыбаясь, ответила Инга, — как будет ЦСКА играть, обязательно придем!

Лысого к этому моменту уже унесла в другой вагон толпа, скандирующая «ЦСКА, вперед!»

Вадим не верил в происходящее. Какая-то пошлятина. Как у Асадова про смелую комсомолку, или кем она там была? Нутром, шкуркой он постыдно радовался, что относительно легко удалось избежать серьезных проблем. Драка все равно была заранее обречена на унижительный провал. Однако это заискивающее поведение Инги, пусть даже и во спасение, отзывалось тяжестью в сердце.

А если бы ее вранье не помогло, и его бы избили у нее на глазах? А если бы убудок в олимпийке даже после этого от нее не отстал? Чем бы это кончилось? Что бы он сказал ее бабке, еще важнее — кого бы привез Аркадию Викторовичу? Ему бы никогда не простили.

Электричка замедляла ход. О набеге фанатов уже ничего не напоминало. Часы показывали 17:55. Вадим сидел, упершись локтями в колени, поддерживая руками голову, Инга гладила ему затылок тонкими пальцами.

— Красный Раздол, — прочитала Инга название станции вслух. — Какие же странные названия... Что такое «раздол»? Ты не знаешь?

Вадим задумчиво смотрел перед собой:

— Что-то вроде оврага, наверное, не в курсе, — ответил он, не поворачиваясь.

— А почему тогда «красный»? — снова спросила Инга. — В овраге был штаб пионеров-героев?

Инга наклонилась и посмотрела на него, ожидая увидеть реакцию на шутку. Вадим не отвечал.

— Ну, эй, почему ты молчишь?

Инга обняла Вадима и коснулась носиком его скулы. Вадим ощутил ее теплое дыхание.

— Как ты так быстро сориентировалась про брата? Откуда знаешь про спортроты? — Вадиму хотелось извиниться, но акцентировать внимание на своей трусости он не мог. Однако и просто так оставить это, никак не отрефлексировать, было нельзя. Занозы нужно доставать, пока не началось гниение.

Инга прищурилась, заговорчески огляделась вокруг и сказала на ухо Вадиму громким шепотом:

— Потому что у меня и правда есть брат-спортсмен, только это сек-

рет... Но если ты будешь меня обижать, он придет и сделает так! — Инга слегка укусила его за шею, Вадим инстинктивно дернулся. Она рассмеялась.

Девушка с книжкой, уже оправившаяся от испуга, кинула осуждающий взгляд на Ингу.

— Я серьезно, Ингус... Хотя ладно, не хочешь — не говори, — Вадим обнял ее за плечи и выглянул в окно.

Поезд наконец-то затормозил и дернулся, заставив пассажиров качнуться.

— Ну, на самом деле, у меня есть парень, который постоянно рассказывает много интересного, учит меня всяким мужским штукам. Водить, например...

— Да? — тоном ревнивца спросил Вадим. — И что это за козел?

— Эй, не называй его так! — Инга насупилась и легонько ткнула Вадима кулачком в плечо. — Он самый лучший и самый умный. Только иногда все равно балбес, — Инга снова поцеловала Вадима.

Резко ударили двери, в которые недавно вышли «армейцы». В вагон вошел потный мужчина с дочкой лет шести. Инга перехватила взгляд Вадима, подумала секунду и резко схватила его руку.

— Поднимайся, побежали! — вдруг сказала она.

— Куда? — растерянно произнес Вадим, но девушка уже тащила его по проходу.

— Это не наша остановка, Инга! — сказал Вадим, но она будто не слышала, и через секунду они спрыгнули на теплый бетон станции «Красный Раздол».

Вадим щурил глаза из-за солнца. От пыльной платформы поднимался июньский жар. Воздух казался горячим и густым. Вдаль уходила их электричка. Из окон одного из вагонов высунулись несколько рук с зажженными красно-синими файерами.

— И что это за демарш? — с назидательной раздраженностью спросил Вадим у Инги.

Девушка виновато опустила глаза.

— Я просто хотела, я... — Инга не находила слов, беспомощно озираясь по сторонам.

Станцией это место можно было назвать с натяжкой. Красный Раздол представлял из себя короткую бетонную плиту с двумя деревянными скамейками под раскаленным от зноя навесом. Спинки скамеек были сломаны. Табличку с названием станции кто-то старательно изогнул, на ее обороте чернели буквы «РНСП».

«Любимая группа Вики», — внезапно вспомнил Вадим.

Пара ржавых штырей, вырастающая из платформы, держала мемориальную табличку. На потемневший прямоугольник из дешевого мрамора были нанесены фамилии четверых местных красноармейцев, не вернувшихся с фронта. В уши врезались звуки ленточного станка. Видимо, неподалеку располагалась пилорама.

За невысоким заборчиком пышно зеленела густая растительность. Она будто с трудом сдерживалась ограждением: еще немного — хлипкие сварные швы лопнут и на платформу хлынет цветущая лава. От подобных картин Вадима всегда тошнило. Природа средней полосы на самом деле очень однообразна. В школе им постоянно внушали обратное. Вадим верил.

Вдруг непонятно откуда к растерянной Инге подошел пес. Невысокая

лохматая дворняга с навечно испуганными глазами. Ее шерсть покрывали колтуны, собака прихрамывала на одну лапу и постоянно озиралась, боясь опасности. Пес обнюхал колени Инги, потыкался в них носом и лег рядом, положив голову на ее белые кеды.

— Смотри, — с восторгом произнесла Инга, — только не вспугни его.

Вадим сделал шаг в сторону и наконец закурил. В жару курить не очень приятно, но все равно хочется. На станции не было ни души, лишь везде и всюду палящее солнце.

— Он на тебя похож, — сказала Инга, улыбнувшись, как ребенок после удавшейся шалости.

— Да, — ответил Вадим, — я тоже навсегда у твоих ног.

Инга хихикнула: «Балбес!» И, не сходя с места, добавила:

— Я, кстати, из-за него здесь вышла. Увидела, что зверь пить хочет, и решила помочь.

— Какой ты добрый, Ингус, — раздраженно сказал Вадим. — Вообще-то время уже половина седьмого.

Вадим никак не мог до конца прийти в себя — произошедшее в электричке горько саднило.

— Я помню про время, — расстроено произнесла Инга и на секунду отвернулась. — Но мы сейчас дадим ему воды и уедем на следующем поезде. Достань бутылочку, пожалуйста.

Инга налила воду в ладонь и протянула собаке. Пес вскочил и принялся жадно пить, расплескивая воду. Инга подливала в ладонь еще.

— Жалко, нам его покормить нечем, — вздохнула Инга. — Ему же сладкое нельзя. И купить негде. Ну ладно, хотя бы напьется, Барбос.

Вадим ждал, что она скажет об их недавней прогулке по городу.

— В обще-е-м... — протянула Инга, продолжая поить пса. — Мне, конечно, понравилось в кино. Хотя фильм был дурацкий, правда, — Инга улыбулась. — Я не люблю тупые американские комедии, ты ведь знаешь.

— Так ты сама выбрала, — попытался оправдаться Вадим.

— А днем ничего интересного и не показывают, дуралей! — прыснула Инга. — Но мне понравилось не из-за фильма, а из-за того, что мы с тобой делали...

Инга снизу вверх взглянула на Вадима, сощурившись из-за солнца.

Вадим выбросил окурок на пути, подошел сзади, присел на корточки, уткнулся носом в ее макушку. Волосы Инги пахли летним солнцем.

Дворняга продолжала иступленно расплескивать воду.

Инга потерлась щекой о лоб Вадима:

— Вот что еще... — продолжала она. — Еще, конечно, в парке понравилось. Колесо обозрения (она сказала «оборзения»), я там сто лет не была. Только видишь — в тире стрелять я разучилась совсем.

— В следующий раз дольше там побудем, станешь «Ворошиловским стрелком», — заверил Вадим.

— Когда это еще случится? — серьезно сказала Инга.

Вадим промолчал.

Надо было спешить, он начинал нервничать. Не хотелось выслушивать претензии.

Они отошли под навес. Здесь было душно, но солнце хотя бы не испепеляло лучами. Вадим вытер пот со лба, поджег сигарету и услышал приближение поезда.

Состав, шипя, остановился у платформы. От него валил жар. Эта элек-

тричка была новее — с вытянутой морды высокомерно смотрели диодные фонари. Вадим шагнул в открытую дверь, подал руку Инге, они зашли в пустой вагон.

«Надеюсь, здесь обойдется без фанатских акций», — подумал Вадим.

В поезде было прохладно. В глубине вагона парень что-то увлеченно рассказывал своей спутнице в белой блузке, изображал в лицах и жестиками:

— Но христианство, оно как бы основано на всепрощении, в отличие от язычества, — говорил он. — Христианство — это гуманизм, язычество...

Несколько рядов в вагоне занимали уставшие интеллигентные ребята в военной форме. Вадим всмотрелся в погоны. На них желтой нитью была вышита аббревиатура «ВУЦ». Понятно, студенты.

Из-за комфортной температуры Ингу начало клонить в сон, ее глаза закрывались. Она положила голову на плечо Вадима: «Тебе так не больно?», он обнял ее, стараясь не делать резких движений.

Часы показывали 19:10.

«Должны успеть», — подумал Вадим и тоже задремал.

Их неглубокий сон прервал чей-то жалобный голос. Старушка бомжеватого вида шаркала между рядов и, озираясь, повторяла как заклинание: «Подайте, хоть сколечко. Подайте, хоть сколечко...»

Вагон быстро заполнил отвратительный запах.

Инга смотрела на попрошайку жалобным взглядом. Бабка подошла к парню с девушкой в белой блузке.

«Самому бы кто подал, бабуля!» — улыбаясь, бойко произнес парень и мгновенно устался на подругу, ожидая, видимо, смеха, но она не отрывалась от смартфона.

Какую-то мелочь передал старушке один из студентов в армейской форме. Не желая дотрагиваться до ее руки, курсант ссыпал деньги в усохшую ладонь, несколько монет упали и покатались по полу. Парень коротко выругался, быстро поднялся, собрал мелочь, еще раз сунул их причитающей старушке в ладонь, сел на место и уткнулся в окно.

— Нет мелочи, мать, извини, — стараясь не смотреть в лицо попрошайке, произнес Вадим, когда бабка добралась до них.

— Подождите, у меня, по-моему, есть! — всполошившись, протараторила Инга, поставила рюкзак себе на колени и стала в нем что-то искать.

— Нету у тебя, — раздраженно сказал Вадим, желая, чтоб попрошайка быстрее ушла в другой вагон.

— Есть, — убежденно сказала Инга, копясь в сумке.

— Поддай, дочка, ради Христа, поддай, — продолжала свои причитания старуха.

Инга на секунду замешкалась, быстро взглянула на бабку:

— Возьмите, — сказала она и протянула нищенке зеленую двухсотрублевую бумажку.

— Боженька тебя не оставит, дочка, здоровья тебе, дай тебе Бог... — с новой силой стала голосить нищенка.

Вадим посмотрел в окно. Зной, судя по всему, наконец, отступал. Уставшее за день солнце уже не слепило. Лишь мерцало, закатываясь за сосны.

Когда старуха ушла, Вадим сказал:

— Могла бы себе что-нибудь купить.

На коленях у Инги так и стоял рюкзак. Она повернула к Вадиму голову, чуть заметно улыбнулась и положила подбородок ему на плечо.

— Просто ты, мой любимый балбес, не знаешь, что такое голод, — сказала Инга.

«Как будто ты знаешь», — хотел ответить Вадим, но вовремя осекся. Повторять идиотские истории о том, что у каждого нищего на самом деле есть трехэтажный особняк, он тем более не стал. Вместо этого Вадим несколько раз поцеловал зажмурившуюся от удовольствия Ингу.

— Какая станция сейчас? — спросила она после поцелуя.

— Не знаю, вроде как наша, — присмотрелся в окно Вадим. — Да, сейчас наша — «Восход».

Под ногами трещали шишки. Сосны подпирали остывающее небо. Дорога пролегла через хвойный лес, — оставалось пройти километра полтора. Инга молчала. Перешагивая через редкие коряги, она аккуратно брала Вадима за руку. Слышалось пение невидимых птиц.

— Мой любимый запах — это запах хвойных деревьев, — наконец, прервала молчание Инга. — Ну, не самый любимый, а на втором месте.

Говорила она серьезно.

— А какой на первом? — механически спросил Вадим.

— Твой, — просто ответила она и чуть заметно улыбнулась.

Вадим остановился, притянул ее к себе и крепко обнял. Так они стояли секунд десять, он уже хотел продолжить идти, но Инга не отпускала: «Подожди». Они постояли, обнявшись, еще несколько секунд. «Пойдем», — наконец сказала Инга.

Вадим почувствовал, как она замедляет шаг. Он поправил рюкзак, обнял Ингу за плечи рукой и стал аккуратно ускорять темп ходьбы. Инга грустно взглянула на Вадима.

— Я сейчас, наверное, скажу что-то очень-очень банальное, и ты решишь, что я правда дура, — снова заговорила Инга. — Ну и решай, если хочешь. В общем, я бы хотела, чтобы эта дорога не кончалась.

Вадим ничего не сказал, только прижал Ингу посильнее и поцеловал на ходу в плечо.

В соснах наконец показалось деревянное здание.

— Почти пришли, — сказал Вадим.

Инга кивнула, мрачно взглянув вперед.

— Ну, заяц, ты что? Я же рядом всегда.

— Нет, все хорошо, — произнесла Инга, стараясь улыбаться.

Строение напоминало корпус пионерского лагеря, с той лишь разницей, что к торцу был неуклюже пристроен невысокий кирпичный забор в выцветшей побелке. Двери главного входа, покрытые хлопьями осыпающейся желтой краски, казались намертво заколоченными много лет назад. У забора, на скамейке, молча курили двое худощавых мужчин. Одеты они были в старые спортивные костюмы, на ногах чернели шлепанцы.

Вадим и Инга остановились в нескольких десятках метров от здания.

— Тебе сигарет оставить? — спросил Вадим.

— Как хочешь, — ответила Инга.

Вадим достал пачку, посмотрел — внутри было чуть больше половины. Он огляделся по сторонам, положил зажигалку в пачку и спрятал ее во внутренний, «секретный», карман рюкзака.

— Вроде не видно, — сказал он.

— Спасибо, — сухо ответила Инга.

Из-за забора вышел высокий человек в потертых джинсах и сером пиджаке, в руке он нес выдавший виды кейс, обшитый, впрочем, добротной кожей. Неспешным шагом мужчина направился к Инге и Вадиму. Судя по выражению его лица, он давно разучился чему-либо удивляться.

— Здравствуйте, Аркадий Викторович! — нарочито бодрым голосом произнес Вадим и приобнял Ингу.

— Здравсте-здравсте, — ответил мужчина. — Так, а вы, девушка, почему на улице до сих пор?

Голос человека звучал устало и монотонно, хотя он и пытался придать ему ласковую строгость.

— Я иду, — произнесла Инга и взяла у Вадима рюкзак, при этом легко коснувшись его руки.

— Это... — запнулся Вадим. — Клубнику сейчас съешь, испортится.

Мужчина уже зашагал к пыльной «Ладе», вновь оставив их вдвоем. Инга исподлобья взглянула на Вадима, показалось, что ее глаза начинают блестеть. Девушка притянула его к себе и поцеловала, впиваясь в губы. Вадим почувствовал, что она пытается выровнять обрывающееся дыхание.

— Пока. Спасибо за вечер, — сказала Инга и быстро отвернулась.

Уходя, она не оборачивалась.

Аркадий Викторович стоял напротив своей «Лады» и смотрел на нее, как опытный следак на подозреваемого. Презрительно вытянув губы, он устало ждал, когда салон машины остынет. Дверцы автомобиля были открыты.

— Кондиционер сломался, видишь? — не глядя на Вадима, сообщил мужчина, когда тот подошел. — На выходных в сервис поеду, а пока как в славном советском прошлом.

Вадим несколько секунд смотрел на машину. С открытыми дверцами ее дутый корпус напоминал неуклюжего жука, расправившего крылья.

— Аркадий Викторович, — обратился к мужчине Вадим. — Сегодня все было нормально, совсем как раньше. Инге обязательно тут находиться? Мне кажется, вы меня извините, конечно, ей здесь не место.

Не взглянув на Вадима, мужчина присел на корточки перед мордой автомобиля.

— И фары нужно отполировать, мутные совсем, так? По трассе не видно ничего, — озабоченно проговорил мужчина и со вздохом поднялся.

Вадим молчал. Аркадий Викторович вполборота сел на водительское сидение, завел двигатель — стартер поддался лишь с третьего раза, — нажал на рычажок, вода из жиклеров брызнула на пыльное лобовое. Дворники стали гонять по стеклу намокшие хвойные иглы.

— В приличный сервис сейчас так просто не запишешься, нужно ждать, — продолжал мужчина. — Абы кому ее отдавать тоже не хочется, правильно? Радиатор запустил, теперь езжу, как в бане. Запчасти еще дорожают. Причем все. Жена уже не верит, что я столько на машину трачу. Я ей говорю: «Милая, мне что, чеки показывать? Не смешно самой-то, нет?» Так вот...

Он помолчал.

— Это психоз, понимаешь? — спросил Аркадий Викторович, и в первую секунду Вадим даже не понял, о чем он. — Сегодня все может быть,

как раньше, а завтра — по-другому. Сам же ей пальцы в глотку засовывал, чтобы таблетки вышли, так ведь?

Слух Вадима резануло слово «глотка», но он ничего не сказал.

— Она может так и будет всю жизнь, как на качелях... И ты вместе с ней, да? — Последнюю фразу он произнес, отвернувшись в сторону, будто про себя. — Конечно, она скоро выйдет, но поверь мне, рано или поздно она сюда вернется.

Аркадий Викторович нажал на рычажок стеклоочистителя, но вода на стекло не брызнула. На его лице, изменившем выражение впервые с начала разговора, проступило изумление.

— Родителей теряет каждый, но не каждый сразу двоих и в шестнадцать, — задумчиво сказал Аркадий Викторович, всматриваясь в приборную панель. — Ну, корыто... Ну ты веришь в это вообще?

Аркадий Викторович стремительно обошел машину сзади, подошел к переднему сидению, подлез под торпеду и снял крышку блока предохранителей. Что-то шепча, он вытаскивал и вставлял реле. Вадим смотрел на согнувшуюся фигуру доктора. Вспоминался какой-то британский боевик, где отморозок раздробил голову конкурента дверцей автомобиля.

Через несколько минут Аркадий Викторович вернул крышку на место и выпрямился:

— Ладно, потом, — сказал он и обратился к Вадиму: — Так что вот так, лабильность у всех разная, психика — сложный механизм, правильно? Тебя подбросить?

— Нет, — ответил Вадим.

Он бы в любом случае с ним не поехал, да и после знойного дня хотелось насладиться прохладой.

Аркадий Викторович снова сел за руль и завел машину. Вадим хотел закурить, но вспомнил, что отдал пачку Инге. Он подошел к открытому боковому окну:

— У вас сигареты не будет?

— Будет, почему нет? — ответил доктор, достал из бардачка железный портсигар и протянул Вадиму. — Бери еще, — сказал он, — дорога дальняя.

Вадим ссыпал в карман несколько дешевых сигарет. Вдруг он заметил, что Аркадий Викторович внимательно смотрит ему в глаза:

— Что? — спросил Вадим.

— Знаешь, что нужно сделать, когда в твоей машине что-то ломается, когда с ней чего-то не так?

— И что же?

— Новую купить, понял? — доктор поднял стекло и, пробуксовав на песке, тронулся с места.

Вадим шел по тому же пути, по которому он полчаса назад провожал Ингу. Проступали признаки угасания дня, кроны сосен, покинутые солнечным светом, казалось, стали более контрастными на фоне холодеющего неба. Цвета, отдохнув от зноя, наливались соком.

Он представил палату, в которую вернулась Инга.

Несколько тусклых люминесцентных ламп, половина из которых наверняка не горит. Желтоватые стены в пятнах. Деревянный пол, накрытый рваным линолеумом. Продавленные панцирные кровати. Тумбочки без дверок. Мерзкий запах хлорки и больничного варева. Бесшумно лежат на койках соседки Инги.

О них она что-то рассказывала. С ней делила палату пожилая учитель-

ница, потерявшая сына в Чечне. Когда его объявили пропавшим без вести, она еще полгода ездила по разрушенным селам. Пыталась найти своего Лешу или хотя бы тело. Ведено, Алхан-Юрт, Ачхой-Мартан... Что там с ней происходило — одному Богу известно. Несколько дней назад в палату привезли девчонку, ровесницу Инги. Она неудачно вскрыла вены из-за несчастной любви. Инга, должно быть, уже готовится ко сну. Наверное, надо позвонить ей из электрички.

Вадим вышел к станции, на платформе сидел босой человек в брюках. Рубашки на нем не было, загорелую спину уродовал косой шрам. Он кричал что-то бессвязное, вслушиваться Вадим не хотел. Вдруг будто из небытия материализовался второй:

— Стас, вставай, Стас, ты че, вставай, — повторял второй и пытался ухватить сидящего за руку. — Ну ты, Стас... Стас, давай...

Человек хотел сказать что-то еще, но не мог.

Вадим чувствовал опустошение. День был долгим.

Электричка подошла к платформе, свет в ее окнах стал заметнее — снаружи темнело. Вадим сел в хвосте пустого вагона, динамик прохрипел название станции. Внутри сидела женщина с дочкой. Девочка смешно вращала головой, один раз задержав взгляд на Вадиме. Свет в вагоне мерцал. Вадим достал телефон, минуту тупо рассматривал горящий экран, будто видел его впервые. Что-то произнес шепотом. Набрал номер, прозвучало два гудка: «Алло, Вика? Привет, это Вадим, узнала?»

Екатерина Сергеевна Стрельникова родилась в п.г.т. Анна Воронежской области. Литературовед, поэт, литературный критик. Преподаватель филологического факультета Воронежского государственного университета. Публиковалась в журналах «Москва», «Подъём», «Мысли». Живет в Воронеже.

Екатерина Стрельникова

ВРЕМЯ ХРАНИТЬ ТЕПЛО

* * *

Капли рябинной крови,
бегство стрижей на юг.
Небо уже пустое, как внутренность барабана.
Осень по-милосердному не нападает вдруг —
Мягко идет из бездны волнами океана.

Я не боюсь рябую кривость ее ладоней,
И я спокойно выйду
в шаткий покой причала.
Осень течет навстречу и не своих не тронет,
Не окропит земель, не завершит начало.

Тело ее черно, как полевая пахота.
Даже три метра вниз —
остановиться сложно.
Только вода в носу, давит на лоб —
и бархатом
Пальцы чужих течений щекочут мою кожу.

Ниже пяти — холодно и ни к чему зрение.
Сколько потом будет нужно
воздушной жажды,
Чтобы очнуться против манкого притяжения,
Чтобы взмахнуть кистью,
чтобы взлететь однажды.

Там бирюза света, небо, для горла жгучее,
Сгустки медузок белых
ласково льнут к ладоням.

Безоглядностью тлеющей сажу,
Безобидностью старых могил.

К ним такие же тянутся нити —
Под землей, под которой — больней
Проживать несвершенность событий
И крушения кораблей.

* * *

Все наши коты умирать уходили в лес.
Сегодня — лежит под ногами живым носком,
А завтра — лучистый след навсегда исчез
Под тающим снегом, папиным сапогом.

Коты уходили неслышно, по темноте,
Без жалоб и взгляда в окна в последний раз.
А нам — маемой аукаться в пустоте,
Которая — словно обухом в ранний час.

Усато и гордо, без слабости — и без нас —
Коты не бежали смерти — но шли в нее,
В тот край, где хранится столько кошачьих глаз,
Булавками звезд обжигающих воронье.

И сколько котов каждую ночь уходят жить
В дождливость шуршащих пакетов из облаков...
Уходят спокойно — и так, чтобы не будить
Хранящих еду, запах шерсти, диванный кров.

Наверное, и приходит иначе смерть
К тому, кто ее уважит и — хвост трубой —
Пойдет по-кошачьи смело в нее гореть,
Возьмет, не согнувшись в страхе, ее покой.

* * *

Весна — время таять, а осень — хранить тепло,
Лелеять под курткой, вцеловывать дымом рта
В то небо, где грустно облачко проплыло, —
И в ту темноту, где только лишь темнота.

Пока догорает листва и пахнет гнилушкой двор,
Застынь у огня и следи за его огнем —
Сухим языком его, красным, как помидор,
Как мокрые веки, стертые кулаком.

Беспомощность сна и шуршащих озимых дней
Лежит на комках воробьев, часто ежится под крыльцом —
И просит гореть так отчаянно, чтобы ей
Вдруг стало не страшно взглянуть холодам в лицо.

Не зря мертвый дед наживую морозить рад,
И скипетр — посох — дубина его скрипит,
Когда по плечам бьет наотмашь и наугад
По тем, кто никак до пепла не прогорит.

* * *

Своей длинной рукой мироздание ткнуло в грудь
Онемелого человека из ткани глинной
И сказало: ты сможешь теперь вздохнуть —
Но ты будешь дышать до конца своей жизни длинной.

Посмотри — за спиной прогорает вчера и завтра,
Где твой высохший рот заметет пеленой песчаной.
Ты останешься жить — но стремиться всегда обратно
В состояние пыли, земли, первородной лавы.

Чтобы жил человек — ему мало раздвинуть криком
Лоскутки одеялец, парусами вобравших ветер,
Приступивших к огромной смене без передыха
В миллионности дней — как единого дня на свете.

Небеса, и вселенная, и хитроумный бог
Не покажут, зачем вынимать себя вон из кожи, —
И не станут плечом, что не вытолкнет за порог, —
И никем, кто простит, пожалеет или поможет.

Человеку приснится ночью тепло руки —
Человеческой. По лицу, волосам погладит —
Человек прикоснется к запястью ее и
Станет жизнью — уже другой, что на всех хватит.

* * *

Не прожиты сумерки, и города,
И плеч вековая усталость:
Под ложечкой неба пронзает звезда
Свою световую старость.

Наверное, я увлекалась тоской
И слишком людьми дорожила —
Хотела разбиться сиреной морской
О чьи-то железные жилы.

А венами этими — лишь провода
С пылающим их кровотоком
Бегут вдоль дорог неизвестно куда
В дрожании их одиноком.

Такая же тянется скудная нить
От туго смотавшего горло
Желания как-то небожно пожить
Вдали от зияний черных.

И тянется в звезды — но будто от них
Под тяжестью всех притяжений,
Под грубостью силы ладоней моих,
Под скрытостью всех сожалений.

Светлеет ковыльное поле небес,
Стрижами поет и воркует.
Как быть, если места для новых чудес
Под ребрами не существует.

* * *

Весны я не помню. Она уходит,
Разлитая в шуме грозы и свете
Сгорающих спичек в небесном своде,
Холодного мая в закатной меди.

И будто бы сверху глядят не строго,
И будто бы ночь не утопит в звездах.
Смотреть завитками зрачков Ван Гога,
Надеюсь, еще никому не поздно.

У ног косолапых сырых подъездов
Лежит не земля бороненной гривой,
Прорытая вплоть до мослов небесных,
Омытая волей и страшной силой.

Она — только впадина, мглистость моря,
Такая же ночь, что глотает смыслы...
Уходит весна и озоном смоем
Дыхание дыма, наивность листьев.

Два дня не шумело в небесной пашне.
Два дня мне не страшно коснуться глазом
Летающего ворона — к длинной башне —
И слов, рикошетных — во всех разном.

Я щурилась снегу в ответ на искры —
Теперь заберите весну такую,
Которая вся — темнота и тризна,
Плохая петля, разрывная пуля.

Идет полутемень белесой ночи,
И холод Невы омывает ноги.
Он трезв, он устал, он спокоен очень.
В нем виден исход для любой дороги.

Илья Аркадьевич Новокшенов родился в городе Липецке. Учится на филологическом факультете Воронежского государственного университета. Участник литературной студии «Современник» при Воронежском отделении Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Илья Новокшенов

ДАЙТЕ МНЕ ТОЧКУ ОПОРЫ

Повесть

Трек первый.

**«ДА Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ,
ЧТО ТАМ ЗА ДВЕРЬЮ В ЛЕТО!»**

Девятнадцатое по счету двадцать шестое июня в своей жизни почти что меломан Серега Витальевич Смирной (или Серый, до официоза ему еще было далеко) начал с невероятного по своей продолжительности подъема с кровати, сопровождаемого кряхтением, оханьем, но, что самое главное, нытьем. В двушке, которую занимало данное тело с его матерью и сестрой, такой уклад уже перестал вводить женскую часть населения в исступление, и первый час после пробуждения парень был предоставлен себе в полной мере. За это время он едва успевал встать, ибо спать получалось часов по пять. Свое совершеннолетие вчера он встретил на Инферно, о чем и был осведомлен нестройным, полусонным гулом «С др, Серый». Впрочем, за такую «наглость по отношению к семье» уже в час пополуночи Серега сидел за праздничным столом, вкушая свой любимый оливье, и, как маленький мальчик, болтал от удовольствия своими длиннющими ногами.

Подарок обычно — это самая приятная часть дней рождений. Но была в стаде одна белобры-

Журнальный вариант.

сая овечка. Вот что ему могло не понравиться в ключах от дачи (с брелком-мишкой) и в благородно постаревшей акустической гитаре? Много чего, как выяснится позже. Он вообще-то сразу смекнул: мать просто опять взялась за старое. От сестры помощи не дожدهшься, конечно! В ее подневольных глазах читались лишь сочувствие, жалость и насмешка над старшим братиком. (Чуть в меньшей степени, справедливости ради. Впрочем, в достаточной, чтобы Серега про себя наговорил ей пару ласковых).

В шахматах меньше вариаций ходов, чем случаев, когда гражданин Смирной проходил по делу «закапывания своего таланта в землю». С испуганным «Е-мое!» вспоминались гитарные потуги, когда по СТС начинались «Смешарики», а в его квартире начинали раздаваться мотивы трижды проклятого «В траве сидел кузнечик». Столь упорные попытки выдавить очередные ноты из простой песенки оборачивались настоящим кошмаром. Мать выкручивала телевизор на максимум, а самому младшему члену семьи оставалось лишь таить обиду на шестипалую скотину и на орущего очередную шутку Гарика Харламова.

Так семья и жила, пока наконец-то последний экзамен в подземелье не был сдан, учитель не забыт, а гитара не перестала совершать акты вандализма (возможно, из-за того, что в один прекрасный день мальчишка «случайно оперся» на нее, а та, неприятно бряцнув, роль подпорки играть не согласилась). На каждом это отразилось по-разному: мать почему-то уверовала в божественные способности своего сына к игре, сестра же Алиса сразу подписала с братом договор о «бесконечной тишине», по которому каждое превышение уровня децибел со стороны Смирного С.В. позволяло Смирной А.В. этот самый уровень превысить вдвое, дабы оповестить провинившуюся сторону о нарушении (впрочем, Серега сам был рад прекратить этот водевиль, что сблизило его с сестренкой еще больше). Сам же маэстро понял, что при следующей встрече с гитарой на пустой дороге живым уйдет только один. А ног у гитары не наблюдалось.

И вот картина маслом. Застывшая в руке ложка праздничного салата, сияющая самым ярким блеском от своей умопомрачительной идеи Людмила Ивановна и сестра, раздираемая одновременно и сочувствием, и смехом, и страхом, ибо снова слушать эти гитарные конвульсии будущей одиннадцатикласснице ой как не хотелось. Сейчас мы попробуем проследить за всем спектром эмоций Сереги — итак, буквально на минутку вернемся назад:

— Что ж, Сереженька, ты знаешь, что ты — моя надежда и опора, и я тебя очень люблю. (Щечки зарделись, как у семиклассницы при вручении похвального листа.) И я хотела бы подарить тебе это. (Появляются ключи, шальная мысль о машине затемняет взор героя, но тут он видит брелок с елочкой — это ключи от дачи; взгляд полон скепсиса.) Да, это тебе переходит на все лето, чтобы и ты побыл один, где надо, по своим делам, может, девочку привел. (Серега на этих словах одновременно издает нервный смешок и заливается краской: «Ну какие девочки, мааам!») Да, и еще кое-что. (Ну, теперь точно машина, или ноутбук, или, или, или...) Вот, смотри-ка, что я сумела достать — твоя старая знакомая! (В один миг у парня душа стеклась по стенкам организма в пятки, а воздух кончился, захотелось закрыть глаза и не проснуться, но-но-но-но его же никто сейчас не заставит, правильно?) Я записала тебя на один конкурс в июле, а победитель получит пятьдесят тысяч рублей, представляешь! (В голове начала проигрываться запись падения самолета с невероятно громким гулом. Лето умирало прямо на его руках...)

Почему же он просто не отказался от участия? Дело в том, что Серый имел твердую позицию: если ты ступил на дорожку из желтого кирпича, то сворачивать права у тебя нет. Именно поэтому таких дорожек он в жизни своей успешно избегал, ведь ему казалось, что ничего заурядней его существования на свете придумать было нельзя. В десять лет он собирал карточки черепашек-ниндзя, но обо-

равшееся на середине коллекции финансирование обрушило планы волка-зубами-щелка с Ленина-стрит. Со злости он отдал за бесценок стоящим у туалетов (черный рынок, сами понимаете) брокерам все честно нажитое и домой вернулся весь в слезах, но со жвачкой во рту. Однако это вишневое счастье длилось недолго. Мать всыпала за такие выкрутасы по первое число, «жувка» была конфискована, и ничто в мире не было способно утолить его горечь. Разве что обнимашки с мамой и последующий поход в парк, где Сережа мог выбрать любые аттракционы. Впрочем, в нем закрепилась уверенность в том, что ничего великого он сотворить не в состоянии.

Поэтому и появился в жизни комп. В нем не требовалось учить какие-то формулы или знать, как держать в руках инструмент. Все проходило легко и весело, особенно с друзьями. Отца парень не видел уже очень давно, по словам матери, он был «прирожденным раздолбаем», оттого статус главного в доме как-то сам собой отошел парню к шестнадцати годам, и требовать выключить «свои стрелялки» мать уже не могла. Началась по-настоящему запойная эра. Была у него лишь одна лучшая подруга, она-то и делала жизнь жизнью. И шли они рука об руку уже который год — он и Музыка. С ней он был как за каменной стеной. И что, так вот он не тужил и жил? Да я вас умоляю.

Звали ее Катей. Она появилась в начале последнего учебного года совсем внезапно, и так же внезапно Сережка получил своего первого соседа по парте с десятого класса. Приятный голос прошелестел: «Привет», и парень сразу понял, что встрял по полной. Помолчав секунд пять, он выдал что-то между «Хей» и «Ха» и решил подбросить девушке быстрый взгляд. В глазах тут же потемнело — стало ясно, что такие трюки ему впредь будут не под силу. В классе Серегу прозвали Фонарем, так как смотреть он стал все время вниз. Но как только школа, как в залихватской комедии, давала парнишке пендель своими дверьми, он тут же нацеплял свои крылья и летел домой — восхищаться. Страницы в ВК и Инстаграмме были засмотрены до дыр, лайки были поставлены везде. (Впрочем, не с основного аккаунта — за маньяка примет.) Как назло улыбающаяся с фотографий «фемина олимпийского происхождения», как ее называл за глаза наш хомо слюнопусканиенс, была настолько неотразимо хороша, что до кнопки «Сообщения» его курсор или палец никогда не доходил. Как могла такая ответить ему? К сожалению, Серега стал заложником своих же страхов, ведь Кате он был вполне симпатичен. Проклятая скромность сгубила молодую любовь, как бы за нее ни бились люди, не относящиеся к ней напрямую.

Алиса была девочка неглупая, да и уж больно все было очевидно: беспричинная улыбка, искрящиеся глаза, повышенная агрессия на нарушение личного пространства. Собственно, одно такое нарушение и стало последней каплей. На вопрос «Как ее зовут?» Серега сделал такое лицо, как будто сестра только что подлетела на пять метров, сделала тройное сальто и в полете назвала все двенадцать паролей на его компе. Отпираться было глупо, да и помощь лишней тут точно не была. За четыре месяца он произнес в сторону своей соседки ровно три слова, одно из которых — это «Прости» (Серому настолько некуда было деть руки в первый день, что он локтем заехал Кате в бок от всей своей нервозности), а другое — «Спасибо» (Катя, широко улыбнувшись, попыталась подзадорить казанову: «Да ничего страшного!», но к ее прекрасному голосу «дружелюбный сосед» все еще не привык, оттого мозг в спешке выкинул нечто совсем уж невразумительное).

Полтора часа Алиса убила на то, чтобы убедить брата в том, что он рохля. Но рохля, у которого есть все шансы завоевать сердце любимой дамы! Никакие бизнес-тренеры не ораторствовали так, как в тот день Алиса, и, казалось, свет в конце туннеля протянул Сереже свои лучистые руки. На следующий день он пришел в школу в полной боевой готовности, взгляд наконец-то был направлен выше де-

вяности градусов. Но судьба-злодейка знала, когда свистнуть воронок. Кто бы смог вспомнить в таком состоянии, что завтра уборка какой-то там территории? По итогу Серый выделялся среди четырех активистов в классе своим школьным серым костюмом и такого же цвета лицом. К такому жизнь его не готовила. Разученная за полдня вступительная речь к церемонии ушла, грустно кивнув на прощание. Вернувшись домой, он понял, что на еще один такой рывок ему попросту не хватит сил. Это окончательно убедило его в своей полной беспомощности. Заставшая воющего в подушку брата Алиса решила, что клин клином вышибают, и сама разревелась, как в старые добрые.

Сергея прикола решительно не понял. Отклеив лицо от подушки, он неловко усталился на стоящую посреди комнаты и пухнущую от слез сестру.

— Ты-то тут чего реवेशь? У нас у всех сегодня такой паршивый денек?

— Она отказала тебе, да? У нее уже кто-то есть? Кто, кто этот...

— Да не пришла она сегодня! Как же этот мир неспра...

Три секунды девушке понадобилось, чтобы понять, что только что было сказано. От возмущения ее лицо стало еще краснее, а еще через три секунды она набросилась на Серого с кулаками.

— И ты! (по спине). Из-за этого! (по ногам). Распустил! (куда-то в район предплечья). Сопли, НЫТИК (сокрушительная длань обрушилась в форме подзатыльника, удар был крепок и звонок)! Завтра ты пойдешь делать то же самое, понятно, дурень?

Он кивнул, прекрасно отдавая себе отчет в том, что никогда этого не сделает. Через два месяца у Нее на аватарке в злобной насмешке кривлялся парень. Это был крах. (Особенно для сестры, ибо ее труд улетел в трубу. Запала Сергею пока что явно не хватало.) Еще месяц мальчишка залечивал свои душевные раны, вырубая в себе остатки прошлого чувства. Дни тянулись медленно и, как полагается, мучительно. Старый приятель-компьютер не ускорял время, как это бывало обычно, а читать его никогда не тянуло. Оставалось просто лежать у себя на кровати, слушать меланхоличные песни и жить обычной жизнью. Нахождение в школе стало отвратительнее, чем когда-либо. Чтобы попытаться спасти себя от бесконечной боли, Серега уходил в чертоги своего разума, слоняясь на переменах от кабинета к кабинету, как потерявшийся в толпе маленький мальчик. Но день менял другой, и парень просто устал страдать. Однажды он вернулся домой, подошел к сестре, обнял ее, вздохнул полной грудью и, войдя в свою комнату, нажал на системном блоке на запылившуюся и уже давно заждавшуюся своего хозяина кнопку подачи питания. Теперь лишь редкими, особо грустными вечерами он заходил на ту самую страницу, смотрел на фотографии (быстро перелистывая аватарку) и вздыхал о невозвратных и далеких деньках, когда в нем было хоть что-то настоящее.

А меж тем постименинный соня, наконец, был готов встретить новый день всей своей любящей душой. Но на Вселенском наблюдательном посту сегодня было скучно, а издевательства над доброй натурой вызывали в них, видимо, чувство собственного превосходства. Тут же в белобрысой голове вспышкой промелькнули вчерашние события, и настроение моментально пошло на дно. Ссылка на месяц без компа и под мышку с гитарой — отдых обещал райские наслаждения! Как бы для самопокоения Серега дважды громко вздохнул и выполз на свет божий в коридор.

На часах две стрелки стояли по стойке смирно. В коридорах уже стояли несколько рюкзаков с вещами и тюков с едой — переезд на дачу был назначен на сегодняшнюю дату. Уставившись на все это барахло, парень начал погружаться. Столько баулов ему было в жизнь не донести в целости, учитывая, что ехать надо было на автобусе. Вопрос о вещах стоял ребром. Отвиснув, Серега направился в цитадель матери. То есть на кухню. Там играл горячо любимый мамой Чиж.

— Доброе утро, мам. Вы меня, я так понял, отправляете не на месяц, а на целый год вперед? Учи, зимой я выжить не смогу — не обучен.

— Доброе, сынок. Слабое нынче поколение, слабое. Эх, а сколько вас таких уходило в лес...

— Тебе все шутки, мама. Я же не верблюд и не ишак! (— Еще какой верблюд! — Алиска, давно не щекотали? — Да все, молчу я.)

— Конечно, нет. Да, пожалуй, об объемах стоило подумать. Сейчас мы с тобой быстренько лишнее уберем, да?

...Шел второй час «Модного приговора». Серега с пеной у рта доказывал, что без футболки Акинфеева с его же автографом ему нельзя будет показываться на глаза туземцам. Мать тоже спуска не давала: на даче такую порвать было раз плюнуть, к тому же слово «стирать» и Серый никогда еще не пересекались в одной плоскости. Серега поминутно сдавал позиции, пена, как у просроченного огнетушителя, начинала терять свой эффект. Нужен был вариант для контратаки! И тут, как в игре, из-за набранных прежде очков опыта открылась новая функция в диалоге — «Канючить». Через три минуты мучения бесконечными «Пожааалуйста», произносимыми сюсюкающим голоском, Людмила Ивановна капитулировала.

— Но если с ней что-то случится, я имею право на одно «А я же говорила!».

— По рукам!

Теперь можно было пройти последний раз по квартире. Выйдя на балкон на кухне, он вдруг подумал, что все не так уж и плохо. Городской досуг перестал видаться таким уж распрекрасным, как казалось до этого. Друзья, как обычно летом и бывает, перешли на более реальный образ жизни, и бобылем сидеть расхотелось окончательно. «Что ж, гитара, из нас двоих “Укрощение строптивой” смотрел только я!» — плюнув в городскую бездну с высоты шестого этажа, парень дальше отправился по дороге памяти.

Родная комната источала милые сердцу феромоны затхлого воздуха и пота. От переизбытка чувств шальная мысль проскочила сама собою: «А может, одну игру, пока не уехал?» Но желтая дорожка незаметно подложила-таки под ступни парня свои кирпичики. Отступить было нельзя. Бесповоротно нельзя! Постучав по дверному косяку, как бы отбивая кулачок с родной обителью, Серый пошел переезжать.

Пора хоть и ненадолго, но распрощаться с семьей, подступила незаметно. Мать поцеловала в щеку и дала последнее напутствие:

— Сынок, повеселись там. Я знаю, ты думаешь, что я на старости лет сошла с ума и вообще тебя ссылаю... — Тут Сереге стало стыдно за хоть и маленькую, но все же долю правды в словах мамы. — Но мне хочется, чтобы ты нашел для себя и в себе что-то новое. Обещаешь попробовать?

Сын, конечно же, пообещал. Кивнув, Людмила Ивановна отошла в сторону. Алиска тут же отозвалась:

— Да уж, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! — Молодняк тут же приснул.

— Все, братик, не кисни. Постарайся не помереть, пока я не приеду, окей? А то лопатой себе по башке дашь, и кто ж тебя, беднягу, найдет? (— Алиса! — Ладно-ладно, мам, шучу я!)

Серый ухмыльнулся. Она все же знала толк в пронизательных поддевках. На этом Серега и Алиса исполнили свой ритуал приветствия и прощания, который они подсмотрели еще в дремучем детстве в каком-то американском фильме. Кулачок ударился сверху, снизу, и от удара костяшками пошли брызги.

— Ну, семья, не поминайте лихом!

С этими словами Серый решил отпустить земной поклон, но забыл о закреплённом на спине инструменте и получил от него по затылку. Выходил из квартиры парень под хохот сестры и в расстроенных чувствах.

Трек второй.
«STRAIGHTEN UP, LITTLE SOLDIER»

Первое, что увидел парень, притащившись на остановку, — зад уезжающего автобуса. Естественно, того самого, который был нужен ему. Теперь предстояло ждать новый, который прибудет минут через сорок. Ноги подкосились сами, тело тяжело плюхнулось на маленькую скамейку. В столь неблагоприятной для живых существ обстановке время запекалось, становясь настолько твердым, что парень чувствовал каждую секунду всем своим телом. На каждом втором выдохе для поддержания системы жизнеобеспечения приходилось припечатывать нецензурное словцо. (Приходилось!)

Рядом присели и, что самое странное при такой духоте, заговорили:

— Благородный инструмент у вас, молодой человек. Вы умеете играть?

— А? — Серега не мог и подумать, что услышит здесь человеческую речь. — Нет, но еду учить. На дачу.

Голос (по признакам лет шестьдесят) удивился:

— На дачу? Я, признаться, не вижу логики.

— А я, знаете, тоже. Но впереди у меня конкурс. Да и маму подводить не хочу.

— А как же себя?

Ему точно было шестьдесят. Хотя вид у него был невероятно молодцеватый. Казалось, что 30-летний просто покрасил волосы в странный платиновый цвет. Серый задумался.

— Не знаю. Мы с ней, — кивок на инструмент, — не ладим. И в своих силах я не очень уверен. Но хоть что-то из себя изобразить я должен? Должен. Пока что хотя бы ради мамы. А там посмотрим.

Собеседник задумался в ответ.

— Я понимаю, молодой человек. Вас ни в чем нельзя винить. Но, спишите на чутье старика, — все у вас получится. Возможно, не в одиночку. В одиночку-то да без опоры оно всегда труднее. Да. Так что вот вам мой добрый совет. — И усмешка у него подозрительная, ей-богу. («Бенджамин Баттон какой-то!» — и я абсолютно с Серегой согласен.) — Делайте все от вас зависящее, но не бойтесь в чем-то зависеть от других!

После небольшой паузы он добавил:

— Вообще, кого-то вы мне напоминаете. Очень и очень сильно. Но кого?

— Да любого парня моего возраста, наверное. Знаете, всегда грело душу то (ну, или пекло, как в нашем случае), что я такой нескладный не один. Вы как считаете?

— А так и считаю. Ты же мне вот лучше и скажи — откуда такая неуверенность? У вас же столько возможностей!

— И все они непонятно где. Вроде и рядом, а нормально не ухватишь. Вот чего-то не хватает. А чего? Да фиг его знает. Поддержать, наверное, некому. Это я про сверстников — одобрение взрослых какая-то, ну, не очень помогающая вещь, что ли. Оу... — Дед Коля хорошо маскировался, но был, как-никак, взрослым. — Это я не специально! Ваши слова мне все же были приятны. Эх... — Серега безнадежно махнул рукой на свою неловкость. — Надеюсь, вы меня поняли.

Старичок спрятал улыбку за прищуром от солнца.

— Вполне.

...Жалко было, что дед Коля не жил с ним на одной линии. Впрочем, телефонами обменялись. Когда подъехал ненужный автобус, парень волей-неволей заревновал.

— И вот как это работает? Я тут сижу уже почти час, а вы только пришли и уже уезжаете, Николай Матвейч, ну что это такое!

И этот дедушка как-то совсем по-детски высунул язык и, что самое страшное, показал его ну уж очень обидно. Владелец обидного языка махнул рукой, лихо похвтал вещи и растворился в недрах автобуса.

— Круто.

И вот, когда казалось, что даже потеть скоро станет невозможно, вдали замаячил караван пустыни под номером 40. «Удобный автобус с прогнозом погоды, чтоб его!» — зло прошипел будущий дачник. Увидев забытые до отказа автобусные внутренности, захотелось взвыть. Весь этот день будто был сплошным вызовом, который с каждым новым этапом становился все изощренней. Пока Серый произносил: «Господидачтожеэтозанаказаниетакое», появившийся рядом кусок раскаленного железа непринужденно открыл двери.

Шлепнув на тарелку деньги за проезд, он огляделся. Нет сомнения, что автобус ехал напрямиком из глубин ада. Пассажиры сидели как грешники, понутив свои головы, обмахиваясь чем только можно. Свободных сидячих мест не было и в помине. Примостившись между дедом из семейства безмаечных и женщиной лет тридцати пяти, Серега оперся о горячее стекло (впрочем, тут же отпрянув), чтобы хоть как-то сохранить личное пространство.

— Убери свою хренову гитару, пацан!

Это был безмаечный. Серега уже открыл рот, чтобы произнести целую тираду о том, что он зажат между людьми, и его мобильность от этого крайне ограничена, и вообще у него уже все затекло, и он сам бы рад освободиться от людского плена, а еще гитару он брать с самого начала не хотел, но ему сказала мама, и у него не было выбора, но мчащаяся со всех ног мысль-квотербек опрокинула никому не нужные стенания. Пробубнив фирменное «Да, тысячу извинений», парень начал разворот на 180.

Спустя десять тысяч лет (а в переводе на немученический — двадцать минут) путешествие подошло к концу. Каждый побряцал костями на свой круг ада, и воздух стал-таки пригоден для дыхания. А с возможностью дышать вернулись и простые человеческие нужды. Уже через минуту Серега стоял, щурясь от ярко слепящего солнца, с усами из пены от свежайшего кваса. Амброзия насыщала организм и буквально вынуждала улыбнуться прекрасному будущему. Борьба с этим чувством никак не хотелось. Лениво взгляд зацепился за магазин, он же — местная точка сохранения. Кивнув себе в подтверждение, Серый направился в свою виллу русского образца.

Эта самая вилла находилась на одной из прилично удаленных линий садов. Было интересно проходить мимо них, вглядываясь в недра, угадывая по внешнему виду внутренние порядки. Например, если у входа тебя встречала гора мусора под табличкой «Не мусорить! Штраф — 5000 рублей», то сразу становилось понятно, что это — специальная линия для людей с дислексией. Где-то проход напоминал джунгли, настолько он зарастал всевозможными растениями. Внутри мерещились крики экзотических птиц. Хотя, наверное, это были обычные вороны. Серый уже свыкся с погодными условиями, организм включил режим энергосбережения.

Первое, что бросилось в глаза и под ноги в родной обители, — трава ростом в метр, расползшаяся напрямиком до освоенной человеком земли (то есть до беседки). Кстати, беседка тоже походила на место сбора всяческих попугаев, обезьян и прочих жителей тропиков. Каменный двухэтажный дом выглядел чуть потрепанным, но в принципе пригодным для жилья. Окно на кухне отсутствовало, но во всем надо искать свои плюсы! Значит, проще выходить к баку с водой! В баке не было воды — не беда, займемся физическими упражнениями и будем использовать скважину! Занятие огородом — отличная возможность попробовать себя в ботанике! Понятно одно — с негативом и недоверием надо бороться. Это будет на-

чалом его новой жизни, все с чистого листа и никаких предрассудков! Новая обстановка, новое занятие! Жизнь явно пыталась приоткрыть свои кажущиеся столь тяжелыми ворота, и так хотелось поверить в свое предназначение, даже если этот порыв казался невероятно наивным. Ведь нельзя же на заре новой эры оставаться ветхим собой. Это казалось настоящим кощунством по отношению к будущему себе. Вера в чудо очаровала молодого человека, и он, глядя на свой новый дом, прошептал лишь:

— Пожалуйста...

Трек третий.

«TOGETHER WE STAND, DIVIDED WE FALL»

Хандра случилась ночью. (Подобное обострение часто приходит к наступлению сумерек. Мрак окутывает твое одиночество так плотно, что оно начинает ощущаться физически.) В динамиках телефона Фил Коллинз пел нетленное «In the air tonight». Вечер не принес прохлады, засыпалось беспокойно. А когда тебе не спится, мысли о прошлом беспощадно давят черепную коробку.

Закинув руки за голову, Сережа думал о людях. За свое одиночество ему было обидно. Оттого опять подумалось о Кате. Вот что хорошо умеет делать русский человек, так это грустить. Все наше общество день за днем таскает с собой портативную черную дыру грусти, которую в любой момент можно достать.

...Утро несло с собой неприятное послевкусие вчерашнего ментального безобразия. Наскоро умывшись, гитарист решил брать быка за рога не отходя от кассы — да и вообще куй железо, пока горячо. Чтобы не обижать маму, он действительно немного подготовился: нашел нужные ноты для парочки вроде как подходящих песен, скачал обучающие видео, установил на телефон настраиватель гитары.

Похрустев пальцами, парень сел за ноты. Сейчас-то он их быстро покрошит. Руки еще должны помнить старые мучения!

Спустя еще минут сорок половина линии могла услышать громогласное, искренне утомленное: «Твою маааааать!..» Ни черта он не помнил. Да и работать на свежем воздухе оказалось, конечно, плохой идеей: мозг то и дело отвлекался на прозрачную тишину местной природы, нарушаемой разве что птичьими переговорами, небо, как назло, было лазурным аж до щемящего ощущения в груди, а воздух наполнял внутренности чем-то легким и приятным. Душе хотелось пуститься в экзистенциальный скач, хватая в дружеские объятия всех окружающих, отыгрываясь тем самым за сопливую ночь.

«Забодало, я на речку», — решил Серега.

А если забодало, то зачем бороться с собой? Телефон на полную — и вперед!

В воздухе раздавалась рок-н-рольная и до ностальгических ранок на душе легендарно-ливерпульская «Drive my car». К прекрасной гармонике Маккартни и Леннона добавился дембельнувшийся с пубертата голос Сереги, а такие ребята могут корябать слух.

— Из тебя ужасный певец, тебе кто-нибудь это говорил? — объявила ему ново-явленная фанатка битлов дачного пошиба. Она явно стремилась выделиться: рыжие волосы были оформлены в два пучка, рокерская челка лезла в глаза, и время от времени девочка заносила голову вверх и дула на нее, будто стремясь притупить хоть на время свои огненные космы. Красивые серьги в форме крестов вызывали не страх, но уважение к носящему, а надетая вообще не по погоде черная кожаная куртка на майку с полуэкзотичными нынче Флойдами и завершающие образ джинсовые шорты лишь подкрепляли это чувство. Аккуратный нос, красивые скулы, почти незаметные дочери солнца на щеках и вокруг носа (у рыжих оно

бывает по-разному, сами понимаете) и общая миниатюрность (рост, на глазок, был не больше 165) подходили к вопросу столь разительного отличия своими тропами. А одна деталь вообще ни в какие ворота не лезла. Желтых глаз Серега в своей жизни не видел никогда. Хитрый, в чем-то даже кошачий взгляд с озорным прищуром ставил жирную точку в сложившемся впечатлении: девчонка была — за-качаешься.

Серый от непреходящего восхищения в ответ лишь глупо хихикнул.

— Отвечай на вопрос!

— Эмм... Нет, не говорил.

— Странно. — Девушка выглядела действительно удивленной. Серега решил сыграть обиженку (хотя вообще об этом факте знал уже порядочно), сделав смурное лицо и начав сопеть.

— Ты обиделся, что ли? Черт, прости, я не хотела.

Поковыряв носком вьетнамск землю, девочка решила пойти на контакт с белобрысым плеером на ножках:

— Я, кстати, Леночка, можно Ленка, нельзя Елена, откручу голову, понятно?

От количества противоречий за единицу времени у Серого голова пошла кругом. Он немного потерял контроль над ситуацией и дальше над словами не особо думал:

— Ты странная.

— А ты выносишь мне мозг своим пением и бряцаньем по струнам.

— Значит, мы в расчете?

Лена задумалась.

— Да, пожалуйста, что и так. Тебя как звать хоть, каланча пожарная?

— Серге...

— Ой, да не смейся! Ты самый что ни на есть Сережка. Можешь не спорить, да у тебя и не получится. — Девчонка, гордо улыбнувшись, тряхнула челкой.

— А ты слышала, как я играю? — Серый почесал голову. Уж больно ее реплика была странная. Да и сама Лена как будто с другой планеты. Он таких раньше не встречал.

— Кто сказал, что ты играл? Ты терзал бедное живое существо своими граблями — вот что ты делал. Тебя, наверное, поэтому сюда и изгнали, чтобы ты домоладцев не мучал?

Серега про себя подметил, что эта рыжая — стопроцентная ведьма и наверняка из одного с сестрой шабаша. Поразительная проницательность.

— Да, в общем-то, ты угадала. Мама записала меня на конкурс, а я вообще ничего не умею. Вот и, кхм, играю. — Дамы и господа, прелюбопытнейшая попытка в настойчивость, а ну-ка!

— Прекрати, ты слышишь? — Закономерный провал, причина: злое зыркание желтых глаз. — ЭТО — не игра на гитаре.

Взглядом Лена передернула затвор дробовика, Серега взглядом показал, что калибр по «контр-страйку» помнит хорошо. Девочка, мило улыбнувшись, убрала пушку.

— А что за конкурс?

— Не фиговый такой, скажу тебе. За победу 50 «ка» дают.

— Чего дают?

— Тьфу, деревня! — Серый ощутил чуть ли не гордость. Он уже сейчас понимал, что рядом с Леной подобное чувствовать будет нечасто. — На наречии современных... — издевательский акцент, — людей это означает тысяча.

Акцент был лишним.

— Это была претензия?

— Это был культпросвет, Леночка.

— Что ж, Сереженька, — издевательский акцент, — в таком случае большое спасибо!

— Хм, пожалуйста.

Леночка, казалось, в один момент была готова запустить в стоящую рядом калачу чем-то тяжелым.

— Ладно, современный человек, — многозначительно усмехнулась девочка в майке с призмой, выпускающей все цвета радуги. — Значит, не умеешь с гитарой обращаться?

Парень, тяжело вздохнув, легонько кивнул.

— А знаешь, кто умеет?

Парень, подняв глаза, вопросительно хмыкнул.

— Да я, я умею, болван! Господи, доходит, как до жирафа.

— И ты готова мне помочь? Серьезно?

— На самом деле нет, не готова.

Тут Леночка ойкнула и, сбросив с себя куртку, начала тщательно ее осматривать.

— Насекомые? — понимающе улыбнулся парень.

— Забор, чтоб его! Это я из-за тебя на него оперлась, чего я, подчеркну, не хотела! Тебе крупно повезло, что кожанка чистая. Крупно! — девушка ткнула пальцем в грудь «виновного». Тот заалел, как маков цвет.

— Так... Э... Ты не хочешь мне помочь?

— Ты что, русских слов не понимаешь? Я же сказала НЕ ГО-ТО-ВА, а не НЕ БУ-ДУ! Мне нужно все обдумать. Понял?

О чем тут можно думать, Серому было невдомек, но он решил не спорить со своей возможной покровительницей. Все могло сложиться просто офигенно! Учиться играть с красивой девчонкой под боком. Главное, чтобы она особо не задалась.

— Ау, Земля? Я к кому обращаюсь?

— Я все понял.

— Чудно! Ответ мой узнаешь вечером. А теперь катись... — последняя фраза сопровождалась соответствующим жестом маленьких пальцев с мозолями на подушечках. Парень старательно пытался не думать о том, во сколько раз его рука больше ее. («Почти в два, наверное, да, блин!»)

— И часто у тебя такое?

— Прости?

— Ты уже около шести секунд просто стоишь на одном месте и смотришь на мои пальцы.

— Прости.

— Ааааа, ты просто невыносим!

С этими словами калитка громко лязгнула металлом.

...Серега повесил сушиться полотенце, плавки и плюхнулся на матерые качели. Те спустя пару минут прозрачной тишины вокруг все же зашкрипели: «И что ты обо всем этом думаешь?»

«А что тут думать? Я определенно заинтригован. Она хоть и хорохорится, но, вообще-то, предложила помощь. Это ли не альтруизм?»

«Да, точно, альтруизм! Так это теперь у вас называется?»

«О чем это ты?»

«Ты дурак или притворяешься? Красивая девчонка хочет прийти к тебе вечером позаниматься гитарой!»

«Ну она еще не...»

«Да, конечно, это она просто так предложила тебе, а сама не придет. Давай без придуривания, окей, тебе не к лицу. Ты ей понравился, черт побери!»

«Не носи ерунды. — Серега флегматично водил рукой по земле вперед-назад по вектору движения собеседника. — Я даже думать об этом боюсь. Это все чересчур преждевременно, так что давай не делать поспешных выводов, приятель. Уже оступались, знаем».

«Ну, как скажешь, хозяин — барин. Но я тебя предупреждал».

Тут Серый ощутил своим шестым чувством удар в области лба.

Настойчивый стук в калитку заложил уши. Качели были правы? Нет, глупости. Наверняка, соседка пришла проведать по просьбе матери.

— Здравсьте, тетя Тань, все нормально!

Шагов слышно не было, отклика тоже. Оглядев все вокруг, молодой человек пошлепал к калитке. Щеколда, ржавая старуха, упорно тянула время.

— Я тут думала. А твоя лапа, наверное, раза в два больше моей руки. С прискорбием сообщая, что вы — неизлечимая каланча! — Это была она.

И Серега улыбнулся с таким распирающим материю пространства счастьем, с каким ему никогда еще в жизни не приходилось.

Трек четвертый.

«ВСЕ ТАК ЖЕ, КАК ТОГДА»

— Прекрати лыбиться!

— А хоть дышать нашему брату можно? — Серый насупился. Хотя видеть ее он был очень рад. Одета по-прежнему, да и хороша все так же. Невольно он держал с ней зрительный контакт больше, чем ему позволяла полудреmlющая скромность.

— Вам пока ничего нельзя, мой юный друг!

— Это я-то юный? Мне так-то восемнадцать!

— Дааа? А мне вот девятнадцать, так что теперь ты полностью под моим командованием! — Разумеется, в конце она дунула на непокорную челку. Та с неохотой подчинилась. — В общем, пойдём посмотреть твои пастбища, феодал!..

— ...Да, Сереженька, живешь ты плохо. Огород запустил, дом хоть призраков пугай, качели ржавеют. И не стремно тебе так?

— Да как-то я этого всего не замечаю. Мне здесь хорошо... «А вот за качели обидно».

— Ладно-ладно, показывай инструментарий, в конце концов. Ой, Серега-Серега, ты не стой у порога!

Она затанцевалась в дом именно так, как сделал бы любой уважающий себя знаток «Комбинации».

Гитара отдыхала, грустно держась за печку на входе. Непримечательный корпус, на котором не было ни одного стикера или наклейки. Струны стояли не по размеру и, как непокорные усы, закручивались в причудливые фигуры на конце грифа.

— Даааа уж. Не бережешь ты ее. Чехол где? Чего она стоит голая?

— Да вон он, рядом. — Черный балахон валялся под лестницей, некрасиво согнувшись. Лена рыкнула так, что даже оркам было бы страшновато.

— Да что ж с тобой не так, упырь? Как можно так с девушкой обращаться?! — Проявив женскую солидарность, она одела бедную подругу. Серега женской солидарности не понял. Почесав котелок, он спросил:

— А зачем ты чехол надела? Мы сейчас не будем заниматься?

— Ага, не будем... — как само собой разумеющееся произнесла девушка. — Считаю это нулевым уроком. Сегодня она, — Лена погладила пострадавшую, — отдохнет.

— Нулевой урок?

— Да, Сереженька, нулевой. Мы ж с тобой вообще не знакомы. А мама учила меня не разговаривать с незнакомцами. Ты вот фамилию мою знаешь?

Все затихло в доме Смирных.

— Так вот — Ожегова я.

— Как словарь?

— Поздравляю, ты тысяча первый. Купон дать могу. В лоб. Интересует?

— Спасибо, воздержусь.

— Я почему-то так и поняла. Стоять долго будем, мистер...

— Смирной. Серега Смирной... Разве что еще минутку.

Отсчитав минуту стояния, он отвел пока-не-учителя на кухню. Стол, как и было приказано, стоял у стены, пряча под собой два табурета. В единственном окне виднелись очертания винограда. Необычный для здешних мест аксессуар в виде электрического чайника начал свою работу.

— Ну и, эм, о чем говорить будем?

Лена спряталась за фейспалмом.

— Вот скажи, сколько у тебя девушек было?

Серега от этого вопроса напрягся.

— А не рано?..

— Да я вижу, что ни одной!

— Увы, была у меня зазноба...

Он взгляделся в сгущающуюся от нарастающей темноты фигурку, но та смеяться явно не собиралась. Наоборот, она вся подалась вперед, чтобы послушать историю.

— С Катькой я промучился полгода. Я тихо выстрадывал свое, она громко не замечала меня. Я ждал первого шага от нее. Зачем? А в душе не знаю. Но в итоге мы разошлись как в море корабли. Но это был очень ценный опыт. Так я себя успокаиваю, по крайней мере.

Улыбка на другом конце стола осветила ночную заводь.

— Конечно, Сережа. Для этого люди друг другу и нужны.

Леночка поместилась с ногами на табурете, положив подбородок на колени. Серый вытянул ноги и окончательно расплылся. Сверчки, вечные спутники сумерек, сверчковали о наступающей ночи. Задумчиво бегая глазами по стене кухни, два человека думали каждый о своем. И впервые в их мыслях о своем солидно заявил о своих правах новый объект. Леночка бросила взгляд направо. Серега бросил взгляд налево. Пауза поднялась, бесшумно собралась и пошла по своим делам.

— Ладушки, Смирной. Я потопала.

Даже луна, казалось, уже зевала, то появляясь, то исчезая за тучами. Серый поднялся.

— Тебя довести?

— Да не, не стоит. Тут идти-то два шага. Чай не пропаду. Бывай, что ли.

Под конец они все же ступшевались. Обниматься на прощание было еще рано, просто махать рукой казалось глупо. Сошлись на пожатии рук. Ладонка у Лены была сильная. Серый, который по привычке руку сильно не напрягал, получил прокрут костей.

— Больно? То-то же. В лагере и не такому научат. Купи эспандер, помогает.

Она не могла уйти иначе. А он не мог не посмеяться.

Хотя заспанная по своей природе сцена после титров все же состоялась, ибо... Да просто так, в общем-то.

— Последний вопрос.

— У аппарата.

— Ты куда окно дел? Я вся замерзла, пока мы тут сидели.

— Разбил в невероятном по красоте прыжке, когда на дачу напала тыща террористов. Ничего особенного.

— Я почему-то так и поняла. Пока.

...Закрыв через пару минут калитку, Серый почувствовал, насколько смертельно он устал. Но уставать вот так хотелось как следует и по графику. У Сереги вдруг появилось то самое, одновременно приятное и истощающее, чувство в животе. Закономерное завершение такого дня.

Две головы синхронно бухнулись на подушку. И у каждой из них было ровно по одному предложению до отключки:

— Меня...

— В одиннадцать вечера спать охота — к дождю, что ли?

И сон накрыл их.

Импровизация.

«ОТ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ, ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ»

Пока Леночка восстанавливалась после непростого со всех сторон для себя дня, Серый успел встать и натошак закуривал сливочные палочки. Старые кости не ввали — погода тешила глаз, но не перспективу встречи с одной крайне заедающей рыжей девицей. Сразу вспомнилась композиция.

— Я придумал тебя, придумал тебя...

Когда нуждался больше всего. И очень было трудно поверить, что в этом мире действительно существует такая эмпатическая справедливость. Хотелось всячески гнать от себя сладкую крамолу. Такие мысли ведут к мечтам. К черту мечты. Эх, Ленка...

— ...Что мне делать с тобой, что нам делать теперь?

Каждый из вопросов представлялся до жути необстоятельным. Кто ОН такой, чтобы с ней вообще что-то делать, да еще и представлять слово МЫ? Ленка — другого эшелона человек. Абсолютно точно. Активная, целеустремленная. И не любящая раздолбаев. А Серый был законченным представителем своего подвида. Так ему казалось. И вот в какой-то момент в мысленный зал забежал один из тех придурков, которые вечно опаздывают в кино и после сидят и громко говорят другу, что фильм какой-то абсолютно непонятный. «А, ребят, мы тут чувства что ли обсуждаем? Хорошая вещь! Очень рекомендую!» Пленка оказалась негорящей, а входы из зала закрыты. Вспышка.

Я же знал...

— ...что любовь — это игры с огнем.

Нет-нет-нет! Но как...

— ...жить без огня, если дождь за окном?

Хватит! Это бред! Не можем же Я и Ты...

— ...войдешь в этот дом и останешься в нем.

Перестаньте! Я же знаю! Знаю, что ты уйдешь...

— ...вместе с тем, кто придумал тебя.

Перемотка на четвертый трек.

«СО ВЗГЛЯДОМ ВОЛЧИЦЫ»

Очухалась молодежь уже к околовечеру. (Угадайте, кто продрых больше.)

Дождь отступил еще к трем часам, так что сейчас в воздухе от дождевой леди остался только парфюм и тянущийся за ним туманный шлейф. Серый проснулся и сразу же вспомнил, с чем ложился. Хандра свое взяла — пришлось выглядывать из дома. Там уже бранили одного заспавшегося охламона, что тот пропустил свой файв-о-клок. Он и не думал спорить. Все было мокро и по факту.

— ...Лена, ты неважно выглядишь. Что-то случилось?

— Дневной сон случился, Милана Григорьевна. А так я в норме.

Сердобольная старушка заглядывала на огонек раз в неделю. В каком-то отношении они были полными антиподами, но, как оно обычно и бывает, лед и пламень вроде как ладили. Да и отчет перед матерью нужно было выдерживать.

Телефон проигрывал «Плейлист для сплина и Сплина». Как ни странно, играл при этом «Крематорий». «Маленькая девочка», если точнее.

— Как видите, живу тут потихоньку.

— Да уж вижу. — Добрые глаза уставились на глаза флегматичные. — А с окружением как? Нашла тут себе друзей?

Рыжая чуть не фыркнула вслух. Ага, уже разбежалась стучаться ко всем на линии в гости и спрашивать: «А вы дружить со мной не хотите?» Да и не нужен ей никто. Умный человек когда-то ввел в употребление слово «самодостаточность». И у Лены ее было с достатком.

Краеугольный камень в игре своей команды, рыжий смерч был прирожденным лидером на поле. Что, на женский футбол вы бы тоже не поставили? А с ней попробуй угадать. Вот вам интересный фактик: у Ленки было крайне оригинальное празднование гола. Она начинала дуть то на свои волосы, то на свои кроссовки, как бы показывая, что она бы и рада себя остановить, но все же никак не выходит. И голеадорила девушка знатно. Ловкая и хорошо владеющая дриблингом, работающая с обеих ног, штатный пенальтист своей команды — и это только игровые качества. В раздевалке капитан (очевидно) толкала такие речи, что в свое время хватило бы и десяти спартанцев.

И вот команда укатила на сборы, а Лена осталась здесь. Все же за полем их с девочками разделяла слишком большая пропасть. Когда в твоей крови плещется спортивный азарт, ты готов сотрудничать хоть с дьяволом. Впрыск отпрыскивается, и цинизм наваливается с двойной силой. Не хватает лишь киношной фразы: «Боже, и с кем мне только приходится работать!» Сокомандницы не то чтобы ненавидели своего капитана. Просто старались всячески избегать ее везде, кроме игровой площадки. Она была независима, и окружающие ее решительно не понимали. Хотя, казалось бы, что такого особенного в том, что человек не боится показывать свой неоднозначный характер? Оказывается, что-то такое в этом было. Тренер терпеть не мог, что она могла указывать не тактические поправки, а девушки терпеть не могли ее зазнайство. Но слушались ее почти беспрекословно — такая и брошенным кроссовком бровь рассечет. Все это Лена чувствовала, аки флюгер в шторм. И ей нужно было местечко со штилем в небесах и тишиной в воздухе. Дальше все было просто — конфликт с тренером, обещание навечно сесть на скамейку запасных, прямые конфронтации с парой игроков, сломанная дверь в раздевалку.

При всем при этом девушка никогда себя не вела намеренно зло. Она сама иногда свой характер не понимала. Вот ей хочется лечь и упереться лицом в стену, вот хочется сбавить на гитаре что-то эдакое, а вот она уже пышет гневом на поле. И каждый день девушка ставила себе за цель собрать наконец себя по кускам. И пока все никак не получалось.

Не помни о прошлом.

— Да нет пока тут никого. Еще не вечер.

— Как скажешь, Елена. — Ленку передернуло. Предлагать чай расхотелось.

Наскоро распрощавшись с соседкой и мысленно пообещав в следующий раз не быть такой злою, рыжая бухнулась в кресло-качалку. Крепко задумалась. Вздохнула. Зависла максимально низко над полом. Встала. Зашагала вверх. Достала бумагу, ножницы, желтый и черный карандаш. Вытрясла из клея последние силки. Похимичила. Полюбовалась нарисованной обложкой The Velvet Underground. Включила Femme Fatale. И, спустившись, накинула на себя куртку.

- Привет, каланча.
- Привет, малая.
- Даже и не думай меня так называть.
- А тебе, то есть, можно?
- Ну, ты ж каланча.

Серый усмехнулся и впустил девчонку на свои земли.

— На, это тебе.

— Таких не знаю, — взглядевшись в банан, задумчиво произнес парень. — Но обложку видел. Спасибо, Лена.

— Не за что. Правда, не за что. Художник из меня так себе, но чем богаты. Пойдем играть.

Уже не удивляясь ни таким поворотам, ни отсутствиям вопросительных знаков в речи девочки, Серега просто пожал плечами и пропустил даму в дом. Гитара в этот раз стояла в чехле.

— Какая ты умничка, Сереженька! Настроил гитару, чтобы я сейчас с этим не долбилась полчаса. Очень мило с твоей стороны. Сгоняй свет включи пока, цигель!

— Итак, какой план?

— А меня ты чего спрашиваешь? Расскажи, что играть собрался на конкурс.

Следующая реплика является авторским знаком «Serega Nedoumkov Inc.», за любое ее использование без разрешения компании будет наложен штраф и подан соответствующий иск.

— Знаешь. Я вот тут понял, что не имею ни малейшего понятия.

Леночка цокнула, вздохнула с интонацией: «Я абсолютно не удивлена и ничего другого и не ждала», и встала.

— Молодой человек, а о чем мы тогда с вами разговариваем? Сплошной непрофессионализм.

Идет — глаза закатились, губы в снисходительно-пристыживающем узоре.

— Что ж за наказание мне такое двухметровое. Ты давай, марсианин, думай, а я пошла. Чао!

Учитель решил окончить урок без звонка. Ученик был критически туп. Но у него была надежда.

— Постой! Давай вместе выберем! Пожалуйста!

Туше. Девочка развернулась и хищно улыбнулась. И тут же встала в позу.

— Ты не понимаешь, во что ввязываешься, — с замогильной интонацией отчеканила Лена.

— Ой, боюсь-боюсь. За каждый забракованный трек по откусанному пальцу?

— Именно, мой падаван, — и тут же несолидно защелкала зубами. Серега расмеялся.

— Ну что ж, надеюсь, никому ничего отгрызть не придется. У тебя есть, что предложить?

— Ооо! — Тут Ленка хрустнула шеей. — У меня мноооого всего.

И, шлепнувшись обратно, неожиданно окончила фразу шепотом прямо в ухо Серому:

— Ооочень много!

Серегу тряхануло. И непонятно от чего в большей степени — от неожиданности, холода или приятных ощущений.

— Есть вот, например, простая.

Понятие «простое» у пылающей рокерши было, как и большинство понятий в ее системе ценностей, своеобразное. Прокашлявшись, она лихо тяпнула по струнам. Темп песни так сразу и не подхватить.

— Мой фантом стрелой белой на распластанном крыле с ревом набирает высоту!

Вариант был интересный, да и маме бы понравилось. Правда, у Сереги был бзик. — Из кустов раздался дикий крик: АААУ! — Голос Леночки менялся от песни к песне, и везде она была, как родная. Они были с Музыкой не разлей вода.

— Лен. ЛЕНА!

— Берем?

— Не совсем. Я не чувствую, что это та песня. Она отличная, но должно быть что-то особенное.

— Ну, знаешь, что! Так тебе песни БОЛЬШЕ НЕ ВИДАТЬ! — она сбацила финальные аккорды «Фантома».

— Да должна же быть такая! Я просто не могу ее вспомнить. Пожалуйста!

Девушка поджала губы, посмотрела вокруг и, наконец, опустила челку вниз.

— Let's rock.

...Наверное, слово «бзик» я употребил не совсем корректно. Скорее это было похоже на одержимость. Все гитарные треки с отличными риффами откладывались в сторону из-за единственного аргумента: «Хорошо, но...» И стоит отдать должное Лене — четверть часа она держалась стойко.

— Скажи мне, ты и еду все время покупаешь одну и ту же, потому что тебе она понравилась? Ничего нового не пробуешь никогда? Сережа, пожалуйста, уважай мое время! Откуда я знаю, что тебе нравится?

Она встала, накинула куртку.

— Вот, знаешь, что? — Леночка закинула одну ногу в белом носке на диван и уставилась на подопечного. — Из тебя сочится неопределенность. Тебе надо быть проще. И я имею в виду образ жизни. В тебе есть зерно, Сережа. Но оно слишком глубоко закопано в заморочках.

Она сняла ногу с дивана. Проверила извечные пучки. Все в порядке. Уйди, челка.

— У тебя нет опоры. И, что еще хуже, стержня. Все, ничего не знаю! — этими словами она опередила рвущегося оправдаться Серого. — Поговорим потом. А может, не потом. Настроение ни к черту. Бесит...

И девушка, хлопнув дверью, разбросала кругом эмпатические частички суперпозиции. Сереге оставалось лишь негромко выругнуться.

Трек пятый.

«THE REAL FOLK BLUES»

Приснувший мартовский ветер, встрепенувшись к границе июня, наконец-то собрал свои пожитки и стремительно понесся на родину, попутно забирая с собой и тепло летнего брата. В такой холод не хотелось ни гулять, ни заниматься. Хотелось просто быть, без лишних проволочек. И вот уже третий день Серый нес в себе чувство бессильной тревоги. Ему было никак. Все это время он пытался аккумулялировать слова рыжей в энергию, но двигатель работать напрочь отказывался. Музыка в доме не играла уже давно. Серый и не помнил, что вообще-то способен жить и без нее. Впрочем, чувствовать без нее он пока не научился. Скоро должны были кончиться продукты, и порог дома гадко хихикал, предвкушая одну крайне невеселую рожу.

В это время на пороге отбили нетерпеливую чечетку женские ноги в ярких красных кроссовках. Владелец их лыбился во все тридцать зубов и две пломбы.

— Ты? Какими судьбами, сестрица?

— Фу, какой ты грубиян! Хочу и появляюсь. А ну, брысь, дай дорогу!

— А ты как вошла вообще?

— Так это. Открыто у тебя, хозяин.

— Чего? Я три дня из дома не выходил.

Без комментариев.

— Несуветная ты балда, Сережа. — Об лоб звонко стукнулся красивый ноготок. — Мало того, что балда, так еще и невнимательный. Ну, здравствуй, здравствуй, бедный братишка-мальчишка! Какие новости?

Алиска по-алискиному лучезарно оскалилась.

— Я сюда зачем приехал? Очистить голову, начать что-то новое в своей жизни! Что я нахожу? Еще одну девчонку. Да пропади оно все пропадом! Про-па-дом!

Страдальца приняла кровать. Одеяло насмешливо подстелилось под него. Алиска по-мужицки села на уголок. Подперев щеку, один палец оказался на губе, а другой на скуле — признак глубокой мысли. Наконец, она похлопала его по голени.

— Рассказывай.

И он рассказал. Опять же, таиться он не видел смысла. Всяко лучше, когда рядом есть хороший человек, прислушивающийся к и волнующийся за. Серега от этой мысли мысленно боролся с ломающимся наружу избытком чувств. Было приятно от заботы сестры и неприятно от самого же себя. Впрочем, повествование он довел до конца.

— Прости, но ты опять раздуваешь из мухи слона. — В ее профиле слово «прямолинейность» точно бы стояло в анфас. — Фактически же вы не смогли выбрать песню, она тебе наговорила какой-то лабуды, и вы разбежались. Лабуды! — Спор вовремя прижгли на месте. — Ты ж помешан на музыке, и не смог песню выбрать. Я тебя не узнаю! — Она по рукам не получила, разумеется.

— Но я правда не придумал. Это должно быть самым лучшим вариантом, понимаешь?

— Тоже мне новость! Ладно, давай подумаем. Чижа брали?

— Не сыграю «Фантома». А другое не то.

— Жанна Агузарова?

— Там петь надо. Не буду осквернять.

— «Арктические обезьяны»?

— При всем уважении, но на акустике там не уедешь.

И так они играли в музыкальные «Города» еще минуты три.

— А «Ночь»-то? Точно можно же.

— Какая «Ночь»? Ты о ком?

— Да не группа это. Я про «Пикник»!

Стоп. Крутаните пленку.

Покажите отца. Это он пел им эту песню. И это единственное, что смутно помнили и брат, и сестра о нем. Затуманенный «раздолбай», от него исходил теплый дух беззаботного детства. А беззаботность эта перетекла в жизнь Сереги сама собою. Она была его стыдным корешем, с которым тебя много связывает, но на публике его поступки не понимают. Ему оставалось лишь глупо улыбаться и просить друга остановиться. Но кореш этот и знал лучше всего, что где-то глубоко внутри они — лучшие друзья. Глубоко в голову Сереги засела уже трижды подгнившая фраза «Яблоко от яблони», но он по этому поводу не грустил. Правда, и вспоминал нечасто. А тут Лиска. Как всегда, в нужное время и в нужном месте.

Высоченный папа стоял, прозаически улыбаясь и неловко опираясь о белую стену кухни. Сегодня он собирал свои вещи. С Людой не вышло. Да и сам он в этой паре не вышел. А собой мучить никого не хотелось. В чемоданах комом смешалось тряпье. Впрочем, поглядит потом. Руки же грела гитара. И всегда ее тепло пригождалось в моменты самых нехороших стуж. Отличная была акустика.

Жена сидела в спальне и ждала стука двери. Дети же вышли послушать лебединую песню. Прекрасную песню. Алиса запомнила, что лицо папы будто бы пропустило через себя каждую ноту, каждый звук. Серый запомнил, что папа красиво пел.

Пусть в объятьях темноты
Бьется кто-нибудь другой.
Мы свободны и чисты,
Мы проходим стороной...

А посмеяться до боли в ушах он всегда был не прочь. Смешной человек, смелый волной взрослости. И в этой песне он для себя понял То Самое и Очень Важное.

Малютки впервые оказались там, где за душами ведется наиболее тщательный уход. Музыка покорила их. Сразу. Все пять минут они стояли в оцепляющей все на свете магии.

Двое членов семьи параллельно заплакали в последнем надрыве солидарности. Дети уткнулись папе в колени. Он объял их своими большими руками. А после ушел. И понял, что боится появляться. Жизнь его к такому не располагала.

Верните, как было. Да куда ж вы к спойлерам крутите, я говорю, как было! Все, шуруйте.

Сергеа ошастливливался. Вот это было ОНО.

— Какая же ты умница, Алиска. Умница!!! — Он резко подскочил с кровати... — Это настоящее бинго! — И начал быстро хлопать. — Все, решено! И почему я сам до этого не додумался, боже мой, это же так просто!

— Все гениальное — просто, знаешь ли.

— Да, ты — гений! — Он хитро ухмыльнулся. — Тебе полагается награда!

— Да какая мне... АХ ТЫ ГАД!

Щекотка входила в договор о разоружении первым числом. Вторым же входил ультразвук.

— Чего ты визжишь? Как девчонка, ей-богу!

— Отвали! Я же, а-ха-ха, сейчас, ха-ха, погибнУУУ! — Переход на оплеухи — трюк проверенный, конечно, но и технологии на месте не стоят.

— Эй, не дерись! Никто тебя тут не убьет — клянусь бородой Мерлина!

Пошла бомбардировка ладонью. Спина стала эквивалентом «выжженной земли». Но Серый в этот день был до конца!

— Сережа, ну прекрати уже! — В голосе слышались слезы, что означало грубую, но все же победу храброго вояки. Он тут же опустил руки, но успел получить контрольный по загривку.

— А вот это уже нечестно!

— НЕЧЕСТНО? Да ты вообще первый начал! — Второй раунд Серега остановил примирительным жестом рук. Брейк! Ну, точнее мир.

— ...Чай, кофе?

— Главное, что не потанцуем. Затаскала ты меня, честное слово. Чай.

Алиса зевнула. Ей пора собираться. Ведьмой она была хорошей, не забывайте. Знает, когда и как.

— Хорошо, Сережа. Проводи меня.

— Чего? Ты все, что ли?

— Все, что надо, я уже увидела. Нужное привезла, тебя проведала. А дальше ты уже сам справишься.

Соло.

«ПРОШЛОМУ ВЗАМЕН»

...Так, блин, встаем, блин. Сколько там времени интересно. ЧЕ? КОНКУРС В ДЕСЯТЬ! У МЕНЯ МЕНЬШЕ ЧАСА! Вашу тетя Наташу! ПОЧЕМУ НИКТО В ЭТОМ ДОМЕ НЕ БУДИТ МЕНЯ!!! Ладно — ладно, успокоились. Проснулись, спели, причесались, улыбнулись и пошли. Потягушки быстро! Все — погнали.

Здорово я, конечно, проворочался. А мама же предлагала валерьянки накапать. Отказался, дурак. Ну ничего, русские не сдаются. Гитара — чек. В общем-то все. МАМ, А ЧТО НА ЗАВТРАК? Овсянка, это зашибись! Так, вперед, питаться!

Кстати, заметил, что с момента приезда никак не тянет к компу. Выучка, черт возьми! И сейчас выучка говорит мне идти зубы чистить.

Окей, лицо уже не позорит мою честь. По рукам уже слабина катится, гадство эдакое! Отставить, я кому сказал! НЕ СМЕТЬ ОБСУЖДАТЬ ПРИКАЗЫ НАЧАЛЬСТВА!

Так, чего бы надеть? Ах, эти желтые ботинки... Да, это будет прикольно! Правда, не особо они желтые. Ну и пофиг. Шагают быстро по асфальту... Бабочку бахну, с галстуком я какой-то дурачок вечно. Челку, ммм, налево. И ты опять идеешь пешком... Джинсы, брюки, джинсы, брюки, джинсы. Нет, брюки. Блин, теперь слово тупым кажется. Брюки, брюки, брюки, брюки!

Застрял надолго в тооорозааах!

Ладно, все, подсобались. Хватит ваньку валять. Стикер Ленки еще не стерся, слава Богу. Она бы меня в чехол упаковала от этой самой гитары. Да, Алиса, я само очарование, это правда! И как я такой у тебя уродился? Вот и я не знаю. МАМ, МЫ ИДЕМ ИЛИ КАК? Все, супер, погнажи-погнажи! Ух!

Во, блин, ну и зданьце! ДК какой-то, что ли? А, это он и есть. Блин, да пофиг, где играть, главное — это я сам! Так, где список? Какой я по счету? Где Ленка? Ну почему, почему все так сложно! Тут и потеряться недолго. Ох. Когда она, наконец...

...Появится? Так вот же она! Леночка вышагивала. На каблуках. Серега, который целый месяц видел подругу в майке-сланцах, порядком подопустил челюсть. Вполне вероятно, что если бы она пришла еще и в платье, то Серый бы умер от слюнотечения в организме. Впрочем, и без него она была до даже-не верится-что-мы-знакомы зажигательна. («Кожаные юбки рулят!»)

— Здравствуйте, Сережа.

— Здравствуйте, Лена. Вы сегодня прекрасны.

— А до этого какая была?

Вот он, зверь в ловушке! Готовьтесь...

— А до этого была замечательна!

Эх. Хитер.

— Волнуешься?

— Да стандартный набор: ручки мерзнут, слабеют, какая-то фигня по телу катается.

— Это ничего, чувак. Я-то, блин, не меньше твоего волнуюсь! Ты ж мой представитель на мировой сцене!

— Я тебя не подведу. — Серега выбросил подогрубевшую руку вперед.

— Еще бы ты меня подвел. Сколько я на тебя времени угрохала! — Леночка крепко сжала ее в ответ. И тут же зашикала.

— Предатель! Как ты смеешь использовать этот прием против магистра?

— Да это чтобы ручки согрелись. Бывай. — Он отдал честь и поплыл за кулисы.

В последнем ряду актового зала сидел дед Коля. На соседнем же месте, у самого окна, его почти транквилизирующую речь слушал человек с большими руками. Он нервно-нервно чесал-чесал затылок и, казалось, не мог сосредоточиться ни на чем на свете. Он уже очень долго ждал.

Людмила Ивановна с Алиской расположились где-то посередине набитого группами поддержки зала. Леночка же, борясь с челкой, бросила приветствие Алисе (та лишь улыбнулась в ответ) и линкором двинулась в первый ряд. Чтоб Серега, очевидно, скончался от нервов на первых же аккордах.

— Алиса, что это за девочка с тобой сейчас поздоровалась?

— Ооо, мама. Это очень важная мадам. Наверняка ты скоро все увидишь. — Девушка откинулась в кресле и стала Чеширским котом. Ей почему-то совсем не было волнительно. Людмила Ивановна лишь пожала плечами.

...Ну почему, почему я последний? Я ж скончаюсь от нервов на первых же аккордах! Так, а что эта на первом ряду забыла? Уйди! Кому говорят! Улыбается сидит. Вот выйду, надаю по шее кому-то! Ладно, не надаю. Как страшно-то, господи! Нога уже сейсмические волны вызывает. Спокойствие! Вдох. Выдох. Вдох. Всем тихо! Все нормально будет. Будет нормально, нормально...

...Сергеа целый час сидел и шептал всяческие вариации «Все будет нормально». И вот как прикажете выходить в такой кондиции? КАК?

Тут Серый съездил себе пощечину. Пару человек странно посмотрели на него; впрочем, некоторые смотрели и с пониманием. Но Сергее было не до этого. Он был во внемирье. Его буквально не существовало все то время, пока он ждал. От Серого лишь нешуточно веяло какой-то ослабляющей энергией.

— Эм, приятель? Ты следующий.

...Я? Следующий? Так тут же еще человек... А. Я один остался. А я, а я готов! Готов на все сто, тыщу и десять тыщ! Что хотите делайте, а я готов! Черт, да у меня щас ноги нахрен откажут. Не откажут! Никто ни от чего не отказывается! Все будет ХО-РО-ШО!

...Одна Лена распознала взгляд Сереги, когда тот выполз на сцену. Он был фарфоровый. Кранты парню. Он вообще ничего не понимает. Уже пять секунд сидит без движения. Ну же!

— Давай, Сережа. Ты сможешь.

...О. Лена. Лена? Так я уже на сцене? Все, понял. Фух. Какая тишина. Ладно. Погнали.

...Пальцы Сереги вдруг цепко встали по позициям. И после первого аккорда резко и безошибочно заметались по струнам. Взгляд Сереги подплавился, все еще не подавая явных признаков жизни. Но тело отчаянно тащило его в прорыв. Молитвенно Серега шептал родные слова. Пальцы не ошибались. Леночка из-под челки настукивала ладошкой ритм. Хотя Серый ее, конечно, не слышал.

— Вить, ты чего?

— Это та самая, Матвеич. Он все помнит.

— Ох. Точно.

И шепотом:

— Молодец, парень. Молодец.

Проигрыш «Ночи» разрывал ткань пространства острыми струнами. Охваченная нотами Алиса взяла дрожащую руку мамы в свою и смогла сказать:

— Вот тебе и особенная. Не плачь, мама. Разве Сережа у нас не молодец?

А он и вправду был молодец. Серега ни разу не отпустил мелодии дальше, чем надо. Музыка была в его власти сегодня. На последних аккордах Серый наконец-таки понял, что...

...Неужели это я? Я сейчас на сцене перед сотней людей и все еще жив? И Ленка вон сидит. Лыбится, ишь. Фух. Хорошо, наверное, сыграл, раз лыбится? Вот и хорошо. Главное, не накаркать. Остался последний...

...Врум. Очень громкие аплодисменты раздались сразу из трех точек зала. Серега встал, пощупал руку, как бы не веря, что они сейчас вместе через это прошли, кивнул шеей куда-то вниз и прошелестел по ступеням со сцены. Машинально отбив пять Ленке, рука которой почему-то была немножко мокрой и необычно дрожащей, Серый дошел до середины зала и бухнулся в кресло между матерью и сестрой, при этом закрыв глаза так крепко, что, казалось, он тут же уснул. Серега сделал все, что мог.

Никого ниже третьего места не объявляли, и Леночка сама не знала, на что надеялась. Она почему-то растрогалась до невозможности, и ей было так странно и так радостно! Боязнь потерять свою будто что приобретенную жизнь забурлила в ней, и Ленка заерзала, заперезживала за все сразу. Но что-то ей все же подсказывало, что Сережа сегодня будет первым. Итак, третье место, давайте же уже быстрее...

...Чего? Я третий?

— ...Сергей Смирной! Где же вы, поднимайтесь на сцену!

Машинально отбив пять Ленке, которая в этот раз отбила ладонь так же машинально, Серега взял диплом третьей степени и конверт. И кому он только машет, спрашивается? Будто Оскар взял, ей-богу. Сумасшедший, что возьмешь!

...Ну и ладно.

— ...Сынок, ты такой молодец! Я даже не ожидала! Умница, Сережа!

— Да ты вообще молодец, братишка! Отлично сыграл!

Серега лишь растерянно заулыбался:

— Спасибо, мама, спасибо, Алиса. Я, признаться, пока совсем ничего не понимаю. Так что давайте потом все обсудим, ладно? Я пойду воздухом подышу.

Уже у дверей его окликнули:

— Молодой человек, а вы меня приятно удивили!

— Дед Коля, рад встрече! И рад, что вам все понравилось.

— Да, все было шикарно! Вы проделали отличную работу, Сергей!

— Спасибо вам.

— Кстати, я пришел сегодня не один. Хочу вас познакомить с одним моим другом.

Мужчина с большими руками резко приподнялся. Ему совсем не шла борода. Ему ее как будто отдал дед Коля на поносить. Глаз не было видно из-за огромной челки, остальные же волосы русо свисали на плечи.

— Здравствуй. — Мужчина сглотнул.

— Здравьете. Сергей.

— Кхм, Виталий.

— Очень... («Хм.») Приятно.

— Мне тоже, мне тоже очень! Ты отлично играл сегодня, Сергей.

— Спасибо. Впрочем, я сам не совсем понял, как это сделал.

Мужчина легко рассмеялся:

— Да, мне знакомо. Но это не страшно. Все с опытом придет.

— Надеюсь. Но я, признаться, не уверен, что теперь мне дорога только в гитаристы. А теперь, извините, мне надо выйти. Голову проветрить.

— Конечно, не смею задерживать. Удачи тебе.

— До свидания!

У мужчины была мягкая рука. Серега наконец-то покинул четыре стены и огромный гнетущий потолок. За ним следом побряцала каблукками и рыжая. Им и душно стало вместе.

— Пока, сынок. Рад был повидаться.

Серый обнаружил себя на лестнице. Та вела к бесконечной аллее адамовых деревьев. Парень решил пройтись. И сел на первую же скамейку. Примостившись боком к нагретой солнцем спинке, он выдохнул. Голова помаленьку начинала понимать, что она по-прежнему сидит на все той же длинной шее, что и прежде, и что волосы на ней все так же русы. Ну, может, пару седых волосков решили поставить свои серые флаги где-то на висках. Скоро спина почувствовала другую спину. Небольшую такую.

— Ну...

— Меня не спрашивай. Я в ауте.

— Ладно, молчу.

И они молчали. И первый раз за сотни лет, казалось, в городе подул-таки ветер. Самый настоящий. Он добро и ласково потрепал ребят за волосы, немножко похулиганив, впрочем, над челкой Леночки, сдул с них все сомнения и волнения, улыбисто засвистел и, напоследок прошептав каждому «Удачи», полетел в далекое далеко. Его ждали где-то еще.

— Слушай.

— А?

— Что там в конверте хоть?

— На, открывай сама.

Ленкина спина задрожала. Что там, лук нарезали, что ли?

— Не может быть! Мы богаты! Мы мультигипермиллионеры! Ты представляешь! Тут же целых пять тыщ рублей! — Ленка наконец-то отпустила неприятные и нервные внутренности и захохотала. С ней пробило и Серегу. Ура!

— Малая, у меня есть план. Пойдем-ка прогусарим наши честно заработанные? Может... — Серега запнулся, но тут же складно продолжил, — по мороженому? По пицце? По неважно вообще чему, но по чему-нибудь? Вдвоем.

Ленка поводила спиной, спустила ноги с лавочки и протянула Сереге свои туфли:

— На, понесешь. Знал бы ты, как я задолбалась в них ходить!

— Так а че ж притопала в них? Неужто из-за меня?

А вот это было лишнее.

— Беги, Смирной. Даю фору пять секунд. ТРИИИ...

...Эй, а почему с трех-то? Ладно, Ожегова, фигу ты меня догонишь. Понеслась душа в рай!

Серега встал в низкий старт, и, заслышав кипяще растянутое «ДВААА», набрал вторую космическую скорость так быстро, что весь мир перевернулся вверх тормашками. А точку опоры ему подарила одна пламенная, но крайне добрая и чувственная в душе девчонка. Смачным таким пинком.

— ОДИИИИИИ! БЕГИ, ЗАЯЦ, БЕГИ!

Судьбоносная гонка ждет этого молодого человека, не находите? Что ж, дальше ты сам, Серега. Хотя... Что это я? Один ты уже точно не будешь. Я за тебя спокоен, братец. Как-нибудь еще увидимся, не бойсь. Мир тебе, обредший странник, и...

Удачи, Сергей Смирной!

Игорь Владимирович Голубь родился в 1984 году в городе Калининграде. Окончил Балтийский федеральный университет им. И. Канта по специальности «журналист». Работает в правительстве Калининградской области экспертом-лингвистом. Автор четырех поэтических сборников и совместно с поэтессой Екатериной Мантуровой — сборников стихов «Два кита», «Города», «Неман». Редактор и издатель молодежного литературно-публицистического журнала «Веретено», руководитель поэтического театра «Буревестник». Участник Российского совещания молодых литераторов (Воронеж, 2019). Член Союза писателей России. Живет в Калининграде.

Игорь Голубь

ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ ДО КОНЦА

* * *

Вася хотел в том августе пожениться —
Праздник веселый, расписанный по часам...
Только лежит в земле, а над ним пшеница
Тянется к тихо плачущим небесам.

Колю ждала седовласая мать-старушка —
Теплый платок, в заплатках большой халат.
Коле ее не обрадовать, потому что
Кости его в том же поле давно лежат.

Ксения, белорусская партизанка,
Вечно на поле — ведь раны бойцов важней.
И потому в этом поле железо танка
Волей жестокой судьбы поквиталось с ней.

Боря в минуты привала был гармонистом,
Стойкий и сильный —
с рождения весь в отца...
В ветреном поле, неровном и каменистом,
Братской могиле не видно теперь конца.

Желтое поле... Зачем мне идти куда-то:
Здесь и прохлада, и август, и благодать.
Что вы любили, чем жертвовали, ребята,
Чтобы я мог здесь с улыбкой сейчас стоять?

* * *

Там, где камень большой одинок
И тропинки слепые — узлами,
В красной грязи лежит паренек,
Тот, которого я не узнаю...

В пыль уткнулся он юным лицом,
Кровь внезапная быстро засохла.
Он всегда был по жизни бойцом —
Им остался до крайнего вздоха...

Обрывается тонкая нить,
Порождая зверье в эпилоге:
От желающих связанных бить
До стреляющих связанным в ноги.

Обрывается тонкая нить,
И рыдает бездушное небо...
Никого я не вправе винить,
Если я под обстрелами не был.

Но, возвращенный великой страной,
Я с такими же точно бойцами
Пил водицу из кружки одной
И носил кирзачи месяцами.

Как и ты, никогда не терпя,
Если слабых гурьбою пинали,
Я как будто оставил тебя,
Отвернулся трусливо в финале...

За тебя отомстит батальон,
Хоть в душе пустоту не заполнить.
У тебя очень много имен,
И я каждое должен запомнить.

Пусть утихнет внутри меня ток —
То ли боль, то ли страх, то ли злоба.
Мы похожи с тобою, браток,
Потому что мы русские оба.

* * *

Сырая тишина густела
(Давай поднимем за помин),
И не было как будто тела
В окопе под напором мин.

Оно как будто растворилось,
Не так, как прочие тела.

Был человек, но божья милость
Его впервые обошла.

Наверно, надо помолиться,
Но почему, черт побери,
Когда смотрю в иные лица,
Слова теряются внутри?..

Мой враг — как много раз доньше
Тебя прощал я, как дурак,
Когда топтался по святыне
Ты по моей, как всякий враг.

Когда ты восхищался этим
И словно превращался в плеть,
Ну а потом стрелял по детям,
Решив патронов не жалеть.

Кто говорит, что время лечит?
Я помню твой последний вскрип,
Лежишь в окопе, но не легче
Мне от того, что ты погиб.

Продлится много лет минута.
Я рядом мысленно стою.
Но ты — мой враг, и потому-то
Я принял ненависть твою.

И лишь глаза твои просили:
Слова свои прибереги
Для русских, что клянут Россию,
Они теперь — твои враги.

* * *

Здесь тополя стоят по стойке «смирно».
Филипповка, дорожный поворот.
С венков поблекших пыль дождями смыло,
Не смыло память здесь polegших рот —

Колосьями в пустом забытом поле,
Завязанными в тысячи узлов...
И потому я это место помню —
Без пафоса, без праздника, без слов.

Вот представляю: надевая маски,
Под всем знакомый песенный мотив
Придет сюда народ на праздник майский,
Букеты на могилу возложив.

Но я приеду, датами не скован,
И молча серый камень обниму,

Ведь братская могила — место скорби,
А скорбь носить привычно одному.

Пусть будет май и музыка с экранов,
И снова будут ленточки в ходу,
Прошу вас: вспоминайте ветеранов
Не раз в году...

* * *

В лесу, в сети знакомых троп,
Где ветка каждая упруга,
Я часто нахожу окоп —
Он тянется почти до луга...

Наступишь — и насквозь прожгло,
Как посмотрел святой с иконки...
Здесь тянутся так тяжело
Стволы берез со дна воронки.

Березок непрерывен строй.
Я молча примыкаю к строю...
Спокойно спи в земле, герой,
Я сон твой не побеспокою.

Тебе деревья и цветы
Годами отдают поклоны.
А я вернусь домой, и ты
Посмотришь на меня с иконы.

* * *

Был ветер, трава шелестела,
Ложилась на пальцы роса.
И словно бы не было тела,
И тень ни на дюйм не росла.

И в этом была божья милость.
Лишь борозды, как рубцы.
И сонно над полем кружились
Рассерженные скворцы.

Подумалось, что в эту влагу,
В небесное молоко
Когда-нибудь молча я лягу,
И будет светло и легко.

И будет холодный мираж, и
Ни тени, ни слов, ни следа...
Все это мое до мурашек,
И будет моим навсегда.

* * *

А я тянусь к чему-то божьему,
Что человек не поломал.
А я тянусь к чему-то большому,
Но сам и бестолков, и мал.

А много ль надо сил, умеючи,
Больную голову скребя,
Отвергнуть в этой жизни мелочи,
Включая самого себя?

И я, бродя всю жизнь по темени,
Ступнями разгребая ил,
Давно уставший и потерянный,
Когда-то тоже божьим был.

Лета от станции до станции,
От жалкой тряпки до бойца,
Я все переживу — остаться бы
Мне человеком до конца...

Евгений Олегович Гнездилов родился в 1993 году в городе Бутурлиновке, окончил ВГУИТ по специальности «Информационные системы и технологии», инженер. В настоящее время работает в районном суде. Печатался в журнале «Подъём». Член Бутурлинковского музыкально-литературного объединения «Радуга». Автор книги «Стертые клавиши», вышедшей в 2020 году. Живет в городе Бутурлиновке.

Евгений Гнездилов

МИЛАШКА

Повесть

Взгляд бесконтрольно перепрыгивал с одной елочной игрушки на другую, пока не остановился на покрытом снегом маленьком домике. Огни гирлянд заставляли его ярко блестеть. Я всегда старался разместить их рядом для достижения этого эффекта, ведь домик — моя самая любимая игрушка еще с детства.

Интересно, а зачем я вообще елку в этом году поставил? Я же не делал этого много лет подряд. Может, теперь по привычке. Из-за Алены, своей бывшей девушки, с которой мы давно расстались, эта традиция была возобновлена. Сейчас, видимо, сработал рефлекс.

Когда елка уже стояла в комнате, я понял, что не было смысла ее покупать, что это бесполезная трата денег. Но потом успокоился, да и запах хвои зеленой красавицы подействовал ободряюще. Ну и как всегда процесс украшения, любимый с детства, сыграл в пользу покупки.

И вот теперь, исколов все руки и испачкавшись в смоле, потому что верхушку пришлось немного подпилить, чтобы лучше смотрелась звезда, я валялся на диване и любовался результатом своих действий.

Мне нравятся старые игрушки. Все эти зайцы, медведи и барабанчики на прищепках, шарик с фосфоресцирующими в темноте рыбками, сосульки, домики и многие другие. Это действительно настоящие игрушки. Когда я гляжу на них, у меня возникает ощущение праздника, которое никогда не достигало меня при взгляде на пластмассовую дребедень, продающуюся сейчас по всем магазинам.

Интересно, что стало с теми игрушками, которые нашел мой отец? Теперь этого не узнать. Я помню тот год. Мои родители были уже несколько лет в разводе, и жил я с мамой. А именно тот Новый год я впервые за долгое время проводил с папой. Он хотел меня порадовать, и тоже купил елку, как и мама. Я тогда сказал ему, что наряжать все равно нечем, ведь игрушки были забраны после развода. Отец только улыбнулся и ушел минут на пять, а вернулся с целым коробком старинных игрушек. Многие из них были такие же, что у меня, но некоторые оказались даже старше.

И снова воспоминания, связанные на этот раз с другим Новым годом, еще до развода. Это сейчас елка стоит в треноге, а раньше папа каждый раз делал крестовину. Да уж, я до сих пор чувствую за собой вину. Маленький требовательный ребенок, который желает наряжать елку прямо сейчас, а не терпеть до следующего дня. Однако старая крестовина сломалась, и отец решил сделать новую. Хотел обработать на пилораме, но из-за того что спешил для меня и позднего времени суток, попал себе по пальцам. Нет, слава богу, не отрезал, но указательному и среднему досталось конкретно. Если бы он был жив, я бы попросил прощения, а тогда еще ничего не понимал.

С возрастом елочная тема как-то заглохла. Смысл? Это детям в радость, а я Новый год даже за праздник особо не считаю. Ну будешь ты теперь в документах писать не одну цифру, а другую. И это праздновать? Такое же отношение и ко дню рождения. Ты в этот день стал на шаг ближе к смерти. Капец как весело, обязательно нужно отметить!

Только когда начал встречаться с Аленой, запах елки вернулся в дом. Она очень любила все эти традиции и связанные с ними процедуры. Так что пришлось мне отступить перед ее напором.

И помню еще один Новый год, который провел с Аленой. Когда били куранты, мы находились не за праздничным столом, а в постели. Два молодых беззаботных человека, думающих, что раз уж встретили этот год в постели вдвоем, то и дальше будем вместе. Я тогда сидел, привалившись спиной к стене, и просто любовался, как огоньки гирлянд отражаются в капельках пота на ее обнаженном теле. Кто же тогда знал, что вскоре придется расстаться, причем из-за обстоятельств, которые от нас вообще не зависели.

Ладно, хватит предаваться воспоминаниям, и к тому же вся эта лирика не накормит желудок, который уже начал понемногу урчать. Почесал за ушком маленькую мягкую игрушку, что примостилась у меня на животе:

— Ну что, Милаш, пора бы и ужином заняться, правда?

Милашка всегда была для нас чем-то особенным. А началось это давным-давно. Я тогда перенес с разницей в месяц две операции. И вот после то ли первой, то ли второй выписки ожидал на вокзале автобус, чтобы вернуться домой. Еще целый час праздного шатания. Наматывал круги у ларьков, от нечего делать глаза на витрины. Прошел мимо одной раз, другой, третий. Взгляд цеплялся за маленькую игрушку. Я смотрю на нее, она смотрит на меня. Большая голова, на которой выделяются круглые розовые ушки и крупные глаза, в центре черные, а по краям ярко блестят розовые. Носик и ротик вышиты нитками. Верхние лапки, будто в варежках, раскинуты словно в приветствии, а нижние — плоская платформа, из-за которой кукла находится всегда в сидячем положении, а на платформе нарисованы лапки. Шерстка же в основном серая с вкраплениями розовых и черных пятнышек.

Вот этот-то маленький зверек непонятной видовой принадлежности и стал подарком для Алены. А в дальнейшем, то ли шутя, то ли всерьез, мы стали считать игрушку чуть ли не членом семьи. Имя же приклеилось мгновенно — Милашка, она же действительно очень милая.

Сложно сказать, с чего все началось и почему? Сперва это были простые ситуации, вроде той, когда один читает книгу, а другой берет Милашку, заглядывает на страницы и спрашивает тоненьким голоском: «А что это ты тут делаешь?» И число таких ситуаций росло просто невероятно. Постоянно в тройном «диалоге» кто-то из нас играл роль Милашки, причем во время этого часто менялись. А если собирались посмотреть какой-нибудь фильм, всегда брали ее к себе. Обычно Милашка восседала на моем плече и с интересом глазела в экран монитора либо телевизора. Черт подери, да мы даже ее «кормили»! Ведь она постоянно требовала вкусняшек.

Слушайте, не знаю, с чем это связать. Не исключено, нам не хватало домашнего животного. Мы оба хотели кошку, но возможности не было. Раньше у меня была, но заболела и умерла, в ветклинике не помогли. А все потому, что у одной соседки двадцать с лишним кошек. Живу же я в частном секторе, и Масяня (оригинальная кличка, да?) любила часто гулять. Особенно зимой.

Когда она впервые увидела снег — это было нечто. Сперва тыкалась в него мордочкой, а затем как нырнет и помчит вперед, только хвост, точно акулий плавник, торчит из снежной белизны. А летом этих заморышей, которые и выглядели-то не кошками, а жертвами холокоста, выпускали наружу. Причем все до единой больные, будто те же фрицы над ними опыты ставили.

Вот так Масяня и заразилась. В какие только инстанции не обращались соседи, включая меня, — без толку. Пару раз приезжали проверки, грозили пальчиком и уезжали. Вот и все.

И это было после первой операции. Мы с Аленой уже несколько месяцев жили вместе, и она ждала меня дома. Ну и из-за одиночества и волнений за меня стала периодически делиться переживаниями с игрушкой. Даже привезла Милашку с собой, когда я второй раз угодил на больничную койку. Да уж, были времена.

А затем понеслось на автомате. Садимся ужинать — берем Милашку. Смотрим фильм/мультфильм/аниме/ просто любую хрень на Ютубе (выбор по вкусу) — берем Милашку. Работаем/играем за компьютером — берем Милашку.

Маленький чудной зверек начал по сути обладать своим характером и своими мыслями, которые были эдаким симбиозом меня и Алены. Мы даже часто обсуждали тему того, что человек обязательно оставляет на предметах, его окружающих, частичку себя. И если бы это могло оживить Милашу, то она давно уже носилась бы по дому самостоятельно, а не у нас на руках.

И Милашка стала той самой отдушиной, которая помогла мне в первые дни после расставания с Аленой. Эх, было бы гораздо проще, кабы кто-то из нас сам решился на разрыв отношений, а не так, как получилось в итоге.

Короче, мама Алены свинтила с молодым любовником, еще когда дочери было восемь лет. И девочка осталась на попечении отца. Он ее искренне любил, что было видно невооруженным глазом. Выражалось же это отнюдь не в подарках, хотя деньги у него водились, — сперва работал в налоговой, потом умудрился пролезть в городскую думу. Сколько раз я видел в глазах Алены тепло и любовь, когда рассказывала что-либо о своем папе.

А вот меня он, если честно, недолюбливал, правда, палки в колеса наших отношений не вставлял. Недолюбливал же потому, что считал меня не особо достойным дочери. Я догадывался, почему. Пик нашего романа пришелся на тяжелую пору больницы и потери работы. Я — компьютерный техник и работал у частника. Зарабатывал, в принципе, адекватно. Но неожиданно выяснилось, что у меня сильно искривлена носовая перегородка, да еще и киста обнаружилась в пазухах справа. Тогда и была первая операция. Но моему ИП не понравилось, что я засиделся на больничном, и пришлось выйти раньше, хотя толком не долечился. Так после выхода на работу еще и высказали, мол, а-та-та, нельзя так долго отсут-

ствовать. Я скрипнул зубами, но сдержался. При повторном же осмотре выяснилось, что перегородка срослась криво и нужна повторная операция. Но вместо заявления на отпуск либо предупреждения о новом больничном я просто уволился. Здоровье все же важнее.

Пробыв на бирже чуть больше месяца (пробыл бы меньше, однако после двух операций, да еще в холода, нужно было отлежаться дома), наконец-то удалось найти хоть что-то по специальности. Инженер в государственном учреждении. Да, зарплата не бог весть какая, но зато график работы нормальный. У ИП же, бывало, неделями без выходных пахал. Конечно, и другие варианты присутствовали, но часть объявлений были связаны с фирмами-однодневками, где-то — типичный лохотрон: отработаешь испытательный, а тебе скажут, что не подходишь. К тому же нужно было такое место, где я хоть как-то смогу реабилитироваться со здоровьем.

Так что, по мнению отца Алены, я был не особо благонадежным в финансовом плане. Ну, тут даже не спорю. Правда, помимо основного заработка приходилось еще заниматься халтурами, связанными все с теми же компьютерами. Как пример — переустановить у кого-либо дома ту же систему. (Не совсем, конечно, лицензионную, но тсс, все-таки в госучреждении работаю.)

Однако Алене было плевать на мой недостаток, и когда все это случилось, мы уже некоторое время жили вместе. Девушка была чуть младше меня и заочно училась на педагога. Странное решение, верно? Ведь средства и связи отца позволяли ей выбрать более престижную и прибыльную профессию. Но Алена хотела учить детей. Отец же оплачивал лишь обучение, денег у него она никогда не просила, подрабатывая в местной библиотеке. Чтобы облегчить ей обучение, я собрал из старых деталей второй компьютер. До этого долго улучшал свой, и от прошлого ящика остался только корпус. В итоге просто докупил еще один коробок и закинул в него предыдущие остатки.

...И — в один день все рухнуло. Алена вернулась домой в слезах. Из ее сбивчивого рассказа стало ясно, что им с отцом необходимо покинуть страну, несмотря на собственное нежелание уезжать. Причины пока объяснить не может. Так мы и провели вечер — ее постепенно прекращающиеся слезы и всхлипы, и пустота и боль в моей душе. Сложно описать эмоции, что я испытал. Ведь мы действительно любили друг друга, и нашей вины в разлуке не было, отчего становилось только хуже. Ведь согласитесь: гораздо проще винить в разрыве партнера, в редких случаях — себя. А сейчас — всего лишь казенные слова об обстоятельствах непреодолимой силы.

В общем, больше мы с Аленой не виделись, если не считать общение по веб-камере. Из него, а еще отчасти из программ новостей, я и узнал причины столь стремительного отъезда. На Алениного отца завели дело о коррупции. Правда это или нет — не мне судить, но его решили посадить. К тому же велика вероятность, что он мог потянуть за собой и других, да и компроматы пока никто не отменял. И, почував, куда ветер дует, отец, предвидя последствия, заблаговременно свалил вместе с дочкой за бугор. С одной стороны, я его в какой-то мере виню в том, что теперь между мной и Аленой многие тысячи километров. С другой, благодарен ему: отец защищал свою дочь, ведь неизвестно, что бы с ней стало, останься в России. Давление на родственников — классический метод воздействия на человека.

Поэтому у нас теперь лишь переписка да звонки. Первое время было очень тяжело и даже не верилось, что, скорее всего, уже никогда не увидимся, только на экране монитора. Либо через кучу лет, когда и чувства изначальные забудутся, и мы просто с тихой ностальгией будем предаваться старым воспоминаниям.

А Милашка осталась со мной. Алена так решила — на память о ней. Памятуя о том, как оба относились к игрушке, это было правильно. В итоге теперь мы живем вдвоем — я и Милашка. Уже почти два года.

Только не сочтите меня душевнобольным — два года «сожительства» с мягкой игрушкой! Нет, я, конечно, искал себе пару. Ну, не сразу после разлуки, спустя время. В основном это были краткосрочные отношения уровня потусить с недельку, переспать и разбежаться, плюс-минус пара дней. Бывали, правда, и исключения, но, к счастью, закончившиеся ничем.

Вечерами я подрабатываю на дому у клиентов. Кому систему переустановить, кому ящик от гадости почистить, вирусы погонять. Автомобиля нет, так что передвигаюсь либо пешком, либо на маршрутках. А все почему? — работа в государственном (!!!) учреждении дарует вечную бедность. На минималку тяжело прожить, потому и перебиваюсь дополнительными заработками. И, возвращаясь к отцу Алены, — я его не осуждаю, будь он хоть трижды взяточником. Уверен — на его месте поступал бы так же. Кушать всем хочется.

И вот однажды мне позвонила одна из клиенток — тетка Верка. Вреднучая, словно ее каждый день собаки кусают, причем явно бешеные. Я бы давно ее на хрен послал, да платит щедро, посему и терплю. Но сейчас просто подзавис: ведь всего неделю назад ей систему переустанавливал! Как за неделю ухитрилась ее угробить?! Ууу, человеки, глупые создания!.. А была суббота, одиннадцать утра, дикая рань, когда я еще дрыхну без задних ног. Ясен фиг, не горел желанием к ней идти, хоть тут пешком минут семь-восемь. Увы: в итоге жажда наживы оказалась сильнее лени.

А компьютер, как выяснилось, в полном порядке. Так, мелочь всякая, что специальных знаний не требует, обычный пользователь сам поубирает. И уже в тот момент меня стали терзать смутные сомнения. Тетка Верка отнюдь не дура, да и чуть ли не авансом деньги сует. Что-то подозрительно. А-а-а, ладно, главное — деньги.

Предчувствия не обманули. Оказывается, к тетке Верке приехала на каникулы племянница. И учится она, представьте себе, как раз на компьютерщика, так мне ее представили. Я скептически отношусь к этому слову, уж больно компьютерщик — понятие растяжимое.

Но, что удивительно, я повелся! Вполне симпатичная девчонка, кому-то покажется даже красивой, улыбчивая, шустрая. И ей нравится компьютерная техника: сразу засыпала десятками вопросов. Я же, окрыленный любимой темой, не сразу заметил, что вопросы повторяются, многие донельзя глупые и она просто не запоминает то, что я сказал. Нет, она действительно училась, но вот мозгами бог обделил.

Поначалу все шло очень даже неплохо: свидания, прогулки, увеселительное времяпрепровождение в постели, где племянница тетки Верки оказалась вполне себе. Но тогда-то я и заметил первые странности. Милашка обычно сидела на своем месте в кресле, повернутая к окну, а сейчас. Сейчас она смотрела прямо на меня во время, гм, процесса. Причем смотрела с осуждением. Да что за мысли лезут в голову не вовремя!

Тетка же Верка всеми силами сватала меня своей племяшке Дашке. Сначала никаких инсинуаций по поводу имени той у меня не возникло, но затем так и лезло в голову: «Если Катя не катит, Люба не любит, Света не светит, то есть тогда Даша, которая всегда молодец!» Потому что с какого-то момента нас стали связывать только сексуальные взаимоотношения. А помимо этого с Дашкой было скучно и неинтересно. У нее один лишь ветер в голове. Про таких на старом месте работы мы говорили, что к нормальной жизни они не приспособлены: ни по дому прибраться, ни еду приготовить — да просто жить, притом не присосавшись (во всех смыслах) к какому-либо благодетелю. Ну, или к богатому папику, если очень повезет.

Конечно, можно было продолжать эти постельные приключения, но, в конце

концов, опостылело! Даже нормально поговорить не о чем! Айкью табуретки! Мы часто с неким сотрудником вели по этому поводу беседы. Была одна студентка, которая ходила в магазин копии делать за всю группу. А мы предложили ей купить принтер и печатать самой. Мол, зарабатывай на этом и спекулируй, как незабвенный Чичиков. Тот же еще до мертвых душ спекуляциями чуть ли не с детства занимался. А она вылупилась на нас: какой такой Чичиков? И вот мы рассуждали, что интеллект в девушке не главное. Мне было сказано: ты что, хочешь заниматься сексом с академиком, чтобы с нее очки слетали, а сама в это время размахивала своими дипломами и диссертациями? Весьма красочное зрелище, как я себе представил. Хотя ответил, что лучше уж так, чем иметь табуретку на четырех кривых ножках.

Но интеллект Дашки — одна проблема. Другая — тетка Верка. Та становилась все назойливей и назойливей. Чем я Дашке ее не жених? Парень молодой, видный, и жильё свое есть. Да к тому ж программист! А это нынче самая лучшая и дорогая работа! Ведь быть программистом — стильно, модно, молодежно!.. (Ну, во-первых, не программист, а техник (терпеть не могу, когда любого растяжимого компьютерщика сгребают в единого программиста), а во-вторых, частными походами занимаюсь отнюдь не от хорошей жизни.)

Но, слава богу, каникулы кончились, и Дарья свалила обратно в свой город. Какое-то время мы еще переписывались, а потом прекратили. Мне Дашка была безразлична, она же ожидала другого отношения. Ведь дорогих подарков я не делал, пышно не ухаживал и прочее. Не, а на фига? Смысл на ножку табуретки прицеплять дорогостоящие часы, к примеру? И тетка Верка тоже отстала. Нет, продолжала обращаться по делу, но смотрела так, будто я мешок картошки у нее спер. Правда, выбора у тетки Верки не было: я брал за работу дешевле, чем многие другие.

И второй случай тоже связан с частными походами. В общем, какие-то знакомые знакомых посоветовали меня как специалиста третьей знакомой. Ирина — коротко стриженная брюнетка со спортивной фигурой. Белый короткий топ, открывающий покрытый бисеринками пота плоский животик. Пока ждала меня, занималась на велотренажере. Без лишних эквивоков объявила о наличии вирусов на ноутбуке, с которыми самостоятельно справиться не смогла, но на всякий случай сохранила все данные, если вдруг придется восстанавливать систему. Такой практичный и толковый подход меня приятно удивил.

С работой я справился быстро. Когда знаешь, что и как лечить, то процедура занимает незначительное время. Под финальные же щелчки мышью мне был предложен чай, отказываться от которого я, разумеется, не стал.

А спустя неделю у Ирины действительно накрылась система, но виновато было криво установившееся обновление. Это был первый и последний раз, когда я у нее переустанавливал винду. Потом прозвучал шуточный предлог заглянуть, так сказать, на другой чай.

...Шел уже второй месяц нашего, кхэм, общения. Говорить о каких-то сверхчувствах не стоит, зато нам друг с другом было комфортно. Даже подумывал предложить ей переехать ко мне, но пока не спешил.

В какой-то момент уровень доверия подрос, и Ира спросила, почему я не найду работу получше. Честно ответил — после двух операций еще не полностью восстановился и с более энергоёмкой работой мне пока тяжело. Думал, что после этого будет разлад, все-таки не гребу деньги лопатой и в гараже у меня не «бэха» и не «мерин», а куча хлама. Но нет, Ирине это было неважно.

И все бы ничего, пока в один прекрасный день я не явился к ней раньше условленного. Нет, никаких любовников не застукал. Просто увидел, как она усаживает в автомобиль мальчишку лет восьми, который уж очень похож на нее. Моя

Иринка оказалась с «прицепом», который умело прятала до сего момента. Нет, наличие «прицепа» (ну ладно-ладно, ребенка) меня никогда сильно не напрягало. Придерживался такой позиции, что если встречу девушку, у которой уже есть ребенок, то это не вызовет особенных осложнений. Я не стану кидаться высокопарными словами, мол, буду любить его как своего. Это глупо. Я буду его любить, но как ее ребенка. И захочу потом общего. Но никогда не стану их делить и обделять не моего вниманием.

Здесь же все вышло несколько иначе. Отношения продлились еще месяц, пока я ее не бросил. Сперва все началось со скандала, истинную причину которого Ира переврала. Я был возмущен не тем, что у нее «прицеп», а тем, что утаила. На это получил ответ — опасалась, что брошу ее из-за правды. В общем, я неотесанный мужлан, который не понимает, что ей тяжело воспитывать сына, что ему нужен отец и прочее, прочее. А то, что мальчик уже несколько месяцев живет у бабушки с дедушкой, — никого не колышет, пускай под ногами не мешается, пока мама папку ищет.

Ладно, черт с ней, с такой позицией. Дальше — хуже. Теперь, когда у Ирины появился я и узнал ее маленькую тайну, можно уже и со мной оставлять мальчишку. Пока она будет заниматься своими делами, я должен сидеть с ее отпрыском. Серьезно? Можете сразу начать кидаться в меня гнилыми помидорами, однако я невзлюбил его моментально.

Нет, понятно, всего девять лет, но он глупый, необразованный и бескультурный пацан, от которого слышно только «Дай!». И есть с кем сравнить. Имеется у меня племянник, уже почти совершеннолетний. В те стародавние времена ему было десять лет, а я был тем еще типом. Особенно любил танки. И как-то оказался в гостях у родственников. Илья (племяш) тоже тот еще танкист. И начал допытываться у меня, на чем езжу да как играю. Илья тут же, с ходу начал сыпать десятками фактов о разных танках: когда велись разработки и испытания, кто создатель, в какие годы войны и где принимали участие. С гордостью показал книжные полки, заставленные энциклопедиями, посвященными данной тематике. И, что больше всего поразило, он уже в этом возрасте занимался весьма неплохим моделированием. В данный же момент на его рабочем столе потихоньку собирался советский тяжелый танк ИС-3. Это увлечение так и не было заброшено спустя годы, даже наоборот.

Но еще хуже — постоянные звонки Ирины по поводу и без. Вот мой Лешенька получил четверку за стихотворение. А вот он случайно на труде порезался. А вот он сам лучшие скидки в магазинах выбирает. А вот то, а вот се... Да как же надоело! Такое чувство, что она мне не про сына рассказывает, а про племенного жеребенка, который вообще-то крашенный, но его обязательно нужно втюхать какому-нибудь лошку. Сплошная реклама, от которой уже тошнит. И почти каждый такой разговор заканчивался просьбой (требованием) посидеть с мальчишкой. Снова звонок, снова реклама, динамик я постоянно забываю приглушить, и теперь даже на отдалении телефона на вытянутой руке я продолжаю слышать одно и то же, одно и то же... Повернул голову и увидел Милашку. И она смотрела на меня с сочувствием.

Я уже начал думать, как бы тихой сапой срулить в туман, как все разрешилось само. В этот выходной мне пришлось встать пораньше, чтобы прибраться по дому. С друзьями просто без повода решили собраться по классике — выпить, поболтать. К тому же дом немаленький, можно остаться с ночевкой, так что ограниченный по выпивке практически нет. И — вуаля! Звонок! Думал, это Коля, он любитель заявиться пораньше, но нет — Ира. Хочет, чтобы я опять побыл с ее сынком. На что я ответил — предупреждал же заранее, что в этот день буду с друзьями. Нет-нет, Ира в курсе, Ира помнит, ничего страшного, посидим все вместе, и маль-

чишке веселее, и мы при деле. Одновременно со свистком электрочайника на кухне рванул мой мозг, и я высказал все, что думаю о кобыле по имени Ира и ее жеребенке Леше! Хэппи энд! Теперь у меня появился уважительный повод выпить и отметить столь прекрасное событие.

А в дальнейшем жизнь текла все по тому же руслу, не растрчиваясь ни на что особенно серьезное.

За пару месяцев до Нового года я стал замечать некие странности. Прихожу с работы на обед (благо идти две минуты), а телевизор почему-то включен. Списываю на то, что утром забыл его вырубить. Просто когда собираюсь на работу, ориентируюсь во времени при помощи телепередач. Началась погодная сводка — все, пора бежать, а то опоздаю.

Поначалу даже не обращаю внимания, с кем не бывает. Но потом такое же и с компьютером стало происходить. Так ладно еще, что с моим — его я часто оставляю работающим, чтобы скачать новый сериал или аниме. Но нет, это компьютер, собранный для Алены.

Иногда заглядывал в холодильник, думая, что остался маленький кусочек колбасы или сыра, а там пусто. Может, уже съел, да из башки вылетело?

Милашка тоже вела себе странно. Я укладывал ее на подушку так, возвращаюсь — совершенно иначе лежит. Или же она оказывалась в комнате с телевизором. С утра с ней носился и оставил там?.. Короче, в какой-то момент стало казаться, что схожу с ума. Хотя, с другой стороны, — усталость и недосыпание, плюс нехватка витаминов. Отсюда и рассеянное внимание, и забывчивость?..

Последний рабочий день перед зимними праздниками. Только вернулись с обещенного перерыва, как созвали на внеплановую планерку, где всех поздравляли с наступающим Новым годом уже давно набившими оскомину словами. Но что приятно: тут же отпустили по домам. С одной стороны — класс, а с другой — нельзя было до обеда поздравить? Ну да ладно. Я же ерзал как на иголках, ведь, кажется, дом забыл запереть. Так что бежал обратно весьма быстро.

Дорожку во дворе я вычистил хорошо, даже обувь не пришлось от снега отряхивать. Из прихожей, еще не раздевшись, сразу направился на кухню попить воды. И... малость впал в ступор от увиденной картины — на столе сидела Милашка, а рядом с ней лежал надгрызенный кругляш докторской.

Я хмыкнул. Это кто же завалил в открытый дом, чтобы этак приколнуться? Кто-то из друзей? Вроде все пока на работе. Родственники? Тоже не вариант, в чем смысл такого подкола? Да и следы от снега в прихожей должны были сохраниться.

Подойдя к столу, я наклонился и впери суровый взгляд в Милашку:

— Ну и что сие означает?

Ответа, ясно, не ожидал и уже собрался развернуться, как Милашка понуро опустила головку — и в тишине раздалось:

— Блин, спалилась...

...Допустим, упавшую на пол челюсть я сумел быстро поднять и вставить обратно, но вот брови от потолка отдираться не хотели категорически.

— Какого хрена?!

А Милашка уперла лапки в бока и прошипела:

— Чего ругаешься?! Нос откушу!

— Хандец...

В голове продолжал крутиться все тот же матерный вопрос, но ответа на него, пусть даже и матерного, все равно не было. Офигев от происходящего, я направился к холодильнику:

— Щас напьюсь...

— Ха, у тебя в холодильнике ничего забористей пропавшего молока отродясь не было!

— Да ну?! Мы с друзьями часто у меня собираемся выпить.

— Ага, только вся выпивка не доживала до холодильника!

— А это? — Схватив упаковку апельсинового сока, я потряс ею над головой. — Напиваться буду этим!

— Шиза.

Вот про шизу нужно бы мне говорить, а не игрушке. И зачем вообще с ней прекаюсь? Форменные же глюки! Видимо, действительно стоило витаминчиков попринимать. Но кто ж знал-то?!

Взяв стакан, я налил сока до краев и залпом выпил. Однако только поставил его на место, раздалось возмущенное:

— А мне?!

То ли мой мозг полностью отключил свое нормальное функционирование и адекватность, то ли еще по какой причине, но я вновь наполнил стакан. Милашка приблизилась к нему странными прыжками, обхватив лапками, припала к краю, и на моих глазах оранжевая жидкость начала исчезать. При этом ротик из ниток даже не открывался. А потом:

— Блин, почему холодный?! Я аж охрипла! Еще и ты заболеешь, станешь гриппозной бациллой и будешь чихать и соплывать. Меня заразишь!

Нет, ну не должно это быть реальностью! Может, с соком показалось? А в ней самой встроены микрофоны, и кто-то из друзей-приколистов сейчас стебется над простачком?

Согласитесь, версия более-менее правдоподобная. Я схватил Милашку и кинулся ее ощупывать, но ничего, кроме мягкого тельца, да горошек влаговпитывающий. Милашка же отчаянно сопротивлялась и вырывалась, возмущенно вопя:

— А ну пусти!.. Хватит лапать, я согласия не давала!.. Руки прочь от советской власти!.. Куда полез, маньячина?! Не трожь попу! Не трожь, кому сказала!!

Я замер. Милашка шумно выдохнула и стремительно ретировалась в дальний угол стола, чтобы я сразу не дотянулся. Сама же с подозрительным прищуром наблюдала за мной. А я даже шевельнуться не мог: эта фраза была только наша с Аленой... Хотя... Хотя чем еще маленькая игрушка способна угрожать? Не террористическим ведь подрывом подушки? К тому же Милашка точно к кому-то из семейства кошачьих принадлежит, а из-за окраса мы ее иногда называли леопердом. Похоже, отсюда и уши растут тапочные.

— Либо я здорово повредился рассудком, либо это действительно правда?..

Милашка стала медленно приближаться:

— Ну, с мозгами у тебя всегда были проблемы, но при любом из вариантов я реально существую.

Окончательно офигев, я медленно опустился на стул. Несмотря на то, что уже совсем взмок, ведь верхнюю одежду до сих пор не снял, просидел так несколько минут. Милашка же, изредка бросая на меня опасливые взгляды, добралась до недоеденной колбасы и продолжила трапезу. Я обалдело смотрел на то, как кругляш просто исчезает по кусочкам, и только следы от маленьких зубок появлялись то здесь, то там.

— Да как ты это делаешь?!

— Ммм? — промычала игрушка с набитым ртом.

— Как ты умудряешься есть?

— Сишас, прожжжую... Ага, все... Честно говоря, сама не знаю. Правда, имеется одно предположение. Вы же, когда со мной возились, в том числе и «кормили» меня. Физически я же не могла ничего сделать — вы якобы делали все за меня. Потому... — Милашка изобразила лапками круговые движения. — Потому это

просто условности. Мне необязательно раскрывать рот, чтобы говорить или есть. Необязательно нажимать кнопки на клавиатуре. Нужно лишь находиться рядом — и то, чего пожелаю, произойдет само собой. Условности. Элементарные условности!

Я продолжал сидеть, тупо уставившись в пустоту. Даже если мозги еще на месте, даже если происходящее реально — то как к этому относиться?..

Рука неосознанно потянулась к Милашке, та испуганно дернулась, но я лишь почесал ее за ушком. Спустя мгновение раздалось довольное мурчание. Она обхватила лапками мою ладонь и стала тереться об нее головкой, как кошка.

А я чувствовал в ее лапках силу, чувствовал, как шерстка касается моих пальцев... Милашка... действительно живая? Получается, мы с Аленой вдохнули в нее эту самую жизнь и душу? И что же мне делать дальше?..

Слушай, да все то же, что и раньше, — ответил себе. Продолжать общаться с Милашкой, кормить ее, развлекать. Только теперь это будет уже, так сказать, по-настоящему, не нужно брать на себя роль маленькой игрушки, которая стала самостоятельной.

— Не отрежешь еще колбаски? Ну, пожа-а-алуйста!

Милаша умильно таращилась на меня. Я лишь хмыкнул:

— Сейчас, дай хоть раздеться...

Утро 31 декабря. Я стою в магазине игрушек и сквозь зубы тихо матерю себя, людей вокруг, людскую очередь вообще и дебила на кассе в частности. Ах да, еще и Новому году на орехи досталось. Единственное утешение моей злобной душе — хныканье мальчишка, из-под носа которого я увел игрушечный танк. Мама оставила его на минутку у витрины, чтобы выбрал себе бронетехнику, и карапуз не отрывал взгляда от советского «Т-34-85». Лучший экземпляр из оставшихся на витрине! Местный ипэшник хоть и затарился заранее, но предпраздничный наплыв страждущих сметает все подчистую. И — за мгновения до возвращения матери я успел схватить танк и дернуть на кассу, увидев в глазах пацана разбитую вдребезги надежду. Прости, парень, но дяде нужней! Привыкай, привыкай к взрослой жизни.

— Ма-а-ама, тот дядя забрал танк, который я хотел!

— Ну, ничего страшного, купим другой, посмотри, сколько их тут много.

— Я хотел тот! Мне нужен тот!..

В итоге малыш успокоился после того, как для него выбрали самолет, от которого он оказался в полном восторге. В общем, никто не ушел обиженным. Правда, в очереди долго проторчал.

А потом я отправился к маме. Подарок ей сделал еще несколько дней назад — электрическую мясорубку, она такую давно хотела. Поздравили друг друга с наступающим, поболтали о том о сем. Однако на душе было грустновато. Сто лет не встречал Новый год с мамой. То в компании друзей, то с Аленой, либо и то, и другое одновременно. Думал, прийти к маме с ночевкой, но она уже договорилась отмечать с братом. Они с дядей двойняшки, и он собирает всех родственников. Я был тоже приглашен, но отказался: не люблю многолюдные посиделки. С друзьями же — это несколько иное.

Побыл бы подольше, но мама начала собираться. Уходил нагруженный салатом. Накануне я приносил все ингредиенты для готовки. На самом деле рецепт не особо сложный, даже я могу справиться, однако такой вкусный у меня никогда не получится.

Какое же это удовольствие — ввалиться с мороза в теплый дом! Быстренько скинув одежду, я вошел в комнату. Милашка, уже ничуть не опасаясь, упоенно рублилась за компом в какую-то стрелялку. Я нажал на клавишу Esc, ставя игру на паузу.

— Милаш, я купил тебе подарок. Закрой глаза.

Фыркнула:

— Как ты себе это представляешь? У меня даже век нет!

(Маленькая врединка.)

— Условно закрой.

— Ну ладно.

Я быстро распаковал танк, наблюдая, как Милашка нетерпеливо подпрыгивает на месте. После взял ее и посадил на танк.

— Все, можешь условно открывать.

Игрушка встрепенулась и стала озираться по сторонам. А потом посмотрела вниз, на танк... По-моему, глаза ее сделались в разы больше. Изумленно ахнула:

— Ух, ты! Та-анк! Ураааа! Вперед! За Ро... Стоп! — Милашка присмотрелась повнимательней: — А, это же наш? Тогда все верно. Вперед! За Родину!..

Смеясь над ее реакцией, я повел танк в воображаемую атаку, наматывая при помощи пульта управления круги по полу. Милашкины глаза сияли от восторга. Значит, угадал и угодил. Когда мы жили с Аленой, та всегда ложилась спать раньше меня. Я же не мог уснуть раньше часа-двух ночи. И чем заняться до этого времени? То книжку почитаю, то фильм посмотрю. А бывало, что в танки компьютерные по настроению рубился. Правда, уже не в те, студенческие, а другие. И Милашка всегда подбадривала меня своими боевыми кличками.

Потом я аккуратно примостил пульт на корпусе танка, чтобы Милашка «условно» могла дотянуться до управления. С чего вдруг решил сделать ей подарок, и не самый дешевый, если она спалилась лишь накануне? А вот решил. Мы проболтали весь вечер и почти всю ночь, и общаться с Милашкой мне было очень уютно. Ведь мы, как говорится, не вчера познакомились — знали друг друга годы. Как призналась, эти метаморфозы стали происходить задолго до моего расставания с Аленой. Правда, тогда она конспирировалась гораздо тщательней, ведь странности мог заметить не только я, но и моя девушка. Хотя раньше какие-либо нестыковки — с включенным компьютером или иным расположением предметов — мы списывали друг на друга, а уж точно не на мягкую игрушку. Ну а в последние месяцы Милашка подрасслабилась.

Характером же она получилась гибридом меня и Алены, и не скажу, что взяла от нас самое лучшее. Такую врединку еще поискать! И что интересно — Милаша одновременно и напоминала нас, и была абсолютно иной. По сути, симбиоз двух людей, который стал третьим, но уже совершенно другим существом. Слово маленькая душа появилась на свет — и заточена теперь в тельце маленькой игрушки. Хотя нет, неверно. Это настоящая душа внутри игрушки, не заточенная, а свободная, которая даст фору многим двуногим, что ходят по улицам.

Пока Милашка развлекалась, я начал выкладывать салат и поставил варить картошку. Достал бутылку шампанского. Пить одному — алкоголизм, но Милашка присоединится. Ей уже несколько лет от роду, даже не считая с момента производства на каком-то китайском заводе. В общем, вполне взрослая, тем более что мы с Аленой невольно заложили в нее характер и привычки нашего ровесника. Короче, ничего страшного не случится, спаивать малолетку я не собираюсь.

Милашка накаталась, но выглядела почему-то грустной — ушки понуро опустились, блеск в глазах потух. Я взял ее на руки и спросил:

— Что стряслось? Подарок не понравился?

Леоперд вздохнула:

— Понравился, даже очень. Просто... Просто мне нечего тебе подарить. Сегодня праздник, а ты без подарка. Как-то с моей стороны эгоистично.

— Да брось, Милаш! Все в порядке, я не в обиде. Да и как бы ты могла что-то подарить?

— Не знаю. Но все равно это неправильно...

Мы занялись приготовлениями. Несмотря на свои размеры, Милашка мне помогала и была очень даже полезна. То вдруг нож под рукой, когда надо, окажется, то картошку в кастрюле сама помешает. Так и прошел у нас предновогодний вечер. Затем поздний ужин — и Милашка со своим «условно» спокойно умяла порцию не меньше моей. Не удержался, спросил, как оно все в ней помещается? В ответ были упомянуты «условности». Мол, она может условно наестся, условно объестся, но сейчас все условно же зашибись!

А затем мы залипли на фильме про войну вампиров и оборотней. Слава богу, снят он был задолго до того времени, когда вампиры превратились в слащавых типов нетрадиционной сексуальной ориентации, что блещут на солнце, а оборотням только дай волю — сразу начнут щеголять голым торсом...

Шел пятый день новогодних каникул. Гм, вот приклеилось, и все тут. Хоть и работаю уже много лет, как были эти дни каникулами, так оными и остались. Правда, когда трудился у ИП, праздники ограничивались лишь первым января, а второго — изволь-ка на работу. Хорошо же работать в нашей стране — либо минималка, но зато график божеский, либо зарабатываешь лучше, но отдыхать будешь только два дня в году, причем второй день — собственные похороны. И то начальство позвонит и потребует выйти на работу.

Где-то около половины двенадцатого раздался звонок. Номер оказался неизвестным. В первую секунду даже не взял трубку, думая, что сейчас замолчит. Уже надоевшая тенденция всяких недобанков и жуликов — позвонить и сбросить, чтобы человек сам набрал в ответ. В лучшем случае потратишь только время, услышав в трубке голос бота, рассказывающего про прекрасные кредиты. А в худшем — спишут деньги со счета.

Но рингтон не умолкал, и я буркнул:

— Да?

— Здравствуйте. Гериллов Андрей?

— Э, здравствуйте, да, это я.

— Улица 9-го января, дом 21 — ваш адрес?

— Да, мой.

— Выйдите, пожалуйста, на улицу, вас ожидает курьер.

Немало озадаченный, я начал одеваться, не заметив, с каким любопытством прислушивается к разговору Милашка.

На заснеженной улице меня ожидал дипидишный фургончик, а рядом топтался курьер. Снова были заданы те же вопросы. Я ответил и поинтересовался, что за доставка. Заказ номер такой-то, сумма такая-то, предоплата. От меня требуется только подпись да паспорт, а иначе посылку не получу. Повезло, что документ оказался во внутреннем кармане куртки и не пришлось возвращаться.

Удивленный происходящим, я понес посылку, терзаясь желанием поскорее посмотреть, что же внутри. Размеры средние, но весит от души. Поскользнулся на пороге и ввалился в дом.

Кинув куртку на диван, я взял ножницы и стал аккуратно вскрывать упаковку. Один слой, второй, третий... Обратил внимание на отправителя: магазин, в котором ни разу в жизни ничего не заказывал. Нет, я про него знаю, но — не заказывал. Все страннее и страннее.

Вот уже снят последний слой, и предо мной оказалось... несколько книг по циклу Warhammer 40000. Я его давно собираю, и именно эти хотел со временем купить. Пока останавливала цена, они дорогие, зато материал обложки и бумага высокого качества. Сорвав полиэтилен, я ощутил непередаваемый запах типографии и еще нечитанной книги. А пальцы побежали по белоснежным страницам.

Но от кого, от кого такой подарок? Да к тому же именно те издания, которых у меня нет.

Из соседней комнаты выглянула любопытная мордочка. Мордочка она аж светила лукавством и озорством и явно была дико довольна собой.

— Милашка?! Ты?.. Но как?!

Из ее сбивчивого рассказа стало ясно следующее. Она стала нынешней очень давно, еще до того, как уехала Алена. Открываться же не хотела, боялась. Да и мы относились к ней, как к живой, и к чему все нарушать? Но когда я и Алена целыми днями пропадали на работе, чем заниматься Милашке? Сперва много времени проводила за просмотром фильмов и компьютерными играми. То-то замечал: порой что-то не так с моим прогрессом. Да и, бывало, возвращался, а компьютер включен. Но я списывал это либо на свою, либо на Аленину невнимательность и забывчивость.

В итоге Милашка решила заняться самообразованием. Нет, она не стала изучать русский язык и математику. Мы же с Аленой заложили в нее нашу ровесницу не только характером, но и знаниями, так что она неплохо разбиралась в компах и педагогике. Однако этого ей было мало. Милашка тяготела к знаниям. Она впитывала все как губка, правда вот обратно ничего не просачивалось. И обладала просто феноменальной памятью, что ей здорово помогало. Видимо, мое влияние оказалось сильнее, поэтому она подалась именно в компьютерную тематику. Куча самоучителей по программированию, сотни часов отсмотренного видеоматериала. Да взять ту же пресловутую 1С. Если б Милашка не сообщила, никогда бы и не узнал, что на компьютере Алены была установлена эта программа, в которой Милаха проводила свои эксперименты. Да, кто-то заявит, что самостоятельно многому там не научишься, что нужен тот, кто расскажет и подскажет. Но это их мнение, а у Милашки оно свое.

Затем в ее маленькой головке родилась идея-фикс — рано или поздно придется открыться, а быть лишним ртом на иждивении она не хотела. Потому всем этим и занялась усерднее, чтобы в дальнейшем пофрилансить. Правда, вначале появилась проблема: а куда деньги перечислять? На мой счет слишком палевно, создать свой электронный кошелек мешает отсутствие каких-либо документов. В итоге Милашка нашла мой старый кошелек на вебмани и реанимировала его. Прodelывала это ночью, забрав мой телефон и поставив его на беззвучный режим, чтобы смс-уведомления меня не разбудили. Она даже как-то умудрилась отключить дальнейшее оповещение о пополнении счета и полностью затерла все следы пребывания за моим компьютером и все смс из телефона.

Начала Милашка с простого — взялась за курсовые работы. Нашла необходимые сайты и стала рыться по объявлениям. Цену пришлось везде предлагать низкую, так как не было у нее еще ни рейтинга положительного, ни отзывов. И мало кто ей пока доверился бы: вдруг возьмет деньги и ничего не сделает? Или сделает так, что отправишься потом на передачу?.. Но вот первый студент обратился. За полночь, ему утром сдавать работу, а только сейчас очнулся. Доплачивал за срочность. Студенту повезло, что меня не было дома и Милашка со спокойной душой могла заняться заказом. Ведь сколько она экстренно выключала компьютер, если я просыпался среди ночи.

И — первый довольный клиент и первый отзыв. Затем еще, и еще. К ней обратились и на другом сайте. Дело, как говорится, пошло. Тогда Милашка взялась и за 1С. Здесь было сложнее, так просто не вырвешься из недоверия к молодому специалисту, да и многие сведения об образовании требовали. Правда, тут Милашка схитрила — полностью использовала мое имя и мое же образование. Хотели диплом? Вот, получите и распишитесь. В общем, потихоньку стала известность набирать. Не обошлось и без кидалова, неоднократно причем, но Милашка не отчаивалась и находила более порядочных заказчиков.

Однако больше всего ей нравилось создавать сайты. Если и то, что делала в 1С, тоже можно назвать созиданием и творческим процессом, то в данном случае Милашка получала эстетическое удовольствие не только от просмотра сухого машинного кода удачно скомпилированной программы. В общем, проявилась творческая жилка, доставшаяся ей от Алены. Все, что выходило из-под ее лапки, было красочным и запоминающимся: идеально подобранные кнопки, рабочие гиперссылки, ничего лишнего не бросалось в глаза, дизайн просто потрясающий! Откуда знаю? А просто маленькая маэстро любит похвастаться и в дальнейшем мне все показала.

...И вот теперь я сидел в немом офигевании. Милашка же, увидев мою реакцию, понуро опустила уши и вздохнула:

— Тебе не понравился подарок?

Я посадил ее на ладонь и стал чесать за ушком:

— Не говори глупостей! Прекрасно знаешь, что я часто захожу на сайт издательства и слежу, какие новые книги вышли, даже если и не собираюсь покупать. Огромное спасибо!

У Милашки загорелись глазки. Я потерялся об ее мордочку носом и продолжил чесать ушко. Она замурлыкала, затем издала короткое «мяк!» и завалилась на бочок.

— Но как же доставка так быстро пришла? Сегодня только пятое!

Милашка повернула головку:

— Интернет-магазин работает с третьего числа. Да и в курьерской службе можно доплатить за скорость. Так что все на мази.

— Эххх, чудо ты мелкое!..

Прошло два дня. Я возвращался из супермаркета, нагруженный пакетами с едой. Почему? Да потому, что проснулся утром от того, что на груди сидел некто серо-розовый и осуждающе смотрел на меня. И не только смотрел, а высказал: мол, в холодильнике хоть шаром покати, маленькому же леоперду нужно хорошо питаться и расти. Короче, вали, дорогой, в магазин.

Невольно улыбнулся утреннему воспоминанию и покачал головой. За прошедшее время я привязался к Милашке еще сильнее. Мне было уютно и комфортно с ней, словно знакомы не один год. Впрочем, так оно и было. Сколько лет мы общаемся? То-то!

Правда, периодически казалось, что ожившая игрушка — лишь плод воспаленного сознания, что от одиночества и старой тоски по Алене у меня элементарно поехала крыша. Но старался об этом не думать. Хотя такой разговор у нас с Милашкой уже был. На что она, покачав головкой, ответила: «Как бы тебе ни хотелось пребывать в мире логичного и рационального, но я настоящая. И никуда от этого не денешься. Остается только смириться». Может, и так. Да и многие моменты сложно объяснить бредом сумасшедшего. Ну откуда у меня деньги на электронном счете? Я даже пароля не помню! Проще действительно смириться и жить, как есть.

Два поворота ключа, щелчок, и наконец входная дверь открылась. Я поднялся по ступеням в прихожей, слушающая скрип. Но... нет, это скрипели не ступени, а мое левое колено. Теперь к нему надо привыкать и только изредка горестно вздыхать.

Уже разувшись, я не сразу понял, что включен душ. Волосы встали дыбом. Кто-то пробрался в дом?! И мало, что пробрался, так еще и водные процедуры принимает!.. Быстро скинув пакеты, огляделся, подыскивая что-нибудь в качестве оружия. И ведь до кухни тайком не прошмыгнешь: мимо ванной идти надо. Удовольствовался сдернутым с вешалки зонтиком.

Вооружившись столь экстравагантным орудием, я стал красться вперед, но тут

дверь ванной открылась и оттуда в клубах пара... вынырнуло нечто. Нечто имело хорошую фигуру и весьма симпатичное личико. Самые пикантные места целомудренно прикрывал пар. Но вот два полукруглых розовых уха, торчащих над головой, ничто не могло прикрыть! А глаза... Черный зрачок без радужки на розовом же фоне. Я глухо застонал...

Нечто ехидно хмыкнуло, в глазах заискрилось адское пламя, а затем оно взмахнуло копной мокрых волос. Ох, какого там только не было цвета. Но в основном уже классика — розовый, серый, черный и капельку белого. Такой окрас имели и отдельные пряди, и круглые, словно у леопарда, пятна. Взгляд произвольно скользнул гораздо ниже, благо пар почти везде рассеялся. Я зажмурился. Черт, и там то же...

— Милаш!.. Какого хрена?!

Чудо якобы недоуменно пожало плечами:

— Да я давно уже умею принимать человеческую оболочку. Ну, почти... — С этими словами она почесала за розовым ухом. — Старалась скрывать, чтоб не шуганулся, как сейчас.

Я кисло ухмыльнулся:

— Ты хоть бы прикройлась, что ли. А то расхаживаешь в чем мать ро... завод выпустил. Не стыдно?

Она рассмеялась:

— А должно быть стыдно? После того, что вы вытворяли на глазах у маленькой бедной пушистой игрушки?..

В ответ я буркнул что-то невразумительное и скользнул мимо нее. От Милашки пахло чем-то лесным, даже показалось — хвоей. Странно, ни мыла, ни шампуня с таким ароматом в ванной нет.

— Ну ладно, прикроюсь. Одежду дай.

— У меня нет женской!

— Свою гони.

— Ага, разбежалась! Обратно становись мелкой и пушистой!

— Ни фига, буду нагишом щеголять и тебя возбуждать. Думаешь, не видела, как ты мою фигурку глазами пожирал? Да и вообще... Как напрягся твой... зонтик. Кстати, закрой его, в самом-то деле.

Только сейчас я заметил, что произвольно нажал на кнопку на ручке зонта. Вот же засранка мелкая! Ладно, будет тебе одежда. Не впервой делиться собственной с противоположным полом.

— И еще. Пора меня кормить.

— Вон пакеты, выбирай что хочешь.

— Не, ни фига. Приготовь, а затем уж и корми. А то совсем от рук отбился.

— Черта с два я буду готовить! К тому же прекрасно знаешь, какой из меня повар.

Милашка досадливо поморщилась, но аргумент приняла. Готовить я не способен от слова совсем. Только полуфабрикаты. Либо салаты. Простые салаты. Поэтому, схватив пакет за ручку, она потянула его на кухню, ничуть не обращая внимания на свою наготу.

Мне осталось только качать головой. Прошел в комнату и плюхнулся на край дивана. Да что ж это за чертовщина-то творится, а? Теперь я еще больше засомневался в собственной адекватности. Происходящее до банальности напоминало типичную анимешку с незамысловатым сюжетом, где с главным героем начинает жить девушка, которая еще на полставки является животным/демоном/ангелом/монстром. Нужно подчеркнуть.

Бред, какой же это бред... Я глухо застонал и откинулся на диван, разбросав руки в стороны. Потер лицо и тупо уставился в потолок. Может, обратиться к пси-

хотерапевту?.. Стоп, а почему только сейчас? Типа, говорящая мягкая игрушка — норма, а ее превращение в человека — нет? Хотелось кричать и биться головой о стену. Вдруг полегчает?

Но тут в поле моего зрения снова нарисовалась Милашка. Иронично изогнутая бровь, руки в боки, насмешливый взгляд. Она покачала головой и ничтоже сумняшеся стала самостоятельно копаться в шкафу с одеждой, что стоял рядом с диваном. Я даже не стал препятствовать.

На пол полетели вперемешку рубашки, майки, штаны, нижнее белье. И я наконец возмутился:

— Ты что творишь?! Там же разложено было!

Из-за дверцы высунулось Милашкино лицо:

— Да ладно! Все вразной! Трусы на майке, майка на шортах, шорты на носках, носки на брюках! Что за винегрет?

Мне оставалось только подвывать, вновь гипнотизируя потолок. Докатился — мои глюки меня же и попрекают. Все в шкафу нормально, я ведь почти мгновенно нахожу то, что нужно. А маленький беспорядок — в пределах допустимого. Как рабочий хаос на моем столе. Со стороны ужасно, по факту весьма функционально.

Прошло несколько минут, и — затихло. Приподнялся на локтях и удивился: на полу ничего уже не лежит. Подумал, что Милашка просто все скомкала в единый шмоточный шар и утрамбовала внутри шкафа. Только собирался посмотреть туда и ужаснуться, как взгляд коснулся девушки. Черная футболка с окровавленной злобной матрешкой с черепом вместо лица. Ее я урвал в день концерта немецкой группы Ooruh! еще в прошлом году. И мои старые шорты, которые она затянула потуже.

— А почему ты из всех футболок выбрала именно ее? — пробормотал я.

Милашка улыбнулась:

— Потому, что мне самой нравится эта группа. Да и вообще...

Ее правая рука взметнулась вверх, состроив классическую рокерскую козу и добавив в голос хрипотцы и типа немецкого акцента, она прогрохотала:

— Сиськи!

В подтверждение своим словам левой рукой обхватила себя за грудь и сдавила. Я судорожно сглотнул, получив в ответ ехидную улыбку.

— И из кучи их песен ты выбрала кавер на Шнура?! Серьезно?!

(На концерте я, как и многие другие фанаты, несколько офонарел, когда Деро с жутким акцентом на ломаном русском стал исполнять песню Сергея Шнурова «Сиськи». Шок и трепет. Еле успел в очередной раз включить камеру и заснять этот угарный треш.)

— Ты же часто включал записи с концерта, вот я и запомнила. К тому же песня сейчас очень даже в тему. Да и лицезреть твою вытянувшуюся физиономию просто бесценно. Будто никогда женского тела не видел.

...Так, спокойно, досчитай до десяти, дыши ломаным-переломаным носом... Ты спокоен, абсолютно спокоен. Теплые волны несут твоё тело. Ты ни о чем не думаешь, только о солнечных лучах и потоках воды... Фухх, вроде отлегло...

Когда я открыл глаза, Милашка уже свинтила на кухню. Стараясь не обращать внимания на звуки, что начали доноситься оттуда, я наконец-то зыркнул в шкаф. И брови снова изумленно поползли вверх. Идеальный порядок, полочка к полочке, одежка к одежке. Остолбенело покачал головой и захлопнул дверцы.

Пока переодевался в домашнее, с кухни поплыли до боли знакомые запахи. Милашка крутилась у стола, тихонько мурлыча те самые «Сиськи». Запахи же шли из бутербродницы. Пока там происходил процесс готовки, девушка продолжала нарезать ингредиенты на следующую порцию. Помню, как еще папа их делал. Берутся два куска батона, намазываются майонезом и кетчупом, сверху —

сыр, колбаса и лук. Ломти соединяются, кладутся в бутербродницу и крепко сжимаются крышкой. Страшно любил, когда папа готовил их по утрам в выходной. И даже когда наша первая бутербродница накрылась, он умудрялся делать горячие бутерброды в духовке.

И вот теперь столь знакомый запах снова обитает на кухне. Я даже замер на пару секунд. Потом спросил:

— Почему ты сделала именно горячие бутерброды?

Девушка вздрогнула и вляпалась кончиком пальца в кетчуп. Облизнула его, избавляясь от соуса. Удивительно, но теперь ни в ее движениях, ни во взгляде не было никакого сексуального подтекста. Может, почувствовала мое состояние и решила не портить неуместной в данный момент пошлостью? Затем пожала плечами:

— Не знаю, просто захотелось. Ты делал их несколько раз, мне понравилось. Вот и повторила. — Она немножко отстранилась. — А ты пока займись кофе: чайник поставь, в кружки все понасыпь. Мне три ложки сахара и две кофе.

День поплыл дальше. Я постепенно осваивался с тем, что Милашка уже отнюдь не маленькая игрушка, хотя мысль о собственном сумасшествии не давала покоя. Сейчас же мы расположились на диване и смотрели телевизор. Учитывая, что на федеральных каналах кроме пропаганды и надоевших эстрадных исполнителей ничего не показывают, включили 2x2. Там как раз крутили новый сезон «Южного Парка». Я же вполглаза еще и книгу умудрялся почитать, из новых.

Вдруг Милашка со стоном потянулась, выгнулась дугой, словно подчеркивая все прелести своей фигуры и пластичности. Не думаю, что эта процедура была направлена просто на то, чтобы подвигать затекшими конечностями. Когда же заканчивала, не очень аккуратно дернулась, и ее левое розовое ухо загнулось.

— Ой, ушко помялось!..

Она сделала умильно-удивленное личико и попробовала по-кошачьи поправить его, но почему-то не получилось, хотя казалось бы...

И вдруг голос стал жестким и командным:

— Ухо поправь!

Я засмеялся, но поправил. Ну да, это была одна из старых шуточек. У Милашки часто загибались ушки, и их приходилось поправлять. Коварно воспользовавшись этим казусом, она мгновенно примостила голову у меня на коленях. Я же почти рефлекторно начал чесать ее за ушком. Книгу пришлось отложить, но я был не против, слушая уютное мурчанье. Тогда Милашка потянулась совсем уже как кошка и замурлыкала еще сильнее.

И почему-то стало спокойно-спокойно. Не хотелось думать вообще, и, подозреваю, ни одна разумная мысль не могла бы пробиться через эту стену умиротворения. Правда, легкая улыбка все же коснулась моих губ. Гм, на моих коленях сейчас лежит девушка, которая совмещает в себе еще и кошачью антистрессовую функцию. Я совершенно забылся и даже не заметил, когда мурлыканье сменилось стоном отнюдь не антистрессовой интонации. И только опустив глаза,образил, что моя рука, обхваченная ладонью девушки, покоится на ее груди.

— Милашка!!! — У меня аж веко задергалось. — Да что с тобой, блин, творишься?! Пошлые шутки и не менее пошлые действия так и сыплются, как из рога изобилия! Ты же раньше такой не была!

— А была такой? — Она состроила наивное выражение личика, вытянула губки и невинно захлопала длинными ресницами, однако руку мою все же оставила в покое. Затем хитро подмигнула: — Не, ну а какие пошлости могут исходить от игрушки? Сам подумай, насколько это глупо и неуместно. Но теперь, когда обладаю подобным телом... Да еще и немного переделанным...

Девушка зажмурилась и вновь сладко потянулась... как вдруг раздался гром-

кий хлопок — и на моих коленях осталась одна лишь футболка, на которой восседала изумленная маленькая игрушка.

— Довыпендривалась, — прокомментировал я, но Милашка лишь отмахнулась лапкой.

— Я еще не могу долго пребывать в человеческом теле. Периодически все равно придется возвращаться в исходное состояние, хотя бы раз в несколько суток. Да и вообще, это ты виноват!

— Я?!

— Да, ты! — Она скрестила лапки на груди. — Не фиг было меня слишком долго за ушком чесать! Вот расслабилась и потеряла самоконтроль!

Удивительно, но ночь прошла спокойно. Опасался, что Милашка начнет приставать — спим же в одной постели. Но то ли она растратила чересчур много сил, то ли ничего уже не хотела, так что рядом со мной на подушке разместилась маленькая игрушка. Пожелав друг другу спокойной ночи, на том и завершили этот несуразный день.

Проснулся я оттого, что в лицо били солнечные лучи. Перевернулся на левый бок, на правый — бесполезно, злопакозное солнце везде достает. И вдруг светлое давление исчезло. Я облегченно вздохнул, но, оказывается, расслабился рано.

— А ну хватит дрыхнуть! Вставай, нас ждут великие свершения!

Я лениво приоткрыл один глаз. На фоне ярких лучей темнел силуэт, и удивительно, но уже не ушастый. Сумела «справиться»? И, кстати, цвет волос стал иным — теперь Милашка брюнетка. С трудом подавив зевок, пробормотал:

— Какие еще свершения?

— Покупка новой одежды.

— Да есть же одежда.

— Ага, твоя! Ни в магазин сбегать, ни по городу пошляться, ни просто выйти в свет.

Я глухо застонал и отвернулся, уткнувшись носом в подушку. В первые секунды все было спокойно, но потом горячее дыхание обожгло шею, продвигаясь к уху. Волосы встали дыбом, а сонная пелена перед глазами исчезла в единый миг.

— Ну-у-у, если пока не хочешь идти... можем заняться чем-то более интересным...

Томный голос заставил меня вздрогнуть, а когда ладонь девушки коснулась моей спины и двинулась ниже, я аж подпрыгнул:

— С ума сошла?

Милашка презрительно поморщилась:

— Ну что ты как девственник, в самом-то деле?

— Да иди ты...

Я вскочил и стал одеваться. Настроение испортилось в хлам. Нет, не то чтобы был против, скорее за. Да и тяжесть внизу живота явно на это намекала. Но определенная абсурдность и неадекватность ситуации не позволяли действовать более грубо и прямолинейно. В тот момент я почувствовал себя чуть ли не моральным импотентом. Красивое женское тело, долгое отсутствие ласки со стороны противоположного пола — как говорится, бери, коль дают, как бы двусмысленно это ни звучало. Однако некая стена останавливала.

— Собирайся. Пойдем по твоим магазинам.

Признаться, то, что предстало передо мной, слабо напоминало девушку, щеголявшую по дому в моей футболке. Мои старые, слишком большие джинсы, майка и мужская же темная рубашка на несколько размеров больше. Не менее мужская куртка, которая хотя бы по длине была еще туда-сюда, благо рост у Милашки не-

значительно уступал моему. Слава богу, уши и хвост уже отсутствовали, а глаза стали обычными, цвет — серый. Но если сильно приглядеться, то иногда проскальзывал розоватый оттенок. Милашка покрутилась у зеркала:

— Ну как?

Я сделал волнистые движения открытой ладонью и издал нечленораздельные звуки в подражание доктору Коксу из «Клиники». Но девушка осталась невозмутимой.

— Да пофиг. В первом же магазине возьму в чем не стыдно будет ходить по друзьям.

— Э? А что, мы по нескольким будем шляться?

— А ты как думал? Минимум пять! А иначе какой это шопинг? Ни одна уважающая себя девушка не пойдет только в один магазин. В общем, готовься шмотки за мной целый день тягать.

— Твою ж мать...

Оказавшись в пункте назначения, Милашка сразу набрала кучу вещей и отправилась в примерочную. Я остался рядом на всякий случай: вдруг понадобится принести что-нибудь еще, унести обратно, да и просто — мало ли что. Вдруг из-за ширмы высунулась тонкая ручка и потащила меня внутрь. Это ей удалось легко, так как ничего подобного, естественно, не ожидал. Предо мной предстала Милашка. Нет, не обнаженная, правда, легче от этого не стало. Черное полупрозрачное возбуждало и будоражило фантазию даже сильнее, нежели отсутствие оного. Невольно сглотнул, любясь девушкой, и она мгновенно потянулась ко мне. Наши губы встретились — и снова тот хвойный аромат. Я прижал Милашку к себе, продолжая поцелуй, однако его пришлось срочно прекратить, когда девичьи ручки начали целенаправленно расстегивать мою ширинку. Кое-как вырвался, но неловко запутался в занавеске и рухнул на пол, благо ничего не повредив.

А полуголая Милашка насмешливо глядела сверху вниз. Я залился краской и заозирался по сторонам. Ф-ф-фу, повезло, что никто из покупателей и продавцов не смотрел в данный момент в нашу сторону (о камерах старался не думать). Гм, возможно, и помышлял когда-нибудь о сексе в общественном месте, но помышлять это одно, а делать — совсем другое. К тому же стену пока никто не отменял.

А Милашка провела острым язычком по губкам, взбудоражив меня еще сильнее, а потом, хихикнув, задернула шторку.

— Засранка... — скрипнул я зубами.

Спустя пару-тройку часов мы оказались дома, но обрадовался я рано. Милашка накупила много чего, правда, отдам должное: выбирала то, что было по скидке либо не выбивалось за рамки разумного. Так что ее счет хоть и прохудился, но пока еще был на плаву. Да и я не остался в стороне, купил ей кое-что. И тут Милашке втемяшилось в голову устроить показ мод. А учитывая количество обновок, всевозможных вариантов, комбинаций и наличие в зале огромного зеркала, процесс обещал стать весьма длительным.

Я же начал смотреть старый, но все еще прикольный фильм «Васаби». А еще прикольное, что когда Милашка затеяла свои пируэты у зеркала, постоянно спрашивая, что ей идет больше, в это же время дочь главного героя занималась тем же самым. И мы словно понимающе переглянулись с персонажем Жана Рено.

А потом я скучал целый вечер. К Милашке обратился очередной клиент с доплатой за срочность, и она уселась за работу. Мне же заняться было абсолютно нечем. В итоге провтыкал на Ютубе. Убила новость — очередная сдвинутая депутатша заявила, что пенсионный возраст нужно поднять еще. Мол, многие ее знакомые при достижении 65 лет не знают, куда бы деть нерастраченную энергию.

Так что надо догнать до 70. Долбанутое создание! А ведь и Малышева подобное уже заявляла. Блин, хорошая же тетка когда-то была, и программу вела достойную. А что у нее сейчас? Танцующие яички, поющая матка и процедура обрезания полового органа, где в качестве макета используются девушка и ее свитер. Уж сколько воды утекло с выхода тех эфиров, а народ помнит. Но, впрочем, чему удивляться? Федеральные же каналы самые бедные и убыточные в сетке телевидения. Россия — священная наша держава...

Первый час ночи, Милашки не видно, не слышно. Я валяюсь с книжкой в постели. Наконец раздались шаркающие шаги, и красноглазое чудо рухнуло рядом со мной. Потом был косплей гусеницы, и она наконец-то более-менее угнездилась на соседней подушке. В очередной раз залюбовавшись точеной фигуркой, я задал неслабо интересовавший меня вопрос:

— Ты говорила, что немного меняла тело. В смысле?

— Ну-у-у... изначально я просто ощутила себя в этом теле. Но пока осознание толком не пришло, интуитивно могла еще что-то менять. Где-то добавить, где-то убрать... — Говорила и показывала, что и где добавляла либо убирала, после чего подмигнула: — Сейчас уже не смогу. Так, мелочевку, навроде изменения цвета глаз. Или чтобы хвостик с ушками не афишировать. В основном же ориентировалась на твои вкусы.

— Чево-о-о?!

Ехидная улыбочка сделалась еще ехиднее:

— Ну, я ведь видела, чем ты занимался холодными зимними вечерами. Вот и решила подстроиться под твои предпочтения.

Я зашлепал губами, словно выброшенная на берег рыба, которую в придачу и башкой об лед звезданули. Чуть не заорал:

— Во-первых, кто без греха? Во-вторых, это было давно и неправда! В-третьих, сто лет не встречался с девушками! А в-четвертых, тебе-то какое дело? Ты только мягкая игрушка, понятно?!

Уже выдавливая последние слова, смекнул, что перегнул палку. Милашкиной улыбки как не бывало. Лицо окаменело. Девушка, шевельнув челюстями, словно плюнула:

— Ты прав, ты абсолютно прав. Я слишком много о себе возомнила...

И отвернулась к стене. А я лежал рядом и тупо пялился на ее спину под одеялом. С губ сорвался короткий мат. Ну вот что я наворочал на ровном месте? Почему не заткнулся вовремя? Или до сих пор считаю ее игрой воображения? Но больно уж яркая и впечатляющая игра. Вон даже продавщицы и консультанты в магазинах о-го-го как активно реагировали на мой глюк. А после казуса в примерочной так вообще персонал провожал похабненькими улыбочками (запалили гады!) А кабы иначе — крутили бы пальцем у виска.

Милашка — не настоящая? Разве перед тобой не лежит девушка, живая, теплая, со своими мыслями и желаниями? Игрушка, да? И боль в ее глазах, мелькнувшая на долю секунды, тоже игрушечная? Слушайте, по сути, хотя мы всего несколько дней в этаким виде рядом, но знакомы-то уже несколько лет. Милашка всегда меня поддерживала, пусть и безмолвно. А когда выяснилось, что она живая, мне стало еще уютнее и комфортнее, словно с близким человеком, с которым можно поделиться самым-самым сокровенным. Ну и зачем же я так-то? Ведь у нее, кроме меня и Алены, никого и никогда не было. И вот единственный человек, прошедший с Милашкой большую часть ее жизни, оказался просто-напросто хамом!..

Захотелось взвыть, даром что было не полнолуние. Потер ладонями лицо и уставился в потолок. Как же глупо получается!.. А-а-а, к черту все эти терзания! Она настоящая, и точка!

Я наклонился над девушкой и, вдохнув аромат хвои, тихо прошептал:

— Прости...

Рука же мгновенно нырнула под одеяло и устремилась к ее ножке, коснулась бедра и по внутренней стороне поползла выше, выше...

Милашка вздрогнула и резко обернулась. Одеяло сдвинулось, футболка чуть задралась, оголяя низ плоского животика.

— Ты что делаешь?!

Я якобы удивленно приподнял бровь:

— Да вроде ясно сказал. Прошу прощения.

— Таким образом?

— А чем он хуже других? Кстати, весьма действенный, уж поверь.

Обхватив ножку чуть сильнее, я придвинулся к Милашке, чувствуя, как горячий стон летит в мое лицо. И — снова поцелуй, еще более страстный, более настойчивый... Запах хвои становится почти обволакивающим. Ощущение, что оказался в лесу. Хотелось вдыхать его и вдыхать, но...

Но Милашка вдруг слегка отстранилась. Ее глазки нервно забегали.

— Погоди, есть небольшая проблемка...

— В смысле?

— Ты же в курсе, что я заводская?

— Ну и?

— А что обычно ставят на заводах?

— Э-э-э...

Тотчас последовал подзатыльник:

— Не тупи, валенок! Пломба у меня заводская!

Я засмеялся и вновь приник к ее губам.

— Кого и когда это останавливало?..

Утро начинается не с кофе — заявляю с уверенностью. Последний выходной, надеялся, выплюсь... Ага! Проснулся на минутку, увидел перед собой улыбающуюся девушку и обнял ее. Это и стало ошибкой.

Просто Милашка ощутила, как что-то уперлось ей в живот. Вообще-то обычная утренняя штука, от физиологии не уйдешь. Но она надумала решить проблему более кардинальным способом, чем просто позволить мне снова уснуть. И вот уже одеяла отброшены в сторону, дабы не мешались двум разгоряченным телам.

Плотоядная улыбка так и не сходила с губ девушки, лежавшей подо мной. Как бы я не двигался, какие бы стоны не вырывались из нее, но улыбка не собиралась исчезать. И вдруг мы услышали, как в замочной скважине входной двери стал проворачиваться ключ. И без того мокрая спина покрылась ледяной испариной. У Милашки округлились глаза, она приглушенно ойкнула... хлопок — и вот уже я валяюсь на мягкой игрушке.

Даже не думал, что способен на подобные трюки. Гигантским кульбитом я оказываюсь на краю кровати, запихивая под нее ногой скомканную окровавленную простыню, и тут же, чуть ли не через заднее сальто, возвращаюсь обратно, одно одеяло накидывая на Милашку, а в другое заворачиваясь сам.

В этот миг в комнату вошла мама:

— Привет! Решила деньги тебе занести, хотела тихо, чтобы не разбудить, но слышу — кровать скрипит.

Моя мама категорически не желает заводить никакую пластиковую карту. Поэтому, когда требуется перевести деньги моему сводному брату, что живет в другом городе, она просит об этом меня, а потом передает наличку. И происходит это относительно часто: у брата здесь осталась квартира, которую мама сдает.

Собственно, эти самые деньги она сейчас и положила на стол. Я лишь подъял очи горе:

— Мам, да не обязательно было заносить. Во-первых, не к спеху, и сам забежал бы. А во-вторых, нам какую-никакую, но премию выписали, так что не голодаю.

— Да мне все равно по пути. А ты чего мокрый и взъерошенный?

— Ох, кошмар дурацкий приснился. Как в старых фильмах ужасов, когда куклы и злые игрушки оживают... — Бросил короткий взгляд на соседнее одеяло.

— Ясно. Ну, отдыхай. Завтра же на работу. А я побежала, дел еще невпроворот.

И только когда входная дверь закрылась, я с невероятным трудом вытолкнул из груди застрявший там воздух. Внезапно соседнее одеяло, обретя объем и соответствующие формы, сдавленно хихикнуло. Высунулось личико и язвительно подмигнуло:

— Что, испугался, мамочка застучает?

Я скривился:

— Если б кто застучал во время секса с девушкой, то да, почувствовал бы нефиговую неловкость, хотя и не более того. Но вот кабы меня увидели возбужденно елозящего на мягкой игрушке...

Тут уж Милашка захохотала совсем бесстыже. Не дожидаясь завершения этой мини-истерии, я обхватил ее, подтянул и взвалил на себя. Ладони сдавили упругие ягодицы, и хохот оборвался.

— Мне кажется, у нас осталось незаконченное дельце! — плотоядно рыкнул я. Острые коготки впились мне в грудь. Глазки хитро прищурились:

— Я только за.

И кто мог подумать, что пошлый быт так быстро ворвется в нашу с Милашкой жизнь. Первое время она носилась как электровеник по дому, чтобы избавить его от печати холостяцкой жизни, но вскоре я вдруг стал вьючно-посыльным осликом и в данный момент безропотно торчу на кассе в очередном супермаркете, сверясь со списком необходимых приобретений.

Единственное, что доставляет дискомфорт, — гыгыканье школьников, которые глазели в мою корзину. Ведь помимо продуктов и бытовухи там наличествовали прокладки. Более взрослому и адекватному контингенту было глубоко до лампочки, как и кассирше. Парень с соседней кассы даже хмыкнул с пониманием. А мелюзге, по сути детишкам, капец как смешно, что особь мужского пола покупает этакое. Ну, бред же, давным-давно в просвещенное время живем!

Вот приобретение первого презерватива или лубриканта — тут да, тут чувство кринжа просто невыносимо. А здесь обычная физиология. Мы ж не стесняемся покупать туалетную бумагу. «О боже!.. Это туалетная бумага!.. Значит, он ею будет... О ужас!.. Тычьте в позорника пальцем!.. И вообще, туалетку надо продавать из-под полы, втихую, как порножурналы в старину!..»

А начиналось все еще презабавнее, когда Милашка заявила, что ей нужны эти средства гигиены.

— На хрена? — удивился я.

— Как на хрена?! — Она округлила глаза. — Потребность, блин!

— А как раньше справлялась?

— Условности, черт подери! ПМС у мягкой игрушки! Ты можешь такое представить?!

Честно попытался. Но понял, что начинаю зависать и тряхнул головой:

— Ну сходи и купи.

— Не могу!

— Почему?

— Потому что есть риск в любой момент превратиться в себя мягкую!

— Так в чем проблема, превратись сейчас.

- Не могу!
- Почему?
- Потому что ПМС!
- Тогда просто дождись, когда превращение сработает само.
- Не могу!
- Дай угадаю...
- Ага!

И вот, когда уже покупки были совершены, а Милашка выходила из ванной, ее глаза вдруг расширились:

- Поздно...
- В смысле?!

Хлопок — и я едва успеваю поймать малютку. Одежда падает на пол, а в воздухе медленно планирует прокладка, за полетом которой наблюдают две пары глаз. Ну и на фига я спешил?

Так вот и жили. Однако в какой-то момент возникла проблема, хотя и не в плане наших отношений. Я тогда вернулся с работы и застал забравшуюся на стул с ногами Милашку у компа. Как выяснилось, снова возникла проблема ее образования. Несмотря на кучу положительных отзывов и успешно выполненных заказов, многие все равно не обращались к ней из-за отсутствия совершенно бесполезной, на мой взгляд, бумажки, годной только на единоразовый поход в туалет (по словам самой девушки, осмелюсь отчасти с ней согласиться). На предложение же купить диплом в переходе я был одарен таким многозначительным взглядом, что смекнул — скоро ими сам отправлюсь торговать, если не заткнусь.

Да и простой пример, который Милашка привела, заставил задуматься. Пока прошла всего пара месяцев наших новых отношений. И я, как-то окрыленный эмоциями, совсем не задумывался о будущем. Да банально тормознет патруль и попросит предъявить документы. И что делать? Дома забыли? Ага.

Тогда-то я и предложил обратиться в соответствующие организации. МФЦ, кажется. Сколько народу пропадает и внезапно появляется, ничего при этом не помня из прошлой жизни. И какие-никакие документы им дают. Но здесь опять возникает проблема образования. Его же все равно придется получать с нуля.

И осенила наши головы идея не особо лицеприятная — поискать на разных сайтах пропавших без вести и найти похожих на Милашку людей. Спустя недели три поисков нарисовались несколько вариантов. Да, аморально, и самим это не нравилось, но выхода-то не было. Один из вариантов наиболее «удачен» — именно в нашем городе в многоэтажке произошел взрыв бытового газа настолько сильный, что руины дома было проще снести, чем восстанавливать. Большое количество погибших и пропавших без вести, ведь тела некоторых так и не удалось отыскать. Ничего удивительного, учитывая, насколько ужасным был взрыв. И вот там как раз проживала семья девушки, очень похожей на Милашку. Все остальные погибли, а ее тело не нашли. И иногородних родственников у той девушки не было. Но как же мы себя тогда отвратительно чувствовали! Словно гробокопатели.

Правда, тогда отложили это в долгий ящик. Вернее, считали, что отложили.

В тот день перед уходом с работы мне пришли просто полотна сообщений от Милашки. И столько всего там было написано: и как мы якобы встретились, как я помог ей справиться с ПТС и амнезией, и как ее обихаживал, и прочее, прочее, прочее. Жутко удивился, но ответ строчить не стал, благо уже домой пора.

Войдя в дом, сразу заприметил Милашку на кухне.

— Милаш, что это за «Война и мир» в миниатюре, что ты прислала?

Она отвернулась от плиты, состроила мне страшные глаза и приложила палец к губам. В то же мгновение из соседней комнаты вышла моя мама и уперла руки в бока:

— Так значит, да? Девочку, значит, из беды выручил, а мне ни слова? И долго ты еще собирался прятать ее от меня? Если бы не зашла деньги оставить, ничего и не узнала бы!

В общем, вы поняли, сколь насыщенный вечер у нас получился...

Мама подключила к «процессу» своего брата, обрисовала ситуацию — и понеслось: куча документов, посещение различных организаций, доказывание каждому, что ты не верблюд. Разумеется, и Милашке пришлось попыхтеть. Она истратила, казалось, последние силы, чтобы изменить цвет глаз и некоторые черты лица, в частности — добавила маленький шрамик над правой бровью.

А ведь и впрямь «повезло», что у несчастной девушки не было больше родственников. Звали ее Олеся Кисляева. Также на пользу дела сыграло и то, что наследства от погибших тоже не осталось. И еще — что хотя каждый понимал, что там был не несчастный случай, а скорее недобросовестность застройщика, скандал замяли и прохиндей выскользнул из воды сухим, а посему никому никаких компенсаций. Где те строчки из гимна про державу?

На все ушло несколько месяцев. Огромнейшее спасибо родственникам! Могло бы получиться и раньше, но меняли имя. Милашка стала Милой Кисляевой.

Конечно, мы неоднократно возвращались к вопросу морали — правильно ли поступили? А вдруг девушка объявится? Однако в конце концов отмели сомнения в сторону — навряд ли от нее что-то осталось. А так бедняжка в каком-то смысле продолжит жить, и пускай хотя и совершенно посторонний человек, но все же продолжит существование ее рода.

Мы с Милашкой болтали по телефону уже минут двадцать, аж ухо вспотело. Я очень сильно соскучился, ведь она уехала на сессию в другой город. Ей удалось поступить на «вышку» в этом же году, и снова спасибо маме: здорово помогла. Правда, Мила и так на высший балл сдала вступительные экзамены. Она могла бы и из дома дистанционно сессию сдать, но захотела именно «живьем». Противоречить я не стал и со вздохом отпустил. Понять ее можно: окунуться в студенческую среду, завести знакомства, ощутить наконец себя частицей большого-большого мира.

— Милаш?

— А? — Девушка осеклась, оборвав рассказ о забавном казусе, что случился недавно с ее одногруппницей.

— Мне страшно не хватает тебя... — На секунду спазм сдавил горло. — Я так привык к тебе за эти годы... Когда ты была еще маленькой, помнишь, мне хватало просто почесать тебя за ушком, чтобы успокоиться. А когда, кхэм, повзрослела, я всегда знал, что ты ждешь меня дома и все время будешь рядом. А сейчас я чувствую себя ужасно одиноким. Хоть и понимаю умом, что ты скоро вернешься...

Мила вздохнула. А спустя мгновение — словно легкое прикосновение пушистой лапки к щеке. Улыбнулся, ощущая, как тепло растекается по телу. Тоже вздохнул:

— Условности, да?

— Да. — Показалось, что она улыбнулась, но...

— Ох, блин, уже половина второго! А мне еще три курсяка делать!

— Ты же вроде их все подавала?

— Свои — да, но еще подвязалась паре сокурсников помочь. И лишняя копейка не помешает. Ведь мы — молодая семья? — Коротенький смешок.

Улыбка на моем лице приобретает несколько другой оттенок:

— У нас уверенный вид!

— У нас нет ни хрена! — сдавленный хрюк.

- Кроме нашей любви! — в унисон заканчиваем мы, дружно смеясь.
- Спокойной ночи, милый.
- Спокойной ночи, Милашка.

И снова нас отпустили пораньше. По факту, мы должны были и завтра работать, 31-го числа, но указом этот рабочий день перенесли на субботу. По мне — весьма глупо. Шесть рабочих дней, выходной, снова рабочий и новогодние праздники. И один выходной ни туда ни сюда, и рабочий день такой же.

Едва потянул за ручку входной двери, возникло ощущение дежавю. Дверь была не заперта, но в этот раз я железобетонно ее запираю. Впрочем, объяснение обнаружилось быстро — на коврике в прихожей стояли женские сапожки. А сама их носительница, судя по звукам, была на кухне.

Заглянул — и узрел картину: Мила режет все ту же злосчастную докторскую, а сама уже жует. Заметив меня, откусила еще раз и возмущенно махнула ножом в мою сторону:

— Ты чего приперся? Я собиралась сюрприз сделать, приехала пораньше, проголодалась, решила с дороги перекусить, а тут нате, явился!

Несмотря на якобы грозный вид, естественно, она была рада видеть меня. Я подошел, забрал нож (чисто на всякий случай) и подхватил на руки:

— Помнишь, какой сегодня день?

— Да! — дожевывая, сдавленно пискнула она. — Ровно год назад ты не дал мне нормально поесть колбасы! И вот опять!..

Милашка занималась приготовлениями к очередному Новому году, а я рылся в сетях Интернета, пытаюсь найти фильм, который мы еще не смотрели. Сложная задачка, если честно. При том, что вкусы у нас в плане кинематографа весьма схожи, это задачу не упрощает, а даже наоборот.

И тут раздался звонок. От неожиданности я чуть было не закрыл окно вызова. Ведь звонил не абы кто, а Алена. Неожиданно...

Быстренько нашарил вебку и установил перед собой. Клик — и вот уже из колонок полился радостный голос:

— Приве-е-ет! С наступающим! Всех благ и прочей мишуры, что желают в этот праздник! Как дела?

— Привет... — Я кое-как привел веб-камеру в порядок и улыбнулся в объектив. — Дела идут замечательно.

— Девушку себе нашел? — Уж кому, как не ей, знать о моих приключениях.

— Ага.

— Милая? — лукаво подмигнула Алена.

И тут я заметил, что все это время Милашка была рядом, но вне зоны видимости камеры. Она смотрела на монитор и тоже улыбалась.

— Да, оч-ч-чень милая, — с нажимом произнес я. — А у тебя какие дела на личном фронте?

— Ой, с таким интересным студентом познакомилась! Чем-то тебя напоминает, периодически в себя погружается. Представляешь, он даже русский язык учить из-за начал. — Хмыкнула: — Правда, там те еще перлы.

— Например? — поинтересовался я.

— Приивьееееет! Ти тайкайя юмная, Чьебьюрашка!.. — Алена засмеялась. — Нет, Чебурашка, конечно, зачет, но надо будет сказать ему, что от таких комплиментов девушкам лучше воздерживаться.

Я тоже рассмеялся. И тут заметил, что Милашка подает мне знаки.

— Погоди минутку, Ален.

— Ага.

Мы вышли в соседнюю комнату.

— Андрей... Я хочу повидаться с Аленой.

Моя бровь удивленно поползла вверх:

— И как ты это представляешь? Я знакомлю бывшую с нынешней? Нормально! Милашка покачала головой:

— Да понимаю. Но я соскучилась по ней. К тому же могу оборотиться.

(Хм, почему я не догадался?)

Хлопок — и вот уже из памятной футболки с матрешкой выбирается маленькая игрушка. Я беру ее на руки и несу к столу.

— Смотри, Ален, кто с тобой поздороваться хочет.

Глаза девушки восторженно расширились:

— Класс! Она до сих пор с тобой? Привет, Милаш! Как жизнь? Он тебя не обижает? Вкусняшки покупает?

— Привет, Ален! Все просто супер! Он у меня в ежовых рукавицах! К тому же, если что, угроза насчет тапок все еще в силе.

Алена засмеялась, приложив ладошку ко рту.

Впервые я не делал вид, что говорю за Милашку. Я делал вид, что якобы говорю за нее. И это оказалось значительно сложнее. Но, слава богу, Мила попыталась изменить свои интонации, потому что чисто женские я бы не потянул.

Так и продолжался наш диалог. Вернее, это Алена думала, что диалог. И вдруг я чисто рефлекторно начал чесать Милашку за ушком, чувствуя, как она еле слышно мурчит и подрагивает...

Внезапный хлопок был настолько ошеломителен, что даже не сразу сообразил, что передо мной уже не мягкая игрушка, а обнаженная девушка.

Несколько секунду абсолютной тишины и офигевания. Потом Милашка повернула голову и виновато посмотрела на меня:

— Прости. За ушком чесал, вот и не удержалась...

И мгновенно перекадилась вниз, спрятавшись под столом. Чуть высунулась, по-кошачьи приподняв голову над столешницей.

— ...Андрей! — вспыхнула Алена. — Если это очередная твоя шутеечка, то иди в задницу! Едва кондратий не хватил! А ну вырубай свои утилитки! Я нормально хотела поговорить, а ты мне голых девиц в экран суешь!

Я застонал. Господи, за какие грехи...

— Это не шутеечки... — Это... это Милашка... История долгая, но впрочем, есть кому ее рассказать...

Я опустил взгляд на скорчившуюся под столом девушку. Та вздохнула, поднялась, сопровождаемая градом крепких словечек, вылетевших из колонок, и... с повторным хлопком опять превратилась в игрушку. Хлоп — и снова девушка...

Теперь уже матов не было, только высшая степень охреневания, огромные глазищи и раскрытый рот. Впрочем, в первый раз я и сам выглядел не лучше. Сбегал в соседнюю комнату за Милашкиными шмотками. Она стала одеваться, попутно поясняя:

— Да, Ален, не ругайся. Это я, я — та самая Милашка, которую вы знали как игрушку и которую, получается, создали как человека...

Я попытался беспалевно смыться и бросился обуваться, но Милашка окликнула:

— Андрей, ты куда?

(Ч-ч-черт, не удалось тихой сапой свалить.)

— В магазин.

— Зачем? Ведь все есть.

— За куревом.

— Ты же не куришь! — Сразу обе фурии вклинились.

Я огрызнулся:

— С вами не только закуришь, но и запьешь!..

Евгений Юрьевич Мельников родился в 1988 году в Саратове. Кандидат биологических наук, работает доцентом кафедры морфологии и экологии животных Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, заведует зоологическим музеем СГУ. Публиковался в литературных журналах «Волга — XXI век», «Европейская словесность», «Молодежная волна», «Александръ», альманахе «Руно». Автор сборника стихотворений «Мгновения странствий». Лауреат литературных конкурсов «Волжская Волна», «Россия, Русь! Храни себя, храни!». Живет в Саратове.

Евгений Мельников

ДОРОЖНЫЕ ЗАПИСИ

Евгений Мельников, участник Четвертого Всероссийского совещания молодых писателей в Химках, представленную для обсуждения в семинаре подборку назвал «Дорожные записи». Думаю, выбор названия не случайный и не всякому подвластный уже потому, что не каждый, оказавшись на распутье «дорога или дом», выбирает дорогу. Ведь дорога, с житейской точки зрения, — это неудобства, неуют, незащищенность от случайностей. Но оставшись дома, не напишешь «Письмо с Белого моря», где «Ждут вечерами колка дров, / Очаг и низкое зимовье». Не увидишь, воочию, не по «ящичку», «порохом пропитанные вехи» нашей истории.

В стихах Евгения Мельникова, не слишком богатых на метафоры, есть достоверность, точность, надежность нестороннего взгляда. Достоверность очевидца — не дачника, а работника, делающего свое некрикливое дело, необходимое в ряду ежедневных трудов и свершений, которыми и живо Отечество. Евгений зорок, он умеет многое увидеть в окружающем его «дорожном», еще сохраняющем приметы первозданности мира: «Над рекою крик гагары, / Отраженный вдаль водой». Его поэтическому взгляду открыт и «...север Кольский весь, / Где сражались хмурые морпехи». Осмысление такого рода открытый позволяет его стихам подняться до поэзии высокого гражданского звучания. Это очень важная черта, столь редкая в среде современных молодых стихотворцев.

И мне верится, что дорога, которую выбрал Евгений Мельников, его не подведет.

Александр НЕСТРУГИН

ТЕРИБЕРКА

Скалы красного гранита.
Рвется к берегу туманность.
Словно ватой все обвито:
Молчаливость. Первозданность.
Переменчивость погоды.
Все капризы в полной мере.
Океан суров, холоден:
Ледовитый, сине-серый.
Света солнечного мало,
Чаще — серость, однотонность.
Волны стачивают скалы:
Неприступность. Непреклонность.
Не шумишь... Почет и робость.
Мыслишь коротко и ясно —
Просто Север — это строгость.
Умудренность, беспристрастность.
Приезжай — по правде, стоит,
Осмысляешь на «отлично»
Жизни суть, ее устои,
Бесконечность, безграничность.

ЖДУЩАЯ

К памятнику Ждущей в г. Мурманске

Она стоит на берегу залива
На сопке каменистой и крутой.
И северной полна, неторопливой,
Задумчивой и нежной красотой.
Но легкими оттенками печали
Пронизаны ее душа и стать.
Ей суждено смотреть в морские дали
И возвращенья вечно ожидать.
Всегда непросто в море уходящим:
Тех испытаний не пошлешь врагу;
Но как непросто и очаг хранящим
Под крики чаек ждать на берегу,
Даль горизонта оббегать глазами,
День ото дня спокойствие хранить:
Ведь море не разжалобить слезами,
Разлуку невозможно сократить.
Она с надрывом никогда не плачет,
Ей не к лицу подобная стезя,
Лишь верит в лучшее — а как еще иначе?
У моря по-другому ждать нельзя.
С надеждою встречая день грядущий,
Свою тоску в ней снова утопив,
Она стоит, как памятник всем ждущим,
Достойным самой преданной любви.

ОБЕЛИСКИ

Северные тучи бродят низко:
Нелегко от сопок в небо взмыть.
Много в Заполярье обелисков,
Много мест, где им присуще быть.
Порохом пропитанные вежи,
И войною — север Кольский весь,
Где сражались хмурые морпехи
И солдаты группы «Эдельвейс».
А в морях, где ветры жутко воют,
Шли во тьме средь волн и острых льдин
К Мурманску союзные конвои,
Уходя от залпов субмарин.
И хотя давно исчезли гари,
Те следы, за маем встретив май,
Медленно, натужно зарастают:
Слишком уж суровый этот край.
Слишком часто сумраком и хмарью
Небеса, окутавшись, грустят...
Много обелисков в Заполярье,
И они забвенья не простят.

ПИСЬМО С БЕЛОГО МОРЯ

Считайте, вам письмо прислал.
И в нем скажу легко и смело:
Я тишины такой не знал,
Как в октябре на море Белом.
Причудлив облик. Молчалив.
Оно задумчивость рождает:
Чуть плещет, праздная прилив,
И сонно в дали отступает.
А мы? Живем. Не тратим слов,
Гусей считаем поголовье.
Ждут вечерами колка дров,
Очаг и низкое зимовье.
Порою — отзвуки тоски:
Дождей плетутся часто нитки,
И прячет осень в сундуки
Берез дырявые накидки.
Весна, тепло — придут? — О да!
Но понял я: неторопливо
И... неизбежно, как вода,
С утра ушедшая с отливом.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Кончается дождь. Его голос становится тише.
Уходит куда-то серой стеной пелена.
Кончается дождь, и вздыхают промокшие крыши:
Сея тепло, над деревней витает весна.

Любит она и дожди, и разлив, и капли,
Дружба с водою — привычный весенний удел.
Закончился дождь — и все птицы внезапно запели,
Ветер проснулся, и шапками крон зашумел.
Здесь бы сказать, что и в жизни любые невзгоды
Так же, как дождь, растворятся, исчезнут, пройдут...
Но нужно ли это? Быть может, дыханье погоды
Послушаем вместе, вдыхая прохладный уют.
Ведь ты из немногих, кто эти мгновения слышит
И любит душою природный таинственный кров.
Закончился дождь. Облака поднимаются выше.
И мир бесконечен... А больше не надобно слов.

КНИГИ

Что вам о книгах рассказать?
Поймете? Нет, вы не поймете.
Я в поездах люблю читать
Простые, в мягком переплете,
Бумажные. Хотя вещей,
Пускай и образно, под тонну.
Зачем же лишние вообще?
Есть гаджет, новый, электронный,
Удобный, легкий, взял — неси,
Не тратя собственные силы.
В нем книг — что хочешь, попроси.
Я не хочу. Не то. Не мило.
Где в электронике душа?
Где чувства, мысли, время, лица?
Их видно, если, не спеша,
Листают мягкие страницы
Мой взгляд, а вслед за ним — рука,
Волненьем наполняясь важным.
Вот потому из рюкзака
Я книг не выкину бумажных.

ЛЕТНИЙ РАССВЕТ

Летним утром чудная погода,
И туманов сотканная бязь.
Хорошо проснуться до восхода
И его встречать не торопясь.
У реки в природной колыбели
В эти предрассветные часы,
Где кричат скрипуче коростели,
Травы серебрятся от росы,
Где мокры природные страницы,
Комары тихонечко звенят —
Хочется с тобою поделиться
Всем, что есть внутри и вне меня.

Потому что встала ты с зарею,
И пылает новая заря.
А ее встречают рядом двое,
Понимая, слов не говоря.

ОЛЬХА

Осень поздняя, осень туманная,
Как же ты и мила, и тиха.
Вновь привычку храня постоянную,
Облетела на речке ольха.
Хоть деревьям давно было велено
От златых избавляться свечей,
Но ольха долго пряталась в зелени
До прихода холодных ночей.
Но на что ей, бедняжке, надеяться?
Снисхожденья не будут даны:
Ведь с листвою не выдержит деревце
Даже слабых морозов зимы.
И тогда вслед за ивой и кленами,
Завершая свой прожитый год,
Вся ольха опадает зеленою,
Поздней осени видя приход.

Эльвира Олеговна Пархоц родилась в городе Воронеже. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета. Работает в лингвострановедческой лаборатории, участвует в диалектологических экспедициях; больше десяти лет выступает в составе фольклорного ансамбля. Автор четырех сборников стихотворений. Лауреат Исаевской премии для молодых литераторов Воронежской области (2019), премии «Кольцовский край». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Эльвира Пархоц

ЗАРЯ НАД ПОЛЕМ

Этнографический постапокалипсис

К вечеру от реки поднялся туман. Растянулся над лугами тонкой, долгой куделью. Алое солнце ушло за холмы, за старые стога и рощу. Улеглось где-то там, накрылось пепельными облаками, и казалось, что если сейчас побежать туда по росе — увидишь, как оно лежит, круглое, мерцающее, посреди поляны.

От брошенного хутора напознала тьма. Свиристел у дороги сверчок.

Райка послушала — и не выдержала простой, торжественной тишины: вышла к лугу, глянула на туман и растрепанную полынь — запела. Ее голос, сильный, чуть грубоватый, будто сплетался со старой полынью, дрожал на верхах, как вода у берега речки, долетал до глухого неба и медленно скатывался обратно на луг.

Летіла зозуля через мою хату,
Сіла на калині та й стала кувати.

Чого ж, зозуле, ой, чого ж тикуюеш?
Хібати, зозуле, добро в мене чуеш?¹

Из палатки высунул голову Серый. Чтоб тебя... Так тихо было, хорошо после жаркого дня — нет. Стоит человек посреди полей и орет. А чего не орать, если силы есть: на веслах сегодня, считай, был один Серый. И, как назло, мазь закончилась — нечем лечить растертые до красных шишек ладони. А Райка знай наяривает, уже другую.

Зимував я зиму,
Зимував я другу,
Зимував я в лузі на калині...¹

Про зиму — это она верно. Август закончится, вода в ключевой речке и так не теплая... а там и дожди. Неуютно будет сплаваться. Надо где-то осесть, найти одежду на зиму...

— Райка, — позвал Серый. Она не слышала: выводила голосом какую-то завитушку. — Райка-а!!

Обернулась.

— А?

— Хорош тоску наводить.

— Ой, да иди...

— Я б пошел. Некуда.

— Что случилось-то? Степушка опять беспокоится?

— Спит твой Степушка. Хватит, говорю, вопить.

Райка отмахнулась и побрела к речке. Встала у лодки, высунувшейся на берег, как диковинное шероховатое существо.

Ты заря моя, зорюшка,
Ранняя заря утренняя...
Молодая княгиня Марья
Обошла горы зарею,
Вдарила ворота тучею —
Пролил силен дождь по двору.
Сама поплыла лебедью,
Лебедушкой белою...¹

А это — мелкими и ровными волнами-перекатами.

— Твою дивизию, — пробормотал Серый, выбираясь из палатки. Костер погас, а спичек осталось немного. Серый отодвинул полешки, разгреб палкой верхние угли, добираясь до алой сердцевины. Вот она — переливается, словно пульсируя. Он подбросил веток и принялся раздувать огонь.

От запаха древесного дыма сразу захотелось пожевать чего-нибудь, а лучше с чаем. В закопченном чайнике еще оставался отвар, который Райка делала: чабрец, черемешку с другой полевой растевухой. Это, пожалуй, единственное, что Райка хорошо умеет, — заваривать чай, душистые, горьковато-неповторимые.

Вот угораздило встретиться. Институтское дитя, в деревне не жила, а туда же...

Райка пошла вдоль реки, напевая уже тихо, переместив звук на связки, отчего он стал мягким и сиплым. Потом умолкла совсем.

Стемнело. Туман над водой стал паутиными мостками. Река негромко лепетала у коряг, и было не различить: водоросли там колышутся или выбрался на охоту скользкий ночной житель.

Вот так, бывало, раньше выезжали с ребятами. Так же тянулись туманы, журчала черная вода, пахло костром и холодным ночным небом. Но тогда вдали были огни деревень. Там перебрехивались сонные собаки, кто-то слушал громкое «тыц-тыц» или заводил дребезжащий двигатель. Проезжали по дальней трассе машины... А сейчас была тишина. И пустые поля.

В темноте подкрадывалось беспокойство. Казалось, что не от течения

движется осока у берегов. И не туман смутно белеет вон там, среди серых лозин.

Райка смотрела на реку, и тишина начинала давить — навязчиво, неразборчиво нашептывать тревожное. Как будто говорило само прошлое, голоса всех, кто ушел так быстро и странно.

Эхо мира и войны, чьих-то невыполненных обещаний и непрожитых судеб. Высокий, дрожащий звон. Почему-то подумалось, что звенит оборвавшаяся цепочка истории. Еще немного — и расслышишь в тишине слова, полубезумные, печальные, потерявшие смысл.

Пора было возвращаться, но удерживало почти любопытство — доуслышать, увидеть то, на что закрываешь глаза.

И Райка увидела. Заметила краем глаза движение. Беззвучно ахнула, прикрыв рот ладонью.

По противоположному берегу шла горбатая тень. Шла неслышно. Она напоминала человеческую, только была намного выше, ссутуленная и — почудилось Райке — с длинными, свисающими как плети руками. Тень медленно проплыла среди зарослей, не повернув головы, и скрылась за ними.

Райка проморгалась. Сердце колотилось часто-часто; казалось, его слышно на том берегу. Мысли кружились, как мошки возле фонарика. Райка боялась двинуться, пошуршать травой.

Наконец свистопляска в груди поутихла. Ну же, посмотри внимательно. Там просвет между ивами. Их ветки еле заметно колыхнутся: ветер. А в просвете — край горбатого облака. С перепугу сложишь черт знает чего. Да и не разглядишь отсюда в темноте ничьих рук...

«Если в дверь стучатся брюки...» — Райка тихонько хмыкнула. Не хотелось поворачиваться спиной к тому, что скрыл другой берег, но не стоять же здесь в одиночестве.

Серый поддел палочкой картофелину и аккуратно перекатил на другой бок, подальше от огня. Услышав шаги, поднял голову.

— Напелась?

— Там... ходит там кто-то, — Райка присела у костра, зябко поежилась.

— На. Эта испеклась вроде.

— Говорю, видела кого-то. На том берегу. Тихо-тихо шел, высокий, кривой...

— Ага, в простыне и гремел цепями. Хватит накручивать. Одни мы тут. Сегодня одни, вчера. И состаримся в одиночестве, и помрем тоже.

Серый поворошил угли и добавил:

— Не станет никто по кустам ховаться, делить теперь нечего. Прибегут, как ты, с распростертыми.

— Как будто сам не бежал...

От костра отлетела одинокая искра.

— А может, за сто километров полно людей. Просто сюда не идут: боятся.

— Чего им бояться?

— Последствий. Сам же говорил...

— А ты веришь?

Слишком явно разливалась по лугам безлюдная тишина. Были бы там, за горизонтами, люди — не молчали бы радиостанции. Хоть однажды бы в чистом небе пролетел самолет.

— Что с ними стало?

— Опять двадцать пять, — Серый укусил картофелину.

— Ты сказал про какое-то оружие. Но ведь наугад сказал? Просто чтобы себе объяснить.

— Может быть.

С Серым всегда так: то ли шутит невесело, то ли врет и сам верит; а может, выдает обрывочную, злую правду. Говорит, воевал. А где, с кем... совсем ведь мальчишка, не старше Райки.

— Мне ж не докладывают. Видел то же, что ты. Накатило, задрожало... Дома остались, вещи их... машины все встали разом... И солнце светило. Ветром пакет какой-то гнало. А я стоял и ждал, когда исчезну сам. Долго стоял. Наверно, они и не почувствовали ничего.

— А мне кажется, их забрали, — Райка все водила руками над углом: не могла согреться. — В городах ни собак, ни крыс. Тараканов — и тех нет. А здесь вот сверчки, ящерицы, рыба в реке...

— Ага. И комары.

Райка обхватила руками колени, положив на них подбородок. В глазах отражался огонь.

Серый как-то рассказывал, что во время болевого шока самой боли не чувствуешь. Может, врал.

...Она тогда впервые разбила стекло. Нашла обломок кирпичика и разбила. Витрина расплескалась, по ней побежали трещины, но осыпаться полностью стекло не хотело. Пришлось идти во дворы, брать штырек от метлы и добивать, откалывать острые края. А машины на улице по-прежнему глупо скалились, и на асфальте качались тонкие одуванчиковые стебли.

— Это кто-то хотел нас троих изучить...

Серый дремал. Не нравились ему такие разговоры, старые, как в книжках. Не повзрывалось ничего — и ладно.

Брезент у входа в палатку зашуршал. Вылез, жмурясь от костра, взъерошенный Степушка.

— Иди сюда, хороший. Выспался? — заулыбалась Райка.

— Кы-ы...

— Картошечка, да. Садись.

Серый, очнувшись, тихонько сплюнул. Сколько проблем с этим кренделем — а она еще и сюсюкает... Хотя, может, так прикрывает свою боязнь.

Степушка подбрел к костру и уселся прямо на землю. Высокий, весь какой-то удлиненный и нескладный. Трудно сказать, сколько ему лет: щетина не растет, а волосы на голове редкие, будто уже начал лысеть. Он взял обеими руками чищеную картошку и стал запихивать в рот.

Степушку они встретили возле реки. Колобродил в кустах так, что за версту было слышно, и болтал про какую-то «забиваку». Наверное, искал колышек, чтобы строить шалаш. Серый его поначалу и прозвал Забивакой, но Райка переделала в Степку.

Встретив его, оба почему-то почувствовали: круг замкнулся. Звенья собраны, некого больше искать.

Первые ночи, еще до Степушки, они дежурили. Потом устали и отказались. Водить машину никто не умел, а пешком тащить на себе весь скарб не хотелось. Тогда Серый и вспомнил о старом причале.

О прошлом они говорили мало. У каждого оно было свое и не имело отношения ни к изгибам реки, ни к стрекоту кузнечиков, ни к шелесту ветра в колосьях. Была странная неслышанная правда в этих колосьях, в том, как скатывались капли дождя с листьев мать-и-мачехи.

Райка лежала, накрывшись спальником, и глядела в сетчатое оконце палатки. Там покачивалась ветка в ночном небе. Тишина снаружи опять навевала тревогу. Невольно подумалось: а далеко ли отсюда мост или брод?..

Слева дышал Серый. Тоже не спал: было слышно, как смежаются и размежаются веки. Поодаль, за рюкзаками, прихрапывал Степушка.

— А ты правда на войне был?

— Был.

— И людей убивал?

— Да.

— Наших? Или вот его?.. — Райка взглянула в темноте на Степушку.

— Всяких. Своих.

— И много?

— Руки в крови по локоть.

— Да врешь ведь. Дома в стрелялки рубился.

— Вру. Спи уже, хватит мозг выносить.

Она лежала неподвижно, согревшаяся и на что-то сердитая. Странная у них семья. Не то братья с сестрой, не то давно разругавшаяся пара.

Серый подумал и, протянув руку, молча подгрел к себе Райку. Уткнулся лицом куда-то за ухо.

— Одурел, что ли? Тут же Сте...

— Степа дрыхнет, как Т-34.

— Отвянь, сказала, — Райка выпросталась из-под руки, отпихнула его и уползла к рюкзакам. — Еще родить в чистом поле не хватало.

— А мы можем...

— Вот нашло... Завтра вставать рано. Были вы извращенцами и остались, — она повозилась в темноте и затихла. Задышала ровно: уснула.

Серый вслушивался в ночь.

Журчит вода у гнилых коряг. Видно, старая бобровая плотина.

Вдруг он насторожился. Мирный, привычный когда-то звук — далеко-далеко залаяла, подвывая, собака.

Может, прошлой ночью он и вылез бы из палатки, посвистел... Но сейчас лишь порылся в углу, где стояла посуда, нашарил нож и положил рядом с собой.

Лай больше не повторялся.

Постепенно Серый стал забываться: тело теряло чувствительность, растворяясь в темноте; ночные шорохи переплетались; россыпь золотых звезд перед глазами превращалась в силуэты людей. И кто-то из них беззвучно кричал, раскрывая рот, на земле — наверное, раненый. Было в этом молчаливом крике что-то нечеловеческое и тоскливое, как в волчьем вое...

Крик разбудил его. Серый сел, хлопая в темноте глазами, спросонья толкнулся лбом в брезент.

Орал Степка. Без слов, горько, с подскуливанием.

— Степушка-а... — всхлипнула Райка. — Успокойся...

— А ну прекратить концерт! Сейчас обоих к речке спать отправлю, — Серый нашел, наконец, фонарик, включил. Степушка повернулся на свет захлупанным лицом, зажмурился. Орать перестал, только подрагивал.

— Кошмар приснился, что ли? Услышал что-нибудь?
— Не зна-а...
— Может, у тебя болит что? — засуетилась Райка, разворачивая его к себе. — Ты скажи, не стесняйся...
— Еще поцелуйтесь, — процедил Серый, укладываясь обратно. — У него каждый раз: если ночью проснется — орет. Моцион. Дети — они такие.
— Циник. Совести в тебе нет.
Серый покивал и закрыл глаза. Степушка опять угнезвился в своем углу, носом во влажную стену. Райка погасила фонарь. Недолгое время молчали.
— Ты спишь, Серый?
— Да.
— Расскажи что-нибудь.
Он усмехнулся.
— Ну слушай.

Я не уверен, что это внезапная смерть,
Я не уверен, что пуля навылет прошла,
Но я рождаюсь опять в прогоревшей весне,
Я вырастаю и снова хватаюсь за флаг...

Райка слушала, почти касаясь головой его плеча. За стенами палатки начинался короткий ночной дождь.

И я не помню, в кого в прошлой жизни стрелял,
Я только знаю, что в этой они против нас.
Тянулись ветки к горячим живым снегирям,
Клонилось небо, в котором закат не погас...

Шепот Серого был твердым, скорым и четким.

И я, спустя столько метких привычных смертей,
Своих-чужих бесславно взорванных битв,
Стрелял, стрелял с остервенением в тех,
Кто убегал, кто отступленье трубил...

Сквозило торжественное, заговорщическое воодушевление в его шепоте.

Здесь не бывает прошедших войну до конца,
Здесь те, кто всегда рождены воевать.
Я не прощаю их всех, не поднимаю лица,
И снова чувствую, как тело оплетает трава.
И, выходя на новый непрожитый круг...²

— Хватит, — тихо сказала Райка.
— Чего, не понравилось?
— Никаких «их» не было, только мы и наша погань. Она все уничтожила. Сами с собой и воюем.
— Вот как...
Райка вдруг поняла, кого видела на том берегу. Собственный страх она видела.
— Давай спать.
Двое лежали рядом. Тихо накрапывал дождь, а утро было, наоборот, ясным.

Они возвращались вдвоем по лугам с привычной утренней разведки, неся полупустую сумку. Стрекотали под солнцем кузнечики. Спина у кузнечика в августе чешется, что ли, — он трет быстро-быстро лапками по крыльям и стрекочет. Пахло шалфеем и растертой между пальцев полынью.

— Иди глянь, — Серый указал на заросший травой бугорок.

— Ну, гусеница от трактора. И что?

— Не от трактора, а от танка. Звенья, видишь, какие.

— Ржавые.

А кузнечики заливались.

На бугорке сквозь металлические сочленения прорастали низенькие стебли, похожие на укроп. Они обычно цветут желтоватыми пуговками.

— Ерунду говоришь какую-то. Не наигрался.

Райка смотрела, как тянутся за горизонт кучевые облака. Донца у них были плоские, и казалось, что облака ползут по невидимому стеклу.

Серый шарился в траве у бугорка. Вот неймажется ему... Все, что нужно, на заброшенном хуторе уже взяли. Пора в путь, пока солнце невысоко.

— Оп-паньки. Что нашел...

— Двигатель от подводной лодки?

Серый, усмехаясь, поднял руку. Ярko блеснуло отсветом лезвие. Прищурился.

— Ну нож. Своих мало, что ли?

У них было два хороших ножа — резать рыбу и очинять колышки.

— Это не просто нож. Боевой. Такие на дороге не валяются.

— Дай, — Райка взялась за рукоять, повертела, подержала на ладони. Солнце сверкнуло на чуть загнутом кончике светлой каплей. — А по моему, туристы потеряли. Только странно, что новый.

— Да-а... тяжело с бабами.

— Выкинь ты его. Еще таскать с собой.

Солнце грело отрешенно и ласково, заливая теплом луга, и по-прежнему пахло травами. Но здесь не было спокойно. Ночные видения, теперь этот нож... «Сейчас вернемся, палатку смотаем и поплывем».

Серый, однако, не торопился. Сидел со своей находкой, как замороженный. Вроде Степушки, когда тот найдет какую-нибудь бутылку, лупит ей по воде, радуется и показывает: «Гля, гля...»

— Вот прямой хват, — чистое лезвие смотрит вверх, рука сжата, аж костяшки побелели. — А это обратный...

От того, как умиленно Серый игрался с ножом, стало не по себе.

— Пошли, бесноватый. На обычных покажешь.

— А бить знаешь как?

— Кого?

— Врага.

— Тебя, что ли? Когда шарики за ролики заедут?

— Да хоть бы и меня, — Серый глянул вдаль, вздрогнул и уже не улыбался. Воткнул нож в землю. — Пойдем. Ну его.

Двое шли мимо ольховой рощи, задевая сухие лохмы конского щавеля. Он тихонько звенел.

— Степушка сегодня шепутной какой-то. Может, надо было его с собой взять?

— У тебя другие мысли есть вообще? Не случится с этой колодой ничего. Главное, чтобы на палатку не мочился, как тогда.

Райке захотелось ударить Серого. Не от обиды за Степку и даже не оттого, что не слушал ее никогда. «Не вопи, не хнычь, не умничай, ага, как же...» Просто в размеренных движениях Серого, в его усмешке всегда было странное, зловещее торжество. Может, те обрывочные бредни, которые он рассказывал, — правда? Может, скучает по тем временам, когда у него была цель? Интересно, а пощадил бы Райку?.. Колко и холодно от его взгляда.

Шрам у него на груди небольшой, похожий на крестик. Вначале говорил — стреляный; потом забыл и обмолвился, что в ножевой драке... Райка в шрамах не разбиралась, да и ловить на слове не хотела.

А может, цели своей он добился? Ему привольно и хорошо. Все луга и зори, рыба в реке, все дома и вещи — его. И двое, которые следуют за ним безоговорочно. Бухтят, жалуются, но замолкают, когда он прикрикнет.

Солнечный свет в глазах Райки тускнел. Поднималась глухая, затаенная ярость.

Да кто он такой? Почему рядом с ним страшно? Иногда так, что не хочется рассматривать в костровых отсветах его лицо.

Легким ветерком пробежало по траве: «Враг...» Повеяло в лицо с горизонта: «Враг...» Разлилось в луговом звоне, отдается в ушах, в мозгу — почему раньше-то не увиделось? — «враг».

Война не окончена, пока под твоим кровом тот, кто виновен. Виновен в том, что их нет — даже тех, кто хранил вековые песни. А он жив и идет, стаптывая шалфей.

Все это высветилось внезапно, точно отблеск на лезвии.

— Рай, ты куда?

— Куда надо, — огрызнулась она, направляясь к кустам.

— Со страху, что ли? — хохотнул вслед Серый. Чувствует.

Райка вошла в заросли и недолгое время смотрела, как он не спеша удаляется к берегу. Потом продралась через ветки в обратную сторону, оглянулась еще раз и бросилась к бугорку. Подбежала, запыхавшись, путаясь в травах.

Нож словно ждал ее. Покорно и удобно лег в руку, увесистый, новый. Куда б его спрятать... еще напорешься... Примотала бечевкой к поясу наискось, вроде шагаи, обвязалась поверх курткой — как будто ей жарко. Неуклюже, но незаметно.

И скорым шагом отправилась в лагерь. Солнце ползло к зениту.

— Чтоб тебя!.. — услышала Райка, подходя к берегу. — Макака бесхвостая! — и жалобное мычание Степушки. Из прибрежных кустов показался Серый, вытряхивая на ходу спальник.

Оказалось, устав их ждать, Степка решил порыбачить. Это дело он знал хорошо. Вот только земля у реки после дождя была сырая. Степушка, недолго думая, вытащил из палатки спальник Серого и подстлал под себя, белой изнанкой на топкую землю. А Серый любил чистоту и размеренность.

— Руки пообрывать, — он досадливо отпихнул крутившегося тут же Степушку.

— Не смей, — глухо сказала Райка.

— Что?

— Не смей. Говорить. И трогать его не смей.

Она стояла спиной к солнцу — растрепанная и строгая. Штаны заправлены в ботинки, подпоясана курткой... смешная девка.

— Так, давай коврики скатывай и в лодку неси. Очертенеешь с вами.

— Сам отнесешь.

— Не понял, — Серый поднялся с корточек. — Бунт на корабле?

— Ударить решил? — голос Райки был ледяным. Серый и вправду хотел если не отлупить их обоих, то объяснить жестко и доходчиво, что хватит дурить. Но осекся.

В правой руке Райки холодно блеснуло.

— А-а, — понимающе кивнул Серый. — Брось, говорит, от греха подальше... Вот оно, значит, эхо войны. А чего не в спину? — Он выжидающе перемаялся с ноги на ногу.

— Стой, не двигайся!

— Что, боишься — не попадешь? В живот можно. Для сердца, конечно, сноровка нужна...

Райка скользнула глазами в сторону: где Степа. Ходит возле палатки, ловит что-то в траве.

— А не боишься, — Серый снова ухмыльнулся, щурясь от солнца, — что я потом тебя вместе с Забивакой твоим?.. И будут два призрака у реки шататься. А?

— Тварь, — выдохнула Райка и кинулась. Ударила с размаху, сверху вниз. Серый перехватил ее руку и мертво сжал, выворачивая. Райка дернулась раз, другой, стукнула его по плечу и разомкнула пальцы.

— Наигралась? — Серый отступил на шаг. Уже не ухмылялся. Рука чуть согнута в локте, нож на уровне бедра, острием вверх. Как там — прямой хват?.. И шагнул к Райке. Она даже не отступила.

Взгляд у него был... наверно, такие глаза у пискливых и наглых из подворотен, которые за кошелек горло перегрызут. Даже нет — виделось в этом взгляде, как за рекой горят хаты.

И вдруг Серый согнулся, поник всем телом. В глазах промелькнуло странное и погасло — ушло, вытекло через пальцы, отползло от него, схлынуло. Рука опустилась совсем, пальцы беспорядочно теребили рукоятку.

Накатил не страх, не отчаяние, не злость, а как будто ведро воды на голову вылили: что ж это с нами творится?..

Серый отвернулся, поглядел на реку. Там золотилась мелкими лодочками зыбь.

— На, — хрипло выдавил он, протягивая нож. — Возьми и выкинь. Только чтобы я видел.

Райка осторожно, как хрупкую, непонятную вещь, приняла, посмотрела на Серого, на его вдруг осунувшееся лицо. А потом зашвырнула нож в реку. Он плюхнулся где-то в камышах.

— Мазила, — фыркнул без улыбки Серый и пошел сворачивать палатку. Постояв немного, Райка потянулась за ним.

Собирались молча.

* * *

— Степка! Сте-о-опка-а! Иди сюда, дуралей, вылезай!..

Его нигде не было. Десять минут назад тут крутился, а как отплыть — будто канул.

— Может, поиграть решил?

— Ага. После такого махача я б тоже в прятки играл.

— Степушка! Эй! Не бойся, мы баловались!

— Пошли по кустам. Небось опять рыбу ловит.

Разделяться не стали. На рыбацких местах, все еще натоптанных, с покосившимися мостками, Степушки не было тоже.

— Не утонул же он. Хоть и дурак, но в одежде не купается. А если б случайно бултыхнулся — тут везде у берега по колено...

Солнце трепетало на листьях. Вода говорила часто-часто о своем, житейском и светлом, и не верилось, что здесь, сейчас еще может остаться зло.

Наваливалась усталость. Не хотелось куда-то грести.

— Да здесь он где-нибудь. Может, до ветру человек отошел. И заснул под кустиком. Подождем — вернется.

У осоки сидели стрекозы. Синие, со звенящими тонкими крыльями. Раньше стрекоз вроде не было... Вдруг подумалось: а может, все возвращается? Просто люди, их заботы, любви и горести отошли на миг, чтобы земля отдохнула. А потом жизнь потечет привычными перекатами.

Серый, чтобы не задремать, тронул веткой кромку воды. Вода задрожала, пошла кругами, спугнув одну стрекозу.

— Райка.

— Что там?

Она тихо подошла сзади, присела на корточки. И почему-то обняла его, уткнувшись в куртку.

— Задабриваешь? Да не трясись, резать не буду. Толку от вас никакого; хотел бы — давно всех порешил.

Райка сердито отпрянула.

— Сумасшедший дом, — вздохнул Серый, обнимая ее, зарываясь лицом в растрепанные, когда-то коротко стриженные волосы, царапая щетиной щеку.

Ветер стряхнул с лозин то ли невысохший дождь, то ли сок, которым они вечно плачут.

— Вон ты где, — обрадовалась Райка, увидев знакомую нескладную спину на песчаной косе, по ту сторону камышей. Далеко забрался.

Степушка коротко обернулся, скривил губы в улыбку и вновь наклонился к чему-то, что он там строил в песке.

Райка разулась и побрела к нему по отмели. А Степушка сидел себе с отрешенной улыбкой, расставив ноги. Наверняка слышал, что его звали на всю речку, но жаль было отрываться.

— Ты обиделся, да? Серый — он не хотел, — говорила Райка, подходя ближе и заглядывая: что у него там все-таки за постройки. — Он хороший. Просто мы все иногда... Степа, ты... Что ты сделал?!

Она закричала. Разом вернулся весь страх, скрытый и явный.

На песке перед Степушкой лежала ящерица. Обычная, большая, с двумя серыми полосками на спине. И без хвоста: видно, отбросила, пока ловил. Ящерица была мертвая. Точнее, убитая — аккуратно зарезанная ножом. А в руке у Степки...

— Так, — Серый в три прыжка очутился возле них. — Что опять за?.. Ё-моё...

Он совершенно спокойно ухватил Степку за грудки, рывком поднял. Нож выпал из Степушкиных рук и вонзился в песок.

— Нашел, значит? В камышах? — Серый ростом был ниже Степки,

и Степка болтался сейчас на полусогнутых. Мыкнул в ответ что-то совсем непонятное.

— Значит, так. Если еще раз. Вот этой штукой, — Серый ткнул мокрым ботинком нож, — порежешь кого-нибудь... ящерицу или другого кого... Я тебя... — он сжал губы, уставясь в прозрачно-васильковые глаза, прямо в душу, в мозг. — Больше не встанешь тогда, понял? Здесь будешь лежать. Ни Райки тебе, ни костра, ни харчей — вот тут в камышах положу. Понял?

— По... понял.

Серый отпустил его, и Степушка рухнул, как полотняный мешок с костями.

— Убивать можно только рыбу. Усек?

Степушка обреченно кивнул. И искоса взглянул на Райку. Она отвернулась.

Серый, решив, что воспитательный момент окончен, сел на корягу, вытряхнул из ботинок песок. Потом подобрал нож и, прицелившись, забросил к плотине, на глубину. Лезвие вошло в воду почти без брызг, сверкнув, как рыбешка.

— Если опять всплывет — скажете. Будем библиотеку искать. Книжку с заклинаниями от нечистой силы, — Серый невесело усмехнулся.

Все-таки с ним спокойней, невольно подумалось Райке.

А он отметил про себя, что ножи и шилья теперь надо прятать. Сколько же им еще... Тот враг, которого не увидишь в прицел, шагов которого не услышишь...

Серый посмотрел сквозь свое отражение. Но на мелкоте был виден только контур; в нем песчаное дно, створка ракушки и малек. Враг на время затаился.

Всю дорогу к лодке, а на лодке — до заросшей кувшинками излучины, а от излучины — до меловых расписных берегов Степушка молчал. По болезненно-открытому лицу было видно: о чем-то думал.

День, вопреки ожиданиям, выдался нежарким. Шли и шли добрые, вальяжные, пухлощекие облака. Хоть и равнодушные, как обычно. Но в их пути было что-то более глубокое и осмысленное, чем бесконечная крувоверть вод.

— Райка, поиграй, а.

Над рекой снова тянулись туманные тропы. Догорал костер, остывало в лесах солнце, покрываясь ночной золой.

Степушка заплакался и затих: наверно, додумал свою путаную, невысказанную думу.

А Серый размышлял о собаке. Которую зря не позвал. Может, одичала, конечно, — шарахнулась бы и отправилась дальше ловить полевков. А может, признала бы родственную бродячую душу.

Райка пела. Голос и вправду играл, аукаясь в рощах, гукая, как зозуля весной, звенел в луговых колосьях.

Травка подкошена,
Да и только ёна сподвалёна —
В поле травка сохня,
Сохня, сподсыхая,
Да все пылью пошибая —
Без поры, безо времени...¹

Высыпали звезды. Тихо сохли травы, падали семена. Каждому верилось, что когда-нибудь все войдет в свое русло. Только русло это у каждого...

Далеко-далеко на востоке рождалась заря.

---

¹ Народные песни — украинские и южнорусские.

² Автор стихотворения — Анастасия Картавцева. Оно написано для этого рассказа и оканчивается так:

И, выходя на новый непрожитый круг,
Я понимаю, что бой подозрительно тих,
Я понимаю, что врут, я понимаю, что вру...
Я понимаю, что жду
От своих...

Павел Алексеевич Пономарёв родился в 1997 году в городе Лебедяни Липецкой области. Аспирант факультета журналистики Воронежского государственного университета (2021). Главный редактор газеты «Воронежский университет». Публиковался в журналах «Юность», «Подъём», газете «Литературная Россия», сетевых журналах «Формаслов», «Literratura» и др. Автор книги публицистики «Со-бытие. Дневник молодого человека». Лауреат литературной премии «Справедливой России» «В поисках правды и справедливости», литературной премии «Кольцовский край». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Павел Пономарев

КРОВЬ, СМЕШАННАЯ С ДОЖДЕМ

* * *

Серый грач —
предвестник встречи.
Собачий плач —
предчувствие страданья.
На обмороженном стекле
приевшаяся фраза,
и я стихи пишу
по памяти окна:

«В черной колее
растерзанная птица...»

* * *

Не оставить себя, не прикаять —
Вить, как будто на том берегу
Убивают в примятом снегу
Шерстью мокрой дрожащую память.
Ей не нежной, не ласковой взвесью
По ложбинке ключичной стекать,
Оставаясь подкорочной песней —
Сукой, не
облизавшей щенка.
Пусть его лобызает метели,
Но когда обнаружится мать,
Будет счастлив от кровопотери
На когтях ее он умирать.

ВОЛОТОВА МОГИЛА

Там, где прошла межа
Волотова с Черепањью,
Мирно себе лежат
Кости отца Иоанна.

Там, где молился он,
Трезвый, но чаще пьяный,
Делит кудлатый Дон
Волотово с Черепањью.

Прячет кресты за ветки
Пятницкий сельский храм.
По позабытым предкам
Плачет отец Иоанн.

Может, он Святогору
Триста раз «пра» и «про».
Горлом идет, кагором
Христоказачья кровь.

И покрестив мечом
Пращуровым ковыль,
Лег за рекой Мечой
Батюшка-богатырь.

Стелется трын-трава
По меловым отрогам.
Сложена голова
У мечевых порогов.

Череп прибил прибой
К берегу Черепањи.
Вымыл кудлатый Дон
Кости отца Иоанна.

Черная сила,
белая сила,
Сила небес, не-бес —
Взял Монастырский лес
В Волотову Могилу¹.

---

¹ Волотова Могила — курган в Лебедянском районе (Липецкая область). Расположен в устье реки Красивая Меча. Рядом находятся Тютчевский (он же Монастырский) лес и села Волотово и Черепањь.

* * *

И бабка Леля выгонит из сада
Детей и внуков, им не отдавая
Последнюю прапрадедову память, —

И станет сад живой для них оградой.

«...И мне не больно, Ванечка, не больно!» —
Причитывала все бабуля Леля
(Она была больна и ожидала
Прапрадеда из красных лагерей).

И он на белом снеге снится ей —
Расстрелян и прикладом добиваем.

И бьет сноху, сама за что не зная,
Беременную внуками, свекровь.
И падает с подола на пол кровь.

Я этой кровью, смешанной с дождем,
Спустя полвека зачат — и рожден.

* * *

Я припомнил все, что будет завтра:
Будет сын. И дерево. И дом.
И жасмин второй раз под окном
Зацветет, когда наступит завтра.

Завтра не наступит никогда.
Вынесены прошлого уроки,
Вынесены собственные с(т)роки —
Вынесен, исполнен приговор:
Дедушкин жасмин снесен на мусор.

Господи, пусти меня во двор —
Там теперь господствуют чужие.
Там когда-то деда с бабой жили —
Там я листья в горсти собирал.

И штaketник обернут в металл
Листовой. Пожмем друг другу руки —
Продан двор. И дом. Из дома внуки
Выбегут, играя в города, —
И в дальний путь на долгие года.

Анна Николаевна Ковалева родилась в селе Дмитришевка Липецкой области. Поэт, переводчик. Публиковала стихи в журналах «Подъём», «Юность», «Дактиль», газете «Мысли». Участница литературных фестивалей и Всероссийских школ писательского мастерства. В 2018 году в составе литературно-исторической экспедиции «Донбасс — земля героев» выступала со стихами в Донецкой и Луганской областях. Живет в Воронеже.

Анна Ковалева

ГОЛУБЬ

Рассказ

Голубь недоуменно вышел из-под машины. И так же недоуменно вернулся обратно в тень.

Если поблизости нет смешной собаки, или кошки, или, на худой конец, маленьких детей, наблюдать остается только за голубями. У одной поэтессы, почему-то прославившей юродивой, есть такая строчка: «лица проходящих читать, как лучшие стихи». Я восхищена ее человеколюбием. Но видела бы она этого голубя.

Эх, сейчас я сама его не видела. Голубь скрывался в темной полосе тени под машиной, но я все еще могла рассмотреть его растопыренную лапку, оставшуюся на свету. И она сияла непоколебимо и розово.

Асфальт светился. Он был настолько сух и бел в лучах солнца, что даже слепил глаза. Стены домов, крыши и лица людей немилосердно отражали этот свет. День был чрезвычайно ясный.

Голубь же вышагивал по краешку тени и сам периодически отражал свет. Недолго. О, похоже, это не входило в его планы. Перманентным казалось лишь его недоумение.

Хотя сложно было выделить одну определенную причину, почему голубь недоумевал. Наверное, все происходящее вокруг вызывало у него только такую реакцию. И это мне в нем ужасно нравилось. Резкими и мелкими движениями головы

он перемещал фокус взгляда и пристреливал каждый миллиметр мира своим недоумением.

Наверное, у голубя была какая-то судьба. Место, откуда он взялся, место, где он чаще всего кушает, место, где прячется ночью и спит. Голуби ведь спят ночью? Или нет? Наверняка у него был возраст. И, понятное дело, личные пристрастия. А может, у него был скверный характер. Я вспомнила, что на меня однажды голубь нагадил прямо у входа в театр. Вряд ли это был он. А может, он. А может, его двадцатиуродный брат.

Когда голубь, ковыляя, приближался к границе света и тени, он взъерошивал свои серые чумазые перья на шее, которые словно заменяли ему пышные кружевные воротники или карнавальные рюши. А потом перья снова сглаживались, и я снова замечала, как голубь блестит и переливается. В этот момент он был прекрасен. Но тут же голубь принимал решение вернуться обратно в тень и погаснуть, и потому рассмотреть отлив его серо-сиренево-синих перьев получше у меня никак не получалось.

А еще там был зеленый! Да. Зеленый.

Все-таки хотелось верить, что даже в тени он осознает свою голубиную значительность. Ведь последние несколько минут моей жизни были заняты исключительно этим голубем. Даже возникло желание почитать стихи вслух, но как бы для себя, а не потому, что меня интересовало его внимание.

Странно, но я пребывала на вираже некоего незнакомого ощущения, точно наконец-то начало происходить нечто, не похожее на мою жизнь. Да, я была излишне поэтична. А может, мне просто было слишком скучно.

Разумеется, голубь заметил меня. Он тщательно настраивал поворот головы и подходящий зум для того, чтобы взглянуть на мои руки. Это занимает какое-то время, если ты голубь. К тому же в этой процедуре чувствовалась некоторая деликатность. Ничего у меня с собой для голубя не было, а значит, особых причин выйти на свет у него не находилось.

Выйти на свет. Нет, пожалуй, не сегодня.

Так мы оставались, каждый на своем месте. Я в своей тени. Голубь в своей.

Это напомнило о чем-то грустном. Я даже подумала уйти. И встала уже со скамейки, но тотчас передумала и села обратно.

Голубь заинтересованно наставил на меня глаз.

Наши взгляды наконец встретились.

В такие моменты обычно играет музыка, но случилось другое.

Голубь вышел на свет во всей своей красе.

Он был похож на бензиновый разлив на мокрой весенней улице, на бомжеватого интеллигента, с которым, оказывается, вдруг интересно поговорить о жизни, на повисший в воздухе вопрос без ответа, на секунду до улыбки, на желание полежать на земле, испачкаться и не заметить этого, на ночную прогулку по городу, когда можно идти по середине проезжей части, на запах сырой коры, когда лезешь на дерево после дождя. Он был похож на детскую мечту, ту самую, которую я всегда хотела исполнить, а теперь не могу вспомнить, о чем она была. Он был похож на старые любимые джинсы, давно потерянную любимую игрушку, какую-то знакомую песню с забытым названием. Он был похож на первое алкогольное опьянение, желание потеряться и начать всю жизнь заново. Он был похож на необходимость перемен.

А потом он улетел.

Он улетел, потому что пришел мужик, звенящими ключами открыл машину, ту самую, которая, оказывается, была древней «Волгой», а не просто источником тени для моего голубя, хлопнулся на сиденье и, долго сдавая назад и задевая пыльные кусты боковыми стеклами, развернулся и выехал со двора. Я не стала смотреть на то место, где раньше сидел голубь.

И я пошла на остановку, села в свою маршрутку. Она была пустая и душная. Я приоткрыла окошко и подставила лицо ветру. В середине пути водитель что-то сказал вперед себя, а я не поняла. Наверное, он говорил по телефону.

Роман Геннадьевич Круглов родился в 1988 году. Кандидат искусствоведения. Преподаватель Российской государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, ряда других вузов Санкт-Петербурга. Поэт, критик, редактор. Публиковался в федеральных и региональных литературных изданиях России, Беларуси, Украины. Автор четырех поэтических книг, сборника литературоведческих и критических статей. Член секции поэзии и бюро секции критики Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Роман Круглов

ПО ВЕРТИКАЛЬНОМУ СТВОЛУ

* * *

Мыкая счастье земное — и сам стал земной,
Но в небеса отправляю тоски позывной
Так же, как в детстве,

и так же не верю тайком
В то, что насыщенная явь происходит со мной.

Вот уже сын мой серьезно,
как маленький принц,
Спрашивает, кто под вечер зажег фонари.
Про провода отвечаю земным языком.
Сын что-то подозревает, но не говорит.

Мы так похожи, а все же разъединены —
Правду свою говорить, что рассказывать сны.
Спрячу слезу, глядя в небо,

что сыплет снежком.
Синее небо, звенящее от позывных.

* * *

Понимай, не понимай,
но проходит месяц май,
И холодными дождями жизнь полна,
хоть выжимай.

Жуй мякину, выживай...
Май подвел — так сам давай
Выпекай в своей тетради
солнца пышный каравай.

За листом листок марай,
Простенькой мечты сарай
Возводи на ровном месте. Что есть выше? Выше — рай.

НА МОГИЛЕ АХМАТОВОЙ

Белка песенки поет...

А.С. Пушкин

По вертикальному стволу
Нисходит яркий зверь —
В горизонтальной смерти мглу
Не верится теперь.

То легким росчерком хвоста
Объединит миры,
То в землю шепчет что-то там,
Ладоншкой рот прикрыв,

Мгновение сидит еще,
Вновь в небеса бежит...
И жить на свете хорошо,
И хорошо — не жить,

Эпохи сшив своей судьбой
В невидимую сеть,
И между небом и землей,
Как белка, песни петь.

* * *

Я покажу тебе сосну:
Смотри, лучистая какая
(Не спрашивай, что я несу,
Я сам не очень понимаю).

Июльский день звучит, как тост,
А птичий звон — как щебет рюмок,
И мне всего яснее то,
Что неприлично быть угрюмым,

Нить, словно залитый сосед.
Мир — это пир, и все мы званы.
Из ржавых сосен хлещет свет —
Осанна! Подставляй стаканы.

Хозяин потчует сполна,
Горька лишь чаша недовольных —
Обиженных, как Сатана,
Себе желавший высшей доли.

* * *

Вот мы уже не на меже —
На финишной кривой дорожке:
Межа-то пройдена уже,
Не будет никого дорожке.

Друг друга мы не оскорбим
Враньем или последним шансом.
О жизни заживо скорбим —
Она потеряна авансом.

В воспоминаниях тайком
Живем. А в мире плотском, плоском —
Тьма, холод, степь да степь кругом.
Отапливаю папироской

Мир – и не вижу, как присел,
Застыл пернатый в небе чудном
И смотрит с ласковым прищуром,
Поймав мой огонек в прицел.

* * *

Был особенно ярок
Среди белого дня
Твой последний подарок —
Твой уход от меня.

Было — раз! — и не стало.
Не воротить назад,
Словно чашка упала —
И осколки лежат.

Если это расплата,
Что других я бросал,
Почему так крылато?
Почему небеса

Смотрят кротко и этим
Повторяют тебя?...

Сопряжение со смертью,
Полнота бытия.

* * *

Говорить лишь про женщин, цветы и птиц —
Пусть не ведает мысль иных границ.
Если в жизни поставил я не на то,
Если я проиграю, то — ну и что?
Ведь тому, кто не предал своей весны,
Никакие победы и не нужны.

Софья Владимировна Сафронова родилась в городе Липецке. Учится на факультете романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Пишет рассказы, стихотворения, играет на флейте, увлекается живописью и волейболом. Стихи и миниатюры публиковались в альманахе «День поэзии ВГУ». Участница Воронежского областного совещания молодых литераторов (2022). Живет в Воронеже.

Софья Сафронова

ОН. ОНА. ОНИ...

Рассказ

... **П**о весне его должны были забрать в армию. Они уже долго встречались. Не жили вместе ни дня. Собирались пожениться. Она никогда не давала поводов для ревности. Он считал ее идеальной. Она сомневалась. Хотела быть свободной.

Желания готовить ему не возникало. Убирать что-то в его квартире тоже. Ей вообще там не нравилось. Размышляла о том, чтобы сменить обои. А лучше шторы. Да, шторы. Нынешние ее раздражали.

Все чаще она стала задавать себе вопросы. Странные. Нужен ли он ей? Почему она должна его ждать? Кто он ей? На какие-то ответить было проще. На размышления о других она не находила оправдания. Ей было с ним удобно. Удобно. Всего лишь?

Проводы были пышные. Она даже плакала. Провожала на поезд. Обещала ждать. Решила, что все-таки дорог. Повесила на стену календарь. Красным маркером закрашивала прошедшие даты. Вступила в группы Вконтакте. К тем, кто тоже ждал своих солдат.

Она практически не выходила из дома. Забросила тусовки. Действительно старалась ждать. Почти сделала это. Даже гордилась собой. Не хватило совсем немного. Триста шестьдесят четыре.

...Их познакомили общие друзья. Сначала разговор не клеился. Они даже забыли друг о друге на какое-то время. Потом вдруг поняли, что чего-то не хватает. Или кого-то. Он заговорил первым. Не пожалел. Она казалась вежливой и образованной. Болтать с ней было легко. Он дарил ей небольшие подарки. Приглашал на мероприятия.

Постепенно количество общих знакомых увеличивалось. Они показывали друг другу фотографии родственников. Она хвалилась достижениями старшего брата. Он рассказывал о младшей сестре. Их музыкальные вкусы были схожи. Тяжело было расстаться даже на минуту. Хотели всегда быть вместе. Думали, что это та любовь, о которой снимают фильмы.

Прошло несколько месяцев. Они даже засыпали и просыпались в одно и то же время. Первым делом говорили друг другу: «Доброе утро». Они считали друг друга самыми лучшими. А потом прятки за смартфонами закончились. Они встретились в реальности.

...Пустая комната. Прозрачный свет от пасмурного неба. Грустно. Она ждала его. Столько всего было. А он... Это ведь не вторая их встреча. Он говорил, что любит. А что в итоге? Впервые не выполняет обещаний. Дурак.

Мечты о счастье и совместно нажитом имуществе больше не занимали ее мысли. Разбились на осколки. Совсем как дорогая мамина ваза. Только теперь это не ее рук дело. Она просто не могла быть виновата в этот раз. Это все он.

Играл с ее чувствами. А она верила. Дура под стать дураку. Она бросала взгляд на будильник. Секунда за секундой, час за часом. Из принципа не собиралась звонить ему. Тем более писать сообщения. Он этого только и ждет. Смеется над ней. Хочет заставить страдать. А она не будет поддаваться. Вот еще. Она не такая. Думает, что она предсказуема? Как бы не так. Это он был предсказуем. Прекрасно знала, что он был несерьезным. Сделал из нее девочку на пару ночей.

Звонок в дверь. Восемь вечера, а не восемь утра. А она все равно обиделась.

...Он был художником. Известным. В картинах которого многие видели необычное. Его собственный неповторимый стиль. Такое сейчас — редкость. Ему не нравилось писать маслом или акрилом. Каждая картина была черно-белой. Белый холст. Черная акварель. Критики, смеясь, называли это пародией на тест Роршаха. Только плохой пародией. Потому что часто холсты не оставляли места для фантазии.

Она не была поклонницей современного искусства. Не знала почти никаких художников. Разве что самых известных. Когда ее спрашивали о полотнах, могла лишь невнятно улыбаться. Была недостаточно образована в принципе. В какой-то степени даже немного глупа.

Но ходила на каждую выставку своего художника. В самом начале его карьеры в день презентации была единственным зрителем. Да, совсем незаметно поняла, что она влюблена.

Он, не понятый другими, женился на ней почти сразу. Думал, что жизнь наконец-то наладится. Мечтал о совместных детях. Все-таки годы шли. Она тоже давно не была девочкой-подростком. Прожили вместе неделю. Четвертый развод на его памяти. Третий по печатям в паспорте. Эта тоже оказалась посредственностью.

Глупая улыбка на серьезные вопросы достала уже на второй день. Не обременена интеллектом. Не подходит. В искусстве полный ноль. Но она его действительно любила. А он искал не женщину. Искал родственную душу. Только вот сам не понимал, зачем.

...Один справа. Один слева. Сбоку. Тридцать одинаковых кадров. Заранее заученные позы. Ножку вперед, статичная улыбка. Мнит себя настоящей красавицей. Но вся ее модельная внешность — лишь заслуга фильтров в Photoshop.

Сколько их таких? Одинаковых. Тех, чьи лица сливаются в единую пленку. Тех, кого ни за что не узнаешь на улице. И ни единого видео без «штукатурки», чтобы не было видно, кто это на самом деле. Всего лишь чьи-то клоны. Всюду маски. Настоящий театр, где она — самая настоящая актриса. Как и все те, кто ее окружает.

Старая отцовская камера на чердаке. Только двадцать четыре кадра в секунду. И фотоаппарат. На пленке — счастливые родители. Как они жили раньше? Привозили с отдыха тридцать шесть, всего тридцать шесть фотографий. Проявляли, а не таращились в экран телефона. Одинаковых фото не было. Разные, настоящие, как и люди на снимках.

Долго смотрела на себя в зеркало. Сняла искусственные белые волосы, ресницы, смыла макияж. Слезы стекают по темным кругам под глазами, которые она всегда закрашивала. Улыбчивая картинка в инстаграме¹ — совсем другая девушка. Непохожая и совсем чужая.

А кто она такая? Та — в зеркале? Или все же на фото? Одинокая надломленная девочка или душа компании? Найти внутри что-то живое. Уже тяжело. Невозможно. Потеряна, как и большая часть поколения.

Или?..

---

¹ Принадлежит компании Meta, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

Василий Павлович Нацентов родился в 1998 году в Каменной Степи Воронежской области. Окончил факультет географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Наш современник», «Москва», «Юность», «Подъём», в «Литературной газете», «Литературной России» и др. Лауреат Международной премии «Звездный билет», «Кольцовский край», Исаевской премии для молодых литераторов Воронежской области (2018), финалист и обладатель спецприза от журнала «Юность», премии «Лицей» им. А.С. Пушкина. Член Союза писателей России и Союза писателей Москвы. Живет в Воронеже.

Василий Нацентов

О ЕСЛИ БЫ МНЕ ПОВТОРИТЬСЯ...

* * *

Моей Л.

Листать тебя, тобою шелестеть —
все — воспроизводить, как киноленту,
и, маленькому, к лету уцелеть,
и повзрослеть, и все забросить к лету.
Как тих ландшафт в преддверье холодов,
как многоглазо яблоня сияет
синапом уцелевшим, нотой до —
не удержав, как бы слезу роняет.
За нотой ноту. Скучен этот бал.
Однообразно, глупо повторенье.
И хочется внести разлад, развал
в природу, как в свое стихотворенье.
И о тебе, о жизни, о земной
заговорить на ломаном, на птичьем,
и просвистать до снега, и зимой
не замолчать, и потерять приличье.
О поздний свет, таинственный портал —
прореха каждая, куда дроздом летал
рябинником,
а возвращался певчим.

* * *

Парусинило поле,
и время тянулось к закату,
не пылила дорога — еще сыровато в апреле,
но мошка уже липла к лучам языкатым,
и лучи тяжелели.

Проходи же скорее.
В покинутом мире
спокойнее, проще.
Загадай возвратиться в дегтярную горечь,
в запах бабьего пота.

Пусть молчит одинокая голая роща:
речь твоя перелетными птицами стерта.
Что ты вспомнишь: поля лиловатые,
стаяка сонных, мигающих в небе скворцов,
и набухшие почки,
как бы виноватые —
тычутся в сумерки, словно в лицо.

* * *

Сложное и, как элегия, грустное,
как всякое русское:
дорога осенняя — сумерки — матерьял холста —
устройство листа кленового, липового, дубового
и всякого облетающего листа.

Тает дерево,
тает —
и все равно сильнее меня.
Прижмусь щекою:
холодный дух зеленого и голубого огня.
Отучившись на человека,
отчаявшись,
час, два —
специально теряешь время.
Становится кроной одуванчиковая голова
и сразу же облетает.
Всматриваешься:
что там, за последним листом?
Слезятся глаза, и ничего не видишь.
Тот же круглый, как шар, простор,
из которого никуда не выйдешь.

* * *

Пахнет дождем:
не водой, а вином домашним,
веткой, отцветающим мхом апрельским.
Темное время — с пятницы на субботу,
с субботы на воскресенье.

Страшно.
И разделить это время не с кем, конечно, не с кем.
гулкое и пудовое
раздави меня как жука

*что мне делать здесь
если исчерпаны возможности языка*
Вот она тяжесть последнего в мире сюжета.
Зацвели абрикосы. Небо низкое. Холодно. И ни одной пчелы.
Но мы, оказывается, переживем и это.

* * *

Между снегом и листьями — дни веселого голяка.
На пролете птица тундровая говорлива:
всхлипы, вскрики луженой глотки, заморского языка.
Дрогнувший глаз залива.
Память чужая. Связь золотых времен.
Воздух, стершийся по краям дороги.
Наблюдаешь бессовестно, к созерцанию приговорен,
как грибы и ягоды, подбираешь слоги.
На заброшенной даче боишься злого ежа —
в детстве с тайным каким-то смыслом лазил по старым дачам —
хотя еж давно подобрел и убежал
полон земли и плача.
Он бежит, и помнит его ветла,
как косынка жены светла.

* * *

*Песня дрозда легко и довольно точно
передается буквами и даже целыми фразами
человеческой речи...*

Орнитолог А.Н. Промптов

На холодном закате дроздиная песня чище,
свободней, разнообразней иволги, соловья,
когда они прилетят, дрозд достроит жилище
и перестанет петь: теперь у него семья.
Да и зачем, если вокруг такое:
от целканья воздух лопается, и из прорех
стекает золото царственного покоя.
Насвистывать свою песню в эти мгновенья — грех.
Сидит дроздиха на яйцах, клюв приоткрывши,
терпеливо ждет листовертку, бронзовку, червяка,
и течение жизни становится шире, тише,
и слышно, как в глубине гнезда ворочаются века.
О еще будет время! в июле, может быть, в первых числах
или к середине месяца. Все затихнут. И дрозд споет:
столько в песне его надежды, нот светлых, чистых,
что птенцы навсегда запомнят, в собственный отправляясь полет, —
*«Фи-липп, фи-липп, при-ди, при-ди, чай-пить, чай-пить...»*¹
И дроздиха подумает: счастье такого дрозда любить.

---

¹ По утверждению И.К. Шамова (1876 год), некоторые крики дрозда можно передать словами: «Деньги есть! выпьем! Василий! кто велит!»

Я ухожу с головой обращенной назад —
топкой тропинкой вдоль поймы. Ольшаник. Осинник.
В детстве мечтал я в рассыпанный солнечный сад
переродиться, но разве мальчишка осилит
святость и кротость, пожизненный долг естества,
нежность запретную? На одуванчик похожий
я сохранил только шепот, которым листва
утром прощалась. Другое — грубее и строже.
Или яснее? Какая разлука кругом!
Капли, как пятки босые, от лунного блеска
переливаются, в теплый пока еще дом
катятся к счастью, которое, кажется, близко
и неизбежно, как солнце.

О если бы мне повториться
здесь, на земле, на притихшем весеннем Дону
страшно спугнуть одинокую взрослую птицу
и остаться совсем одному.

Елизавета Сергеевна Лоскутова родилась в городе Воронеже. Учится на филологическом факультете Воронежского государственного университета. Пишет рассказы, повести, зарисовки, эссе, а также стихотворения в прозе, переводит произведения с македонского и немецкого языков. Участница Воронежского областного совещания молодых литераторов (2022). Живет в Воронеже.

Елизавета Лоскутова

ОСТАНОВИТЬ МГНОВЕНИЕ

Новелла

Огненно-желтый сентябрь. Днем на улице жарко, как летом. А ночью непременно будет прохладно. Я сижу на подоконнике между кактусами, суккулентами и чахлым декабристом, который, судя по всему, скоро совсем засохнет. Я сижу в подъезде между вторым и третьим этажами и чувствую, как по ногам пробирается откуда-то предвечерний холодок.

Сижу, обхватив колени руками и задумавшись. Волосы рассыпались волнами по спине, рукам и коленям. В углах как маленькие мышки сгущаются тени. Бархатные сумерки — предвестники ночи. За поворотом лестницы, на третьем этаже, горит лампочка, но сюда свет доходит очень слабо. В обращенном на запад небольшом окне отображается весь вечерний пейзаж. Силуэты темных деревьев четко и тонко прорисовываются на фоне неба. Чем дальше к горизонту, тем гряды леса гуще.

Но больше всего привлекает внимание небо. «Чем ближе, тем темнее», — так говорят художники. Уже прорисовывается тонкий полупрозрачный коготок месяца. На горизонте разливаются яркие краски заката: лавандово-голубой, розовый, желтый, кремовый. У самой кромки леса, как пожар, — темно-оранжевая полоса. Сверху облака дымчатые, снизу — подсвечены солнцем. Все это складывается в моих глазах и моем восприятии в дальние картины. Желто-персиковая кажется залитой солн-

цем и подернутой рябью широкой рекой; дымка облаков — берегами, погруженными в предвечерний сумрак. А иногда небесный пейзаж напоминает горы в тумане, да такие, что и не отличишь от настоящих...

Но сейчас на весь этот пейзаж надвигается большая, грозная, угрюмая туча. Туча похожа на усталого и грустного дракона. Спина его темно-синяя, а брюхо — нежно-розовое. Дракон тоскливо ползет по небу, склонив голову на длинной шее, будто высматривая, выискивая что-то бесконечно дорогое там, внизу...

Несколько лучиков проникают через стекло, освещая кафель на полу и играя на зеркальных поверхностях. В этом всем сквозит что-то щемяще-тоскливое, «предзакатное»...

Я сижу и думаю. О сегодняшнем и вчерашнем дне, о вчерашней ночи. И вообще обо всем, о чем только можно. О том, как в одно и то же время можно уставать от людей, не любить их и одновременно любить настолько, что хочется плакать, умирая от нежности к ним?

Помните, у Бунина: «Как ни грустно в этом непонятном мире, но все же он прекрасен».

Вчера было очень четко-неприятное ощущение. Будто что-то случилось, а я этого не заметила. А вдруг действительно со мной что-то случилось, а я не заметила?.. Но что?

Время бежит слишком быстро. Это пугает. Все уходит, растворяется, разрушается, рассыпается, уплывает по реке Времени. «Жизнь — будущее, а не прошлое». Но существует ли это будущее? Строго говоря, нет, ибо уже через миг оно настоящее, а затем становится прошлым. Прошлое же — лишь воспоминания, прекрасные, но воспоминания. В них не вернуться, хотя они само наше существо... Прекрасно то, что мы там были. Чудесная власть прошлого...

А еще иногда мне кажется, что для всех я просто Тень. Что меня не существует, меня могут забыть... Почему так? Не знаю, не понимаю, но это неприятно и больно. Неприятно, когда твои знакомые обнимаются, а ты стоишь в стороне. Больно, когда ты остаешься один в то время, когда сильнее всего хочешь и можешь говорить. Когда в общем разговоре тебя почему-то не слышат и не слушают. Больно, что ты в принципе очень часто ощущаешь себя одиноким. Одиноким среди людей. Это какая-то отчужденность от всех. Это как если пишешь в чат, в котором до того народ активно общался, а с твоим приходом *все* замолкают. У меня постоянно так. Осознание этого кошмарно, оно ввергает меня в ужас и панику. Почему? Почему?! Не нравится, не нравится. Мне — не нравится! Протестую!..

Но это было вчера. А сегодня я снова с ними, я смеюсь. И вроде бы все хорошо. Я чувствую, что мне хорошо. Чувствую людей, их расположение, их эмоции. Я с ними. Они настолько интересные, разносторонние и безумно яркие личности...

Небо еще светлое, расчерченное облаками и полосами от самолетов. Сосны освещает желтое веселое солнце. Оно прыгает и играет. Играет в струях воды фонтанчиков-поливалок на траве, словно покрытой хрустальными каплями, играет в глазах и на лицах людей, придавая им что-то очень милое и живое и оставляя добрые блики...

На качелях хорошо. А если зажмуриться и постепенно отключиться от окружающего мира, прислонившись к сидящим рядом, голова к голове, переплетя пальцы, чувствуя легкий ласкающий ветерок на лице, — это прекрасно. Такое состояние даже описать трудно — настолько становится здорово.

Девочка улыбается и раскачивает качели. Мы на горке. Отсюда видно других, тех, кто внизу. Горка тоже качается, и залезать на нее страшновато, но нам здесь хорошо. Высоко и хорошо. Какой-то разговор — потом, возможно, и не вспомнишь, о чем, но я запомню эмоции, я запомню улыбки.

Желтеющий лес, опадающие листья, петляющая дорога, присутствие все тех же дорогих людей. Их улыбки заставляют улыбаться и тебя, их улыбки, их счастье делает счастливым тебя тоже. Держаться за руки — и разговаривать-разговаривать. Пить чай на Перекрестке, прямо на полу, обниматься в коридоре, петь песни, восторгаться закатами и сидеть в темноте, забывать о времени и хохотать до боли в животе и до кашля. Влюбляться в прекрасных людей, смотреть на них, слушать их голоса — это согревает буквально все внутри...

Дайте мне белые крылья —
Я утопаю в омуте.
Через тернии, провода —
В небо, только б не мучиться.
Тучкой маленькой обернусь
И над твоим крохотным домиком
Разрыдаюсь косым дождем.
Знаешь, я так соскучился!..

Это любовь к людям несмотря ни на что. Глубокая привязанность и желание, чтобы у них обязательно все было хорошо. Желание сжать руку и больше не отпускать. Не отпускать из своей жизни. Любовь настолько сильна, что, чувствуя ее, ты горишь, улетаешь в космос, ты перестаешь существовать, растворяясь в мгновениях и эмоциях. Даже становишься ветром и дождем. Это сродни смерти, но той смерти, когда «птица, натыкается на колючий шип, поет последний раз в жизни, но эта песня самая прекрасная на земле».

Это одновременно заставляет умирать и воскрешает. Хочется жить. Жить именно в этом мгновении. Остановить время, остаться здесь, сгореть Фениксом именно в этом моменте.

Ты знаешь, что такое абсолютное счастье? Ты была когда-нибудь счастлива так, что хотела остановить мгновение?

Да. Я хочу остановить это мгновение. Хочу остаться в нем, раствориться в окружающем мире, взвиться дымом в небеса. Это как бешеный танец. Танец жизни и смерти. Мой танец.

Остановить мгновение!
Остановить мгновение!
Остановись, мгновение!

...Я спрыгиваю с подоконника и иду к людям. Небесный дракон рассыпался и улетел. Или, может, он нашел то, что искал?.. Кто знает. Пока я сидела, закат почти догорел, только последний росчерк, как прощание, угасает над самым горизонтом. Сейчас у меня все будет хорошо. Спокойно и прекрасно. А потом... Потом снова будет ночь, будет одиночество...

Вокруг все слепо и немо.
Молчат деревья, спят дома.
«Ну почему все так сложилось?» —
На мой вопрос они не ведают ответа.
И небеса глухи и безучастны.

Анна Петровна Долгарева родилась в Харькове. Окончила Харьковский национальный университет им. В.Н. Карамзина, химический факультет. Поэтесса, писательница, журналист. В 2015–2017 годах работала военным корреспондентом в Донецкой и Луганской народных республиках. Член Союза писателей России, Союза писателей Луганской Народной Республики. По первому образованию химик, по второму политолог. Тексты переводились на немецкий и сербский языки.

Анна Долгарева

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТРАНСТВИЯ

СОРОКА-БЕЛОБОКА

выходишь к озеру, затягиваешь длинно,
тянется песня, не песня — клочок.
осень пришла, налилась калина,
так и тянет потрогать.

сплетишь венок, наденешь, аки корону,
чем я не красавица, не царица?
мох зеленый сбегает к воде по склону,
паутина в пальцах сосенок серебрится.

Сорока, сорока,
Была белобока,
Кашку варила,
Деток кормила.

через двенадцать ножей перекинись
в подполе
так, чтобы выломало спину.
со зреньем иным очнешься, крича от боли,
среди банок, хранящих огурцы и малину.

лети-лети на север, где дня почти не осталось,
где склонились к земле набрякшие травы,
лети-лети на север, мене, текел, фарес,
лети-лети, ничего не исправишь.

Этому дала, этому дала, этому дала,
этому дала,
А этому не досталось:

Он сам мал,
Крупы не брал,
По воду не ходил,
Воды не носил,
Дрова не рубил,
Печки не топил.

это не дым из трубы, это призраки, тени,
чего ты приходишь, маленький, чего тебе надо,
расскажу тебе сказку, полную приключений,
положу на окно кусочек молочного шоколада.

Иди, малый, по водицу
На холодную криницу.
Тут пень, тут колода,
Тут мох, тут болото,
Тут холодная водица.

...и никто не вернулся, никто никогда не вернулся.

* * *

Собрала яблоки, а они сгнили.
Или неправильно хранила, или
Некому было есть.
Дом мой пуст. Дом мой вообще не здесь.

В детстве собирали подсолнухи и орехи,
Складывали на балконе. В эфире помехи,
Не дозвониться.
Семечки из подсолнуха сыпала птицам.

Мама, возьми трубку. Не слышит — на даче.
То, что живы, — вообще большая удача.
Не жалуйся, могло быть и хуже.
Некому меня домой позвать со двора на ужин.

Яблоки мои, яблоки, катитесь по блюдцу.
Катятся и смеются:
«Зеркало в пустой квартире покроется пылью,
Унесли тебя гуси-лебеди на белых крыльях».

* * *

Кто сукин сын, а кто там лучший сын,
Рассудят позже, и вопросец зряшен.
Несет меня лиса за синь
Небесных городов и пашен,

Туда, где, отрицая смерть и ад,
Меж камышами — крыльев плеск утиных,

Туда, где отразился Китеж-град
Среди коряг и тины.

И ветви яблони касаются травы,
И яблоки краснеют, зазывая.
И мертвая вода Невы,
И Ладоги живая.

Ни брошенного нет, ни мертвеца.
Мы все живые, никакой морали.
...Но в переходе — без ноги пацан
Поет «На поле танки грохотали».

Ведь мы поем, когда нам хочется орать,
И бить стекло, и резаться краями.
И будет новый день, и будет рать.
На том стояли,

Как в Петербурге каменные львы
Стоят среди проспектов тесных.
И мертвая вода Невы-
Сказанной песни.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТРАНСТВИЯ

1

Мне нравилась ведунья Февронья,
стоявшая у города Ласково
в обнимку с князем Петром, и я
кормила там котов ласковых.

В магазине покупала им вискас,
кормила, собак отгоняла,
и ехать оттуда мне было близко,
но машин было мало.

Ловила, а они не ловились,
и стояла ведунья Февронья,
и тучи над лесом вились,
над золотым межсезоньем.

И было счастье такое —
пока холода не настали,
и сердце мое в покое,
спрятанное от печали

под золотыми листьями,
упавшими в городе Ласково,
и коты провожали — с лицами
людскими, ласковыми.

2

Ночевали при храме, ели яблоки и печенье,
запинаясь на старославянском, читали псалмы,
я не то чтобы вдруг загорелась каким-то учением,
но хотелось согреться в преддверье зимы.

Потому что я долго бродила и очень устала,
потому что замерзла и просто хотелось-то мне,
чтобы на Покрова словно спрятаться под одеялом.
чтоб со смертью остаться не наедине.

3

а про любовь — не знаю, нет, не знаю,
я очень долго ехала обратно,
размытые деревни за окном
сливались просто в русскую дорогу,
и наклонялись тонкие березы,
и пролетали синие болота.
пусть так и будет: если мне в дорогу,
то непременно в сумерки и дождь.
а про любовь — не знаю, нет, не знаю.

но голое мое живое сердце
на Покрова укрылось в одеяло,
и стало так не холодно ему.

* * *

Пробирались через бурелом на границе с Карелией,
еле пройдешь: густая трава, изломанные деревья,
и черничники какие-то невероятные, ягоды так и висят,
крупные, наливные и густо-густо.
Словно это какой-то заколдованный райский сад,
а не продираешься по лесу с шумом и хрустом.

И так, конечно, хотелось остановиться, набрать ее в горсть,
чтобы полон рот был этого кисловатого сока,
но Саша подгонял, и трещали ветки, как кость,
надо было выбраться, так и не попробовала нисколько.

В восемнадцатом году я вернулась с войны,
из степей, полных горячего ветра,
проехала две тысячи километров,
но не был домом мой дом, и моими не были мои сны.

А потом поехала на случайную тусу на Ладого,
и пока народ общался на тему какой-то йоги,
я села посреди черники, вымазала штаны — и ладно,
и никого не замечала до самой обратной дороги.

И были у меня только озеро да черника,
восковые ее листочки да вкус знакомый,
и было звучание прибоя и птичьего крика,
и я была дома.

Андрей Николаевич Тимофеев родился в 1985 году в городе Салавате республики Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт, Литературный институт им. А.М. Горького (семинар М.П. Лобанова). Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Бельские просторы», газете «День литературы». Победитель 3-го литературного славянского фестиваля «Золотой Витязь», лауреат премии им. И.А. Гончарова. Председатель Совета молодых литераторов Союза писателей России. Живет в Москве.

Андрей Тимофеев

УСЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА

*Из материалов круглого стола
Совета по критике
Союза писателей России
«Отцы и дети: настоящее и будущее
русской литературы»*

Непонимание между поколениями «отцов» и «детей» в консервативном поле современной литературы объективно существует. К счастью, оно проявляется не в области собственно художественного творчества, а в принципах организации литературного процесса и в восприятии современной литературы и мира в целом. Как руководитель Совета молодых литераторов СПР, я нахожусь в центре этого противостояния: с одной стороны, прекрасно зная и понимая «детей», с другой стороны — непрерывно контактируя с «отцами». Я все пытаюсь быть фильтром, пропускающим в обе стороны лишь то, что может быть хоть как-то понято и принято, собирая в себя всю шелуху, но глубина пропасти огромна, и у меня все меньше надежд на понимание. В этом выступлении мне хотелось бы посмотреть на ситуацию глазами «отца нашего Шекспира» и в объемном виденье примирить оба мировосприятия. Но я не могу этого сделать, потому что при всей моей любви и уважению к «отцам» ясно вижу те изъяны в их позиции, которые губительны для нас всех, и не знаю, как мне об этом молчать.

Не могу еще и потому, что в суждениях Вячеслава Дмитриевича Лютого, наверно, самого муд-

рого и уважаемого мною представителя старшего поколения, слышу ту самую ноту «отцов», отчищенную от эмоций и обид, взвешенную и ясно сформулированную, но содержащую в концентрированном виде все предубеждения относительно «детей» и все возможные скелеты в шкафу. И единственное, что я могу сделать, это попробовать отчистить свои дальнейшие слова от лишних эмоций и взять такую же точную и ясную ноту, но со стороны «детей».

Мы могли бы сойтись в точке, которая нас объединяет, этой точкой является традиция. Наша единственно возможная русская пушкинская традиция (понимаемая в смысле известной статьи Глушковой «Традиция — совесть поэзии» не как следование каноническим формам, а как причастность к единому потоку русской жизни). Обернувшись назад к нашей классике (от Пушкина до поколения «дедов»: деревенской прозы, тихой лирики, русских критиков-неопочвенников), мы увидим, что она одинаково дорога нам, что мы не мыслим себя в отрыве от нее. Но остановиться на этом объединяющем начале и не посмотреть друг на друга — значит проигнорировать существующие и разрушающие наше общение противоречия, пульсирующие здесь и сейчас. Мне кажется, это было бы неправильно.

Поколение «отцов» сформировалось в позднюю советскую эпоху, пережило вместе с ней ее относительное бытовое благополучие и бурю общественной борьбы. Развал страны, расстрел парламента в 1993 году стали для него высшей точкой трагедии, а вся дальнейшая жизнь — борьбой за существование и сохранение нравственных ценностей во враждебном мире. В этом смысле очень точно сравнение Вячеслава Лютого с поколением эмиграции после 1917 года, потому что старшее поколение и правда ушло в своеобразную внутреннюю эмиграцию. Мир вокруг воспринимался ими апокалиптически (вообще представление о случившемся апокалипсисе очень характерно для прозы, осмысляющей 90-е: скажем, в романе Веры Галактионовой «Спящие от печали» — в концентрированном виде, в «Заполье» Петра Краснова или «Запретном художнике» Николая Дорошенко — разлито по тексту). А единственный способ сохраниться в мире, охваченном злом, — христианские катакомбы первых веков, то есть создание небольших замкнутых групп для «своих», где сохраняются общие ценности, утерянные в большом мире. Такой катакомбой является, например, сайт «Российский писатель», такими катакомбами являются некоторые литературные объединения и писательские организации в регионах. Наверно, это было единственным выходом в то время.

Но прошло тридцать лет, и мир вокруг изменился. И оказалось, что он не является воплощением зла и графомании, что литература дышит и там, что настоящие писатели существуют и там, просто они зачастую не готовы признать незыблемость догматов катакомбы, хотя дух их может быть вполне созвучен традиции. Уйдя во внутреннюю эмиграцию, большая часть старшего поколения перестала интересоваться внешним миром, потеряло адекватное представление о нем, об острых проблемах литературного процесса, о вызовах, которые стоят перед всеми нами.

Современное поколение «сынов», чье взросление и становление проходило уже после развала СССР, остро чувствуют эту проблему. И здесь сравнение Вячеслава Лютого мне кажется не совсем корректным — «сыны» похожи не на детей эмигрантов, скорее, это первое советское поколение, воспринимающее новые условия жизни не как апокалипсис, а как реальность. Мир действительно изменился. Если взять метафору из серьезного фэнтези (которое в своих лучших образцах является точным индикатором состояния общества): мир из толкиновского превратился в мартиновский. В нем действительно исчезли нравственные координаты, единые для всего общества, и это не вопрос нашей воли и нашей борьбы — это объективность, которую необходимо принять. Но отсутствие единых координат не означает их отсутствия в каждом конкретном человеке и не означает их отсутствия в мире. Просто нравствен-

ные координаты теперь стали делом личности, а не общества. Поколение «отцов», выросшее в советское время, не знает, что делать с этим и как ориентироваться в ситуации, в которой нельзя мыслить категориями общего, — у них нет механизмов познания такого мира, и единственный способ — объявить мир целиком враждебным. Поколение же «сыновей» не чувствует растерянности. Нельзя отчаянно бояться места, где вырос и к которому привык.

Взамен стройности единой картины мира у «сынов» появились естественные механизмы, позволяющие существовать и спокойно разбираться в «новом» мире (и этого категорически не могут понять «отцы»). Во-первых, «сыны» имеют прививку от информационного влияния — поколение, знающее интернет, гораздо более защищено от манипуляций и гораздо менее наивно в этом смысле, чем советские люди. «Отцов» в конце 80-х завели в информационный лес, и они там потерялись, а нынешние живут в лесу спокойно и на подкорке мозга знают, как обходить опасность. Прimitивными манипуляциями сейчас можно воздействовать только на очень молодых людей, заряженных на протест и самовыражение любыми способами. Даже двадцатилетние уже сомневаются в правдивости любой поступающей к ним информации. Во-вторых, «сыны» достаточно ясно различают пошлость в мире. Кажется, опять на «Русском писателе» встречал рассуждения о негативном влиянии на современную молодежь того, что показывают по телевизору (насколько я помню, имелся в виду новогодний «Голубой огонек»). Автор текста, видимо, не знал, что молодежь не смотрит и никогда не будет смотреть ни «Голубой огонек», ни вообще Первый канал — именно по причине пошлости и низкого уровня. В-третьих, степень распушенности поколения «сынов», безусловно, выше, чем у «отцов», но все-таки отзывчивость их на реальный «грех» сильно преувеличена. Скажем, целующиеся на сцене форума «Таврида» девочки никого из молодых участников смены (от 18 до 35 лет) не совратят, потому что в этом возрасте все прекрасно знают, что гомосексуализм существует и уже давно определились внутри себя, как к этому явлению относиться (притом я, как вы понимаете, не сторонник нетрадиционных отношений, не сторонник траты бюджетных средств на их пропаганду и понимаю, что в данном случае организаторы форума просто не просчитали возможность провокации). Не знаю, стоит ли здесь напоминать, что первое «советское» поколение, тоже наверняка, по мнению эмигрантов, «лишенное нравственных координат», сгорело в войне, и во многом именно его жертве мы обязаны нашей Победе. Моя метафора весьма произвольна, и нэп у нас не закончился, но мне было важно показать, что промыслительная воля подчас мудрее «очевидных» мнений даже самых разумных людей.

В этой ситуации нет правых или виноватых, нет лучших или худших — есть исторические обстоятельства, сформировавшие и то, и другое поколение. Однако время идет вперед, и строить будущее на основании скелетов в шкафу невозможно. И важнейший вопрос, который непосредственно завязан на различиях в подходах двух поколений, — это вопрос о дальнейшем развитии нашего писательского Союза. И на этом вопросе хотелось бы остановиться подробнее.

Существуют две модели, в рамках которых может развиваться Союз писателей России. Нельзя сказать, что это модель «отцов» и модель «детей» — скорее, одна из них несостоятельна и опирается на худшее в позиции «отцов», а вторая — единственно возможна, объединяющая все здоровое у тех и других. Первая — прямое следствие страха внешнего мира, желания уйти во внутреннюю эмиграцию — основана на желании занять оборонительную позицию и создать катакомбу на 8 тысяч человек. Сторонники такой модели жестко разделяют литературный мир на «наших» и «ненаших», пропагандируют идею невозможности «двойного членства» в разных писательских союзах, оперируют при этом псевдорелигиозными категориями (сотрудничество с СРП — экуменизм и т.д.), призывают принять невообразимые декларации, навсегда отделив «агнцев от козлищ». В метафизическом «лесу», который ты не

можешь понять, легче всего придумать простейшие первичные признаки для различения добра и зла, чтобы хоть как-то ориентироваться (а еще надежнее закрепить их юридически). Но к литературе это не имеет никакого отношения.

Вторая модель — модель Союза писателей, находящегося или пытающегося находиться в центре современного литературного процесса, собирая вокруг себя все талантливое и умное. Это вовсе не значит, что внутри него отсутствует иерархия, одними из главных критериев которой являются как раз-таки соответствие традиции как единому потоку русской жизни и художественная ценность как мера правды и глубины художественного образа. Но в этой модели не отсекают талантливое по причине несоответствия общественной установке и духу катакомбы. Взять ответственность за всю современную русскую литературу, а не за ее кусочек — вот задача такого Союза. Но для этого необходимо отказаться от оборонительной тактики. Такой Союз я нахожу внутри себя как идеальный образ. Этот Союз для меня — воплощение единой большой русской литературы в современном ее состоянии. Я не знаю, например, состои ли в СПР Алексей Иванов, не знаю, состоял ли в СПР Олег Павлов, но для меня они — Союз писателей, потому что это крупнейшие современные прозаики. Это же касается и молодого поколения. Юрий Лунин, Максим Алпатов, Елена Жамбалова, Дарья Ильгова, Константин Комаров — внутренне я воспринимаю их частью Союза (хотя и уважаю их самоопределение или не-определение). Идея общего большого Союза может сплотить и «отцов», и «детей», потому что запрос на единый литературный процесс чрезвычайно высок. И тогда не имеет никакого значения, состоит ли хороший писатель в другом союзе, важно, что он у нас — и с ним и мы становимся сильнее. Повторю еще раз эту формулу: Союз писателей — это вся подлинная современная литература. Достижение этой задачи вряд ли возможно, но направление движения, на мой взгляд, единственно верное.

Оборонительная тактика и стремление быть частью, а не целым — первая и ключевая проблема, следующая из психологии катакомбы. Вторая проблема — практически полное отсутствие профессиональной критики в «нашем» литературном процессе. Ведь настоящая критика это, прежде всего, поиск истины, попытка разобраться и найти объективность. Но в состоянии внутренней эмиграции во внешнем мире истины априори быть не может, все внешнее можно только ругать. А внутри истина как будто и так есть, а значит и искать, и разбираться, по сути, не в чем. Я с большим удовольствием читаю статьи Вячеслава Лютого; приятно мне стремление журнала «Родная Ладога» к философской критике, продолжающей традиции «Москвы» Бородина и Кокшениевой; случаются иногда отдельные радостные находки, но подавляющее большинство того, что выдается за критику в консервативном литпроцессе, — это эссеистика или публицистика (тогда как, скажем, во внешнем поле остался академический журнал «Вопросы литературы», да и в некоторых условно «либеральных» толстых журналах и электронных ресурсах современная критика существует и развивается). Я говорю это не чтобы унижить нас, а чтобы поставить одну из самых острых проблем консервативного поля, напрямую следующую из скелета в шкафу поколения «отцов».

Критика — это уважение к явлению, даже если оно негативно или имеет отношение в основном к литературному процессу, а не собственно к подлинной литературе. Существует, например, уральская поэтическая школа — мощный концепт, и дело не в том, чтобы брезгливо отместить его, а в том, чтобы разобраться в причинах его существования. В 2000-е годы существовал «феномен Сенчина», автора вне-художественной прозы, которая вызывала восторг (сейчас то же самое происходит с текстами Александра Снегирева). И важно было не просто оценить качество текста, а еще и увидеть, что Сенчина ценят за специфическую «правду», выражающуюся в стремлении не сфальшивить против реальности в «светлую» сторону (не задумываясь о бесперывном уходе в крайность противоположную). И кстати, подобное явление имело место

и в XIX веке, но в отличие от сегодняшнего дня о Писемском серьезно высказывались тогда все большие критики.

Взамен критического осмысления мы зачастую имеем информационную войну: «наши» идеи и «наши» авторы должны быть продвинуты, а враждебные — подвергнуты порицанию. Но что мы называем враждебным? Яростную русофобию — так она и не нуждается в опровержении, как не нуждается в опровержении все маргинальное. Игру ради игры в литературе — так она уже лет двадцать как не в мейнстриме. Либерализм — а что мы понимаем под этим термином: публицистику в духе «Нового мира» Гвардовского или работы крупного критика Ирины Роднянской — или вдохновенный поиск без надежды обрести опору от тонкой и чуткой к любому проблеску таланта Валерии Пустовой? Пусть информационной войной занимаются публицисты вроде Захара Прилепина, давайте займемся делом, где есть «познание» и «воля» критика, а не только желание «как можно сильнее прокричать свое, пусть неглубокое» (потому что глубоко кричать невозможно, его можно только открывать в результате напряженного и последовательного поиска).

Второй важный вопрос, который отличает «отцов» и «детей», — это отношение к понятию «личность» и соотношение личного и общественного в жизни. Для «отцов», сформировавшихся в советскую эпоху, общественное выше личного, и мера признания этого первенства определяет для них меру любви к Родине (кстати, это свойственно и для «отцов» в либеральной части литературного процесса, только там общественное принимает форму антисоветского). С позиции «сына» я согласен с этим, но не как с безусловной установкой, которую «нужно» разделять. Признать общественное важнее собственного — это, прежде всего, выбор личности, а не некий наперед заданный нравственный закон. И если это выбор сознательный и твердый, а не просто следование навязанной норме, то это — высочайший уровень развития личности и может внушать огромное уважение. Но опять-таки первична здесь для меня сама личность и ее выбор. Поколению «отцов» же зачастую не важно, происходит принятие установки свободно или бездумно, глубоко ли укореняются «правильные» истины внутри или же остаются на уровне формулы.

Старшее поколение легко оперирует «безличными» категориями в духе Спинозы или Владимира Соловьева: «смысл существования России», «русская идея», «русский дух», «традиция», «нравственность» — зачастую это остается на уровне публицистики определенного направления, не спускаясь на уровень философской метафизики, возможной лишь там, где начинается самопознание и самоопределение личности. Замечательно это показано у специалиста по русской философии конца XX века Николая Ильина в его книге «Трагедия русской философии». Характерное следствие глубоко советского в плохом смысле стремления к подавлению личности — «комплекс родителя», знающего как правильно, а как неправильно, что нравственно, а что безнравственно, желающего всем вокруг «причинить добро», — явление чрезвычайно распространенное у поколения «отцов».

Конечно, так выглядит ситуация со стороны субъективного взгляда «сына», на деле же недостаточное внимание к личности и ее свободе стократно компенсируется у поколения «отцов» духовным напряжением жизни и умением больше действовать, чем рефлексировать о возможном действии, умением тащить на себе жизнь по установленной колее к тому, что воспринимается как добро. Это разные способы бытования в мире, обусловленные разными историческими условиями становления поколений. И потому с точки зрения публицистичности жизни поколение «отцов» кажется мне сильнее, но с точки зрения глубины осмысления подход «сынов» — перспективнее (с этой разницей связано, кстати, и то, что из двух крупных прозаиков, тридцатилетних Андрея Антипина и Юрия Лунина, «отцы» выше ценят близкого им по общественному пафосу Антипина, а «сыны» — психологически глубокого Лунина).

Разговор о личном и общественном — это еще и вопрос об идеологии. Мне кажется

ся, «идеологический» компонент возникал в русской литературе вовсе не благодаря тому, что сейчас понимают под словом идеология. Просто в какой-то момент крупная личность пленялась идеей, начинающей жить внутри нее и гореть, и тогда возникали и «Кто виноват?», и «Что делать?», и «Мать», и «Как закалялась сталь». Точно та же — природа воплощения идеи русского сопротивления в уже упомянутом мною романе Веры Галактионовой «Спящие от печали». Именно это горение личности, вдохновленной идеей и готовой ради нее на все, и определило «идеологичность» данных произведений — но при этом само горение было глубоко субъективно и лично — и потому, скорее, противоположно общественному смыслу понятия «идеология».

Впрочем, результаты даже такого горения вовсе не являлись высшей точкой развития русской литературы, потому что подлинная ее традиция зародилась в пушкинских поисках «истинного романтизма» и объективации и воплотилась в точной и чистой ноте рассказчика «Капитанской дочки». Эта точка виденья была по возможности очищена от субъективного напряжения, из нее мир обозревался — в его целостности и полноте — незамутненным пусть мощной и яркой, но все-таки субъективной авторской страстью. Русская критика ценила этот объективный взгляд выше идейной страсти и тщательно отслеживала его развитие (скажем, в работах Николая Страхова о связи образа Белкина с образом автора «Войны и мира»). Позже в русской литературе появился новый метод, а именно — столкновение идей, воплощенных в личностях (первым заговорил об этом Розанов в статье о Великом инквизиторе, а потом это нашло воплощение в спекуляциях на тему полифонии Достоевского у Бахтина), но в любом случае и этот метод был также крайне далек от субъективного горения личности автора одной идеей и уж точно бесконечно далек от прямой идеологии.

И здесь условная позиция «сынов» по отношению к первичности категории личности кажется мне более зрелой. И как ни парадоксально для кого-то, более близкой нашей национальной традиции.

В отношениях между «отцами» и «детьми» важную роль играет поколение «дедов», и не сказать здесь о нем значило бы не показать ситуацию во всем ее объеме. «Деды» — это или молодые фронтовики, или дети войны, зачастую это люди с крепким нравственным стержнем — цельные личности, выточенные как бы из одного куска камня. Я хорошо знаю это чувство, когда приезжаешь в регион и встречаешь там писателя старшего поколения, который вдруг скажет что-то простое, но весомое, и словно Лобанов через него к тебе обратился, и нравственное зерно то же, и даже интонация та же. Отношения с такими людьми выстраиваются сами собой на их безусловном духовном первенстве, но они не утверждают это первенство специально, не требуют его. Тот же Михаил Лобанов, будучи втрое старше нас, его студентов, никогда не подавлял нас, мы всегда видели только интерес к нам и уважение к нашей свободной воле. Как вам писать и думать — ваше дело, словно бы говорил он, но я сейчас скажу вам, как думаю и вижу я, и я всей своей жизнью доказал право так думать и видеть — и мы слушали и в каком-то смысле безусловно подчинились, но это происходило органично, без напряженного нравоучения (как это зачастую делают «отцы»).

Поколение «дедов» — это поколение титанов: и нравственных, и творческих. Если говорить непосредственно о критике, то для меня вполне очевидно, что Кожинов, Лобанов и Палиевский — фигуры полета Белинского, Григорьева и Розанова, высокие ноты традиции, нуждающиеся в осмыслении. Их младшие современники, «отцы», зачастую испытывают вдохновенное поклонение перед их борьбой за русскую идею, но игнорируют вклад собственно в литературу. Или же настолько уважают их авторитет, что принимают наследие «дедов» безусловно, не умея или не желая переработать его творчески (подобно тому, как Чернышевский в статьях о Белинском мог лишь цитировать его огромными кусками, изредка вставляя свои одобрительные комментарии). На первом круглом столе Совета по критике уважаемый и любимый мною

Юрий Павлов сказал: все, что нужно знать о назначении критика, читайте в работах Кожина «Самое легкое и самое трудное дело» и «Познание и воля критика». Это отличные статьи, и я признателен Юрию Михайловичу за то, что в свое время открыл их, но неужели в двух крошечных заметках Кожина высказал все раз и навсегда? Разве не появились у нас сейчас новые вызовы, например, крайне востребованная сегодняшним читателем «рекомендательная» критика а-ля Галина Юзефович или Лев Данилкин? Можно ли говорить на языке этого формата, но не уходить в коммерческую рецензию, а оставаться в поле поиска истины? Нуждается в глубоком осмыслении, например, вопрос о новаторстве подхода к психологическому образу у Лобанова (вопрос, имеющий богатую предысторию: берущий начало в «психологическом вопросе» Павла Анненкова; разработанный Константином Леонтьевым в статье «Анализ, стиль и веяние...» на материале романов Льва Толстого; доведенный до целого мира в работах Лидии Гинзбург). А, например, вопрос о внятной природе художественной литературы, о котором говорил Палиевский: погружение в него дало бы нам пищу для трезвого осмысления многих современных поэтических опытов, находящихся в сфере языковых или смысловых находок (опять же — дело не в том, чтобы брезгливо отмахнуться, а в том, чтобы понять суть проблемы). И, пожалуй, самое важное — поставленный двести лет назад и вполне решенный русскими критиками второй половины XIX века вопрос о художественной ценности (как объемной и объективной правде о мире, воплощенной в личности). Наследие «дедов» огромно — и «отцам», и «детям» есть, что найти в нем (не игнорируя и противоречивость вопросов, которые уж никак нельзя свести к схеме «либералы-патриоты», — скажем оторванность Юрия Кузнецова от пушкинской традиции по Глушковой или настойчивое сопоставление Белова и Битова у Кожина). И это — только критика (достижения «дедов» в поэзии и прозе общеизвестны).

И вот мы опять вернулись к тому, что традиция и, в частности, ее последняя полноценно взятая нота, чрезвычайно высокая нота поколения «дедов», — это то, что нас действительно объединяет. Что же касается совместного существования в организации литературного процесса, видимо, есть лишь один выход: научиться слушать друг друга и принимать друг друга при всех различиях и противоречиях. Отцам — уважать свободу личности, понимать острейшее нежелание находиться в оборонительной позиции и стремление объединять все, что имеет художественную и критическую ценность в современном литературном процессе. Принять молодых как вполне состоявшихся здоровых тридцати-сорокалетних людей, которым достаточно только доверия, чтобы работать. А сынам понять, что доверие подразумевает ответственность, что они тоже отвечают за наш Союз и за современную литературу. Уважать отцов за их опыт и профессионализм, понять их желание быть для нас тем, чем были «деды» для них. Сказать спасибо за катакомбы, в которых хотя бы «принято» говорить о традиции, в которых существуют великие Кожина и Лобанова, мы и не знали бы их без работы отцов по сохранению наследия.

Принять отцов с их трагедией и судьбой. Судьбой, которой у нас пока еще нет.

Мария Знобищева

МЫ — ПТИЦЫ ОДНОЙ СТАИ

Разговор о таланте, отмеренном тому или иному поколению поэтов, — это, на самом деле, разговор о даре человечности и любви. Душа поэта должна быть идеально настроена, потому что она и есть наш главный инструмент. Идеальной настройке противостоит «окамененное нечувствие» — та стадия равнодушия к ближним, на которой они воспринимаются уже как дальние. Маленькие человечки, едва различимые с вершины той горы, имя которой — гордость, — это уже не ближние. В подобном ракурсе художественного зрения не может быть любви.

В своем поэтическом «Памятнике» А.С. Пушкин оставил поэтам будущего три свидетельства о содеянном: «...чувства добрые я лирой пробуждал», «в мой жестокий век восславил я свободу», «милость к падшим призывал». Три столпа, на которых держалась его поэзия: добро, свобода и милосердие. А выше всего этого — то, из чего они воздвигнуты силой божественной лепки, — любовь. Но главное — дальше: «Веленью божьему, о муза, будь послушна». Не своевольному человечьему хотению, но — божьему веленью.

Старо как мир, но ничего важнее и больше — не скажешь. На сотни и тысячи лет вперед нам дан путь, идти по которому иначе не получится. Только со словами молитвы: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей». Любви противостоит гордыня, отделение себя от других — верный признак того, что мы в нее впадаем.

В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» о трех источниках лирического размышлял в свое время Н.В. Гоголь. Он видел эти источники в «самом языке нашем», высшие образцы которого явлены в «слове пастырей», в народной песне и в русских пословицах с их житейской иронией, афористической точностью, добрым юмором. В статьях о Пушкине Гоголь продолжил пушкинскую мысль о том, что «слова поэта суть дела его», развивая мессианскую концепцию «поэта-пророка», заданную Державиным, Пушкиным и Лермонтовым.

Думается, источники поэзии не оскудели и ныне. Они напитали русский литературный язык, который продолжает быть основой языка поэтического и в поэтической речи находит возможность нет-нет да и показать свои редкие, в других контекстах не востребованные сокровища. А вот что касается парадигматики поэтического поведения (если можно назвать ее так), то здесь не все однозначно.

В начале нулевых среди моих молодых друзей был распространен синдром, который мы в шутку называли «синдромом послебродскости». Он означал невозможность писать на прежнем поэтическом языке, который существовал до Бродского. Для одних эта невозможность вылилась в специфическую подражательную интонационную манеру, для других — в абсолютный уход из поэзии в другие формы литературы и искусства.

Между тем, примеряя форму, чуждую нашему существу, мы примеряем на себя и стоящее за ней содержание, которое подчас, словно платье на вырост, делает нас нелепыми. Забавно было читать строки своих вполне розовощеких ровесников о бескрайнем одиночестве на просторах «российской ойкумены», расшифровывать многокилометровые лингвистические ребусы, суть которых стремилась к нулю.

Наметилось весьма специфичное отношение к «почве» как пристающей к новеньким туфлям центрально-черноземной грязи, осложняющей выход на паркет большого литературного бала. Однако жизнь без корней оказалась непродолжительной. Наметилась проблема поиска новых ориентиров, поворот к традиции, к космосу Ю.П. Кузнецова, стремление осваивать вертикаль, а не горизонталь русского поэтического пространства.

Почему мы говорим о поколениях «отцов» и «детей» в поэзии? Зачем делим поэтов на старших и младших? Не потому ведь, что «дети» еще только учатся ходить, еще многое делают наугад и не боятся «изукрасить» словесный узор подслушанным на улице словом. Мы говорим о разной степени включенности в традицию, а также о том, как меняются духовные координаты художественного пространства по мере обретения жизненного и творческого опыта.

Молодое самолюбование, игривые и радостные попытки найти отражение себя и собственных чувств в каждом образе и явлении по-своему прекрасны, но не могут длиться вечно. На переходе к другим поэтическим задачам важно осознать, насколько выросло твое сердце, какова его «вместимость», а следовательно — наполненность. С даром любви, безусловно, рождаются. Задача поэта — не растратить его на безделки, взрастить, продлить в пространстве и времени.

Этому не научат ни в школе, ни в Литературном институте. Это, по-пушкински, каждый должен сделать из себя сам. Как говорится, требуется судьба, некий сюжет жизни, дающий право на тот или иной путь в поэзии. Но не стоит отказывать в праве писания тем, чья жизнь не выходит из внешних границ общечеловеческой нормы. Если каждому дается по его силам, то пусть «каждый пишет, как он дышит», важны любые проявления истинно художественного — от великих полотен до акварельных миниатюр.

Обращаясь к тургеневской метафоре, хочется вернуться к сути конфликта поколений, разыгравшегося между Базаровым и семейством Кирсановых. Аристократичного Павла Петровича, как вы помните, раздражала непочтительная манера поведения «Аркашиного приятеля». Базаров с треском ломал рамки этикетной нормы, доставляя Павлу Петровичу почти физические страдания.

Не так ли происходит в современной поэзии? Шум и треск, которыми окружены отдельные явления молодого поэтического мейнстрима, действуют на слух некоторых ревнителей нормы раздражающе. Вопрос в том, почему? Видят ли они в этом действительную угрозу? Чувствуют ли колебание пушкинских столпов? Это уже вопрос к «отцам».

Нам же представляется, что такие явления — не новость. Очередные «нагрянувшие гунны» от литературы «пошумят, да перестанут», и колеблемый «в детской ревности» треножник не опрокинется. Вопрос в сути и обоснованности протеста, если таковой вообще имеется.

Боюсь, что никакого качественного протеста со стороны нынешних «детей» просто нет. Почему боюсь? Да потому, что у большинства не хватает энергии серьезно

оспаривать старое. Соответственно, нет и возможности противопоставить старому что-то новое (формальные эксперименты и очередной каскад поэтического новояза — не в счет). Значит, нет естественного и необходимого столкновения противоположностей, нет обновляющей силы, которая породила бы иной уровень поэтического мышления.

Получается, что глубинный конфликт отсутствует. Есть те, кто добродушно посмеивается над верностью иных художников канонам соцреализма. Есть те, кто делает вид, что современной поэзии нет. Но желания что-то друг другу доказывать, дразнить и провоцировать мэтров, вызывая их на поэтический турнир, нет.

Отдельные же проявления поколенческих распрей касаются, скорее, формальной стороны творчества: способов распространения текстов (книга или интернет), отношению к пиару, популярности в народе, борьбы за премии.

Различия между поэтами, как видится, заключены не в возрасте, не в принадлежности к поколению, а в наличии либо отсутствии поэтической совести, в отношении пишущих к сакральной сущности слова. Проблемы поэтической этики сейчас первостепенны. Кажется, что правят бал отнюдь не послушные «вельнью божьему» музы. Кимвал бряцающий слышнее лиры — так уж устроен мир. Но это не означает, что поэзия умирает.

Причины конфликта поколений нередко кроются в нежелании младших слушаться старших. Но здесь важно уйти от схемы. Преклоняться перед старшим коллегой только потому, что он уже сорок лет состоит членом Союза писателей и воспеваает березы у крыльца, в наше время нелепо. А если «старшие» выступают как трансляторы космических смыслов и духовных откровений, почему бы к ним не прислушаться?

Возвращаемся к вертикальной модели роста. Преодолеваем человеческое, восходим к божественному. Не слушаем старших, тогда — кого? Послушны ли «вельнью божьему» молодые музы? Мне думается, что однозначного ответа нет. Поэт — существо свободное, рожденное сопротивляться обобщениям. У каждого свой путь и своя вера. Когда для того или иного художника настанет время сложить знамена неверия — и настанет ли, — решать не «отцам». Заставить верить поголовно — не получится.

Смысл творчества — в созидании. Если поколение отрицает, созидая, оно породит великого поэта, и не одного. Если поколение не отрицает, но созидает, плывя по привычному руслу, — это тоже неплохо. Поэты будут — быть может, хорошие, но вряд ли — великие. Если же нет ни отрицания, ни созидания, приходится констатировать смерть, духовное охлаждение, ибо страшнее всего тот, кто «не холоден, не горяч». Он просто недееспособен как художник.

Тут мы подходим к самому больному вопросу современности: к битве за человеческую душу. Увы, она разворачивается не на страницах литературных журналов. И поэт сейчас «больше, чем поэт» в том смысле, что ему, если он настоящий, приходится делать все, чтобы быть достойным воином в этой битве: уходить в публицистику, педагогику, медицину и даже — в ненавистную политику. Необычайно важен в наши дни институт наставничества. Слава Богу, эта традиция на Руси еще крепка. Исходя из собственного опыта, свидетельствую, что старшие помогают младшим много и охотно. Правда, не у всех начинающих есть встречное желание быть охваченными чьей-либо заботой (и тут приходится констатировать молодежный поведенческий кризис: увы, не все сегодня способны испытывать благодарность).

Словом по-прежнему можно спасти, но многие ли услышат его за шумом нового времени? Возвращаясь к Тургеневу, «как не впасть в отчаянье при виде всего, что совершается дома?» Удержать свою душу на той высоте, где царствуют истина, добро и красота, — задача титаническая. И этого мало. Из нее, из этой скорчившейся от боли души необходимо извлечь нечто такое, что объяснит, почему стреляют друг в друга братья, почему сгорают дети, почему до отдельно взятого, пахнущего материнским молоком человека никому на земле по-прежнему нет дела.

Мы подходим к вопросу о масштабе личности поэта, о духовном воспитании и самовоспитании как его основе. В ситуации полного нивелирования нравственных ценностей, глобальной усталости человечества от сложившегося культа потребления перед поэзией открываются две прямо противоположные перспективы: навсегда сойти с арены общественной жизни, превратившись в удовольствие для узкого круга эстетов, или стать оздоровительной духовной силой, предлагающей людям иные способы постижения мира.

До того ли сейчас, чтобы «детям» мериться ростом с «отцами»? Все мы — птицы одной стаи, воины войска Господня: малые или великие. Наступает время преодолеть любые разделения и осознать, для чего мы живем и пишем. Нет правых и нет виноватых, нет своих и чужих, нет молодых и старых. Есть только свет и тьма, обступающие нас каждую минуту. Есть общие задачи, которые с одинаковой силой призывают к себе и тех, кто только начал писать, и тех, кто сформировал своим творчеством целую литературную эпоху.

Поэзия — это путь преодоления мрака — прежде всего в нас самих, в сердце каждого художника. Если такая победа одержана, поэт найдет своего читателя и, даст Бог, поможет еще кому-то.

Что же до «отцов» и «детей», то роман Тургенева — это история любви, а не вражды. Вся она, от нежного материнского «Еньюша» до последней минуты жизни Базарова, проникнута любовью. Самое важное в названии романа — союз «и». Соединительный, а не разделительный. Где «отцы» — там и «дети», где начало — там и продолжение, многослойное, разное по качеству, но бесконечно длящееся во времени.

Так и в поэзии. Старое и новое причудливо перемешаны. Для вечности 20-30 лет, разделяющие два поколения, не значат ничего. Утихнет легкая буря, всех и вся успокоят летейские воды. Останется журчанье струй, да шелест камыша у берега, да свистящие над берегом стрижи, да облака над ними. И чей-то легкий шаг, и новая, замирающая от земной красоты душа, и звонкий голос... «А быть или нет / Стихам на Руси — / Потоки спроси, / Потомков спроси...»

Елизавета Сергеевна Мартынова (Данилова) родилась в городе Саратове. Окончила Саратовский государственный университет. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Волга — XXI век», «Луч», «Подъём», «Введенская сторона», альманахе «Новые писатели России», сборнике «Новые имена в поэзии». Автор книг «Письма другу», «На окраине века», «Свет в окне», «Собеседник». Лауреат премии имени Юрия Кузнецова журнала «Наш современник». Главный редактор журнала «Волга — XXI век». Живет в Саратове.

Елизавета Мартынова

ТРАДИЦИЯ КАК ВЫБОР

1

Прежде чем говорить о традиции и новаторстве, «отцах» и «детях» в поэзии, стоит определиться с тем, что такое на сегодняшний день традиция и новаторство и каково соотношение поэтических поколений в литературе. Эти вопросы очень важны. Думаю, что каждый из пишущих и просто любящих литературу задавался вопросом: что происходит с поэзией в настоящее время? Влияет ли на поэта осознание пройденного рубежа — между вторым и третьим тысячелетиями, или век новый, а поэзия вечна, лишена признаков времени?

Влияние времени более всего ощущается в поэзии традиционной, неавангардной, когда поэт напрямую говорит о своей эпохе и современниках. Хорошо сказал о традиции поэт Евгений Винокуров: «Чтобы быть традиционным, нужен талант, нужна сила. Нужна мощь, нужна творческая дерзость, чтобы подключиться к традиции... Традиция — это не чулан с устаревшими вещами, ветошью и рухлядью. Традиция — это лучшее, что отстоялось, это все живое, что осталось жить для нас...»

Все большее число читателей отдает предпочтение традиционному направлению. Стихам реалистическим, где перед нами предстает живой человек в его неповторимой индивидуальности. Автор таких стихов отказывается от игровых изысков не потому, что «не умеет» использовать

тот или иной прием, демонстрирующий изобретательность и эрудицию. А потому, что его творение подчиняется чувству, диктуется «тайной свободой», воспетой Пушкиным и восхищавшей Блока.

Для начинающего писать стихи автора проблема заключается в том, что понимать под традицией. Какую выбрать точку отсчета. Традицию Пушкина? Или то, что нам досталось в наследство от Серебряного века? Или от советской поэзии? Или традиция — дорога, ведущая от Пушкина к Серебряному веку, а от него — к современности... Ведь и поэзия постмодернизма должна обладать своими традициями.

Да, должна. Но в начале XXI века, в зыбкой ситуации окраинности, постмодернизм постепенно утрачивает (да фактически уже утратил) доселе незыблемые позиции. Начать с того, что тем, кто существует в системе постмодернизма, вдруг почему-то стало тяжело дышать воздухом абсолютной свободы. Друг друга отражают зеркала, а первой реальности как бы и нет.

Это ощущение у меня появилось, когда я начала писать стихи и интересоваться тем, что в современной поэзии происходит. Тогда же у меня у самой появился вопрос о соотношении поэтических поколений, «отцов и детей». В нашем городе я столкнулась с не очень приятной ситуацией. Точнее, с резким контрастом и неприятием друг друга так называемого официоза и местного андеграунда. И это не было контрастом поколений, отцы не были исключительно «традиционалистами», а те, кто помоложе — «новаторами». Это был собственный выбор не только какого-то одного литературного направления, своих литературных изданий и собратьев по перу, но и выбор жизненной позиции.

С одной стороны, торжествовал официоз (не советский, как утверждали не переболевшие прошлым газеты, но вполне себе осовремененный), брендом которого являлся Н.Е. Палькин. Его имя действительно у саратовцев на слуху. Прочие благородно пребывали в тени.

С другой стороны — современный андеграунд, о существовании которого было широко известно в узких кругах. Большинству же читателей имена писателей саратовского андеграунда и авторов «актуальной поэзии» известны не были. Но в статьях местных СМИ преобладали материалы как раз-таки о них, поскольку, надо признать, представители «актуальной поэзии» были более активными.

Так что лиц, имен, дискуссий не было. Были направления, станы, как угодно, которые старались не замечать — и не замечают — друг друга (редкие выяснения отношений в прессе вряд ли можно назвать дискуссиями).

А между тем существовал и ряд поэтов-«одиночек» (вот они-то мне и были по настоящему интересны), которых нельзя отнести ни к андеграунду, ни к официозу. Поэты среднего «непроявленного поколения» не вписались в рамки сковывающего творческую свободу официоза, не вошли в состав андеграундных групп, так как были приверженцами традиции.

Получилось так, что называемые «новаторами» были мне чужды, оттого что поэзия для них была просто игрой, а роль поэта — просто ролью. В традиционной поэзии «дышит почва и судьба», и мне это оказалось понятно и близко. Представители же местного официоза предполагали, что прилично пишущих молодых авторов не существует в природе — и не только в Саратове (об этом можно судить, например, по статье Н.Е. Палькина «Когда же придет новый Пушкин?»). Так что пришлось мне тогда, в начале двухтысячных годов, сделать выводы, для себя неожиданные. Видимо, традиция и новаторство — это совсем другое. Видимо, дело не в поколенческом конфликте. Конфликт этот лежал вне поэзии, более того, она вообще была тут ни при чем. Кажущийся поколенческий конфликт был связан не с ней, а с особенностями околосредовой жизни.

Как мне кажется, любое новое поэтическое поколение — это не обязательно авангард (то есть такое поколение, которое пытается сбросить предыдущее с «парохода современности»). По крайней мере, со времен появления «актуальной поэзии» я этого не наблюдала. Но «актуальная поэзия» — это, по-моему, своего рода вторичный футуризм, опять же, вторично осложненный перформансом (то есть по сути — нелитературными элементами).

Лично я против чисто формального новаторства (такого, которое подвигает автора осознанно отличаться от других и не быть собой, а быть особенным). Когда же возможность стать собой — в жизни, в мире, в языке, в литературе — начинает реализовываться, то тут уже особенности поэтического дара проявляются естественным путем. Если этот дар есть, конечно.

В нашем сознании новаторские течения прочно связаны с появлением литературных групп, школ, т.е. с явлениями коллективными. Объединение дает уверенность в том, что писатель не «заблудился», а руководствуется выверенными и современными ориентирами. Но создание специальной школы, литературной группы в конечном счете ограничивает человека, в начале, возможно, поддерживая его известность, активность в современном литературном процессе. Не может быть единых коллективных рамок для развития, любая самая новаторская теория «словотворчества» ставит предел возможностям поэта. Любое единодушие временно (примеры из Серебряного века).

И все-таки при том, что объединения авторов по творческим мотивам не вечны, они все равно создаются. И стоит задуматься, для чего и почему появляются группы, школы — и само стремление к новаторству. Во-первых, эти группы, как правило, составляют люди молодые, для которых все в жизни открывается впервые и которые отмечают прошлое, просто потому, что оно прошлое. И их желание создать нечто новое совершенно естественно. Но только когда они пройдут свой жизненный круг — круг опыта жизненного и художественного, тогда то, что было в литературе до них, будет освещено новым светом.

Часто молодых поэтов упрекают в том, что они «изобретают велосипед», указывают, что необходимо читать, учиться. Собственно, для учебы и нужны студии, семинары и литературные форумы. И тогда тот, кто умеет учиться, действительно учится. Ну, а кто-то не умеет и не может — с этим ничего не поделать, не все станут поэтами...

Но иногда происходит вот какая интересная вещь. Научившийся, усвоивший современные техники, веяния и проч. автор начинает писать грамотно, он публикуется — и в толстых журналах в том числе (его же научили писать так, как надо), но на себя-то он не похож. Он похож на основную массу, на направление.

Да, обучать молодого автора необходимо. Но, думаю, лучше, если ученик сам найдет своего учителя — по своему душевному складу. И нужно давать возможность начинающему изобретать этот самый наивный велосипед, даже в нарушение законов ремесла. Воздух и рост нужны в самом начале без ограничений. «Охлаждение мастерства» (образ из стихотворения Владимира Соколова о Лермонтове) все равно наступит, если поэт захочет учиться и этого мастерства достичь.

Молодой поэт растёт благодаря прочитанной классике, из самостоятельно выбранных современных книг. Если этой базы нет — не будет и тяги писать душой, а не просто выплескивать эмоции (что вполне возможно и без стихов).

Говоря об «изобретении велосипеда», я имею в виду, что поэт в самом начале своего творческого пути может изображать чистые душевные движения, незамутненность и неповторимость которых почти всегда неизбежно утрачивается (но это не значит, что стихи становятся хуже). Вот эта чистота душевного движения, динамика, поднимающая стихотворение ввысь, — лучшее новаторство.

Есть еще один важный аспект творческих изменений и новшеств, связанный с приходом молодого поэтического поколения. Мы понимаем, что в живом языке постоянно происходят изменения, появляются новые слова, обороты, интонации. А поэтический язык при этом постоянно вроде бы стоит на месте. Ему свойственно хранить старые формы, как словарю, и это прекрасно. И все же изменения проникают в него.

Это происходит по-разному. Если стихийно, насильственно и случайно — получается «актуальная поэзия», газетная статья в стихотворный столбик. Но если современник переплавляет разговорную стихию в поэзию бережно, то возникает настоящее новаторство. Это его, кроме чистоты душевного движения, вторая сторона. Пример Пушкина всегда современен.

Есть и обратное — возвращение к прежней традиции: возвращение Тютчева к Державину, возвращение поэтов «парижской ноты» к классике. К ней же пришел Георгий Иванов. Владислав Ходасевич, по его словам, «привил-таки классическую розу к советскому дичку».

Не очень люблю вывихнутый синтаксис и нарочитую архаизацию. Но и эти крайности возможны как эксперимент, как шаг к более гармоничному поэтическому миру, как пауза перед ним. Традиция не связана с подражанием и стилизацией, о которой иронически говорит Владимир Набоков в романе «Дар»:

«Он в стихах, полных модных банальностей, воспевал “горчайшую” любовь к России: есенинскую осень, голубизну блоковских болот, снежок на торцах акмеизма и тот невский гранит, на котором едва уже различим след пушкинского локтя... Эпитеты, жившие у него в гортани, — “невероятный”, “хладный”, “прекрасный”, — эпитеты, жадно употребляемые поэтами его поколения, обманутыми тем, что архаизмы, прозаизмы или просто обедневшие слова вроде “роза”, совершив полный круг жизни, получали теперь в стихах как бы неожиданную свежесть, возвращаясь с другой стороны... эти слова делали еще один полукрут, снова являя свою ветхую нищету. ...И все это было выражено бледно, кое-как, со множеством неправильностей в ударениях...»

Набоков здесь говорит о чисто внешнем, формальном восприятии традиции как совокупности приемов и эклектичном копировании образов классиков. Цитата свидетельствует о том, что ничего со времен Набокова не изменилось, и всегда живое и органичное ее восприятие было трудным — более трудным, чем попытка чистого отрицания.

Часто эти два процесса — усвоение традиции во всей ее глубине и родственности, а также соединение, гармонизация ее с живым разговорным языком — происходят одновременно (Борис Рыжий).

Думается, сейчас необходимо восприятие традиции во всей ее полноте, ее понимание — в ней содержатся такие источники нового, которых нет ни в авангардной поэзии XX века, ни в модернизме, ни в метафоризме (это только ее исторические ответвления, боковые ветви).

3

Что происходит в современном поэтическом мире молодых? Попробую соринтировать, несмотря на то, что он очень пестрый. Во-первых, огромное количество пишущего народа, поголовная грамотность внешнего толка. Оставив в стороне тех, кто не владеет техникой на уровне ремесла, мы все равно получим значительное число способных версификаторов.

Беда их в том, что они в своих текстах ведут себя как новаторы, усвоив чужие приемы (модернистские, постмодернистские или так называемые традиционные — вот как раз то, о чем говорил Набоков), чистота душевного движения в их стихах утрачена (если она была), и литературной образованности тоже нет, есть полубообразованность.

Но все-таки вторичность этих стихотворных произведений — не главное. Главное в том, что у молодых авторов, даже очень способных, утрачены жизненные и творческие ориентиры — и смысл самого создания стихотворения. Остатки его заключаются, во первых, в выплеске эмоций, в психотерапевтическом эффекте самого процесса письма и, во вторых, — в самоутверждении (и тут появляются так называемые художественные средства, в основном сводящиеся к штампам и красотам). «Цели нет передо мною, сердце пусто, празден ум». Лирический герой в этих стихотворениях ощущает только пустоту жизни, а автор не чувствует поэтической цели. Поэтому если смешать строки из стихов нескольких десятков случайно выбранных (допустим, с одного литературного конкурса) авторов, то, скорее всего, индивидуального мы в них не увидим.

Вот эта бесцельность и пустота как определяющие черты меня очень настораживают. Слишком этого много, впрочем, как и эпигонства. Под Бродского уже писать стало не модно, зато интонации Бориса Рыжего встречаются очень часто. Опять же это не продолжение традиции, а стилизация, копия. Можно быть и талантливым копиистом, но при этом осознавать границы своих возможностей.

Выбор поэтических ориентиров тоже иногда мне кажется странным, эклектичным. На поэтических семинарах молодые писатели называют имена Евтушенко, Вознесенского, и тут же Иосифа Бродского и Юрия Казарина. Ну и Бориса Рыжего, конечно. Но почти никто не вспоминает Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Владимира Соколова, Алексея Прасолова, Анатолия Передреева, Николая Тряпкина, более близких по времени поэтов: Николая Зиновьева, Светланы Сырневой, Дианы Кан, Александра Нестругина, Евгения Семичева, Сергея Васильева и других, тех, кто по сути и является продолжателями русской литературной традиции.

Чем такой выбор имен обусловлен, для меня загадка. Скорее всего, всеядностью и неумением выстроить для себя внутреннюю иерархию.

Но среди молодых поэтов есть и те, кто эту иерархию выстроил, кто выбрал для себя путь и цель. В каждом регионе — и мне как литературному редактору приходилось в этом не раз убеждаться — появились интересные молодые поэты, перспективные в своем творческом росте. Они усваивают, впитывают многообразие русской поэтической традиции, руководствуясь своим вкусом. Это Руслан Кошкин, Мария Знобищева, Карина Сейдаметова — те, кого знаю уже давно, и мне кажется, что они уже как поэты сложились. Из тех, кого узнала позже — Григорий Шувалов и Мария Четверикова, Влада Баронец и Иван Александровский.

На семинарах и форумах всегда были перспективные поэты, но большинство из них все-таки в процессе роста. Мне интересно, что получится из Александра Рухлова, Павла Великжанина, Василия Нацентова. За последнее время отметила для себя стихи Александра Тихонова, Дмитрия Ханина, Елены Жамбаловой.

Объединяет их всех то, что в эпоху расчеловечивания и преобладания внешних ценностей — они это истинно человеческое находят и расчеловечиванию противостоят. Во-первых, молодые поэты пытаются понять себя во времени, в традиции, осознать, что они тоже ее «прочное звено» (В.Ф. Ходасевич). Поэтому так много у них стихов о родстве, родственниках, предках. О связях с прошлым. Эта возможность понимания человеческой жизни во времени — показатель творческой зрелости.

Интересно, как переплавляются традиции и влияния в стихах молодых авторов с их собственным жизненным опытом, с чистотой душевного движения, с сочувствием к другому человеку, с проникновением в судьбу современника. Создается свой индивидуальный узор, который можно было иной раз и покриковать за нечеткость или декларативность, но все-таки главное в том, что интонация найдена, и за стихами я вижу «внутреннего человека», опыт гармонизации современности, объединения временных пластов («время собирать камни», и они их собирают). Вижу я и влияние старших современников-поэтов, это прекрасно, что у них есть учителя из современности, живой источник поэтического слова. Традиция не прерывается.

Сергей Евгеньевич Рыбкин родился в 1995 году в Воронеже. Окончил экономический факультет Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах «Юность», «Кольцо А», «Подъём», газете «Мысли(!)», в литературных интернет-изданиях «Сетевая словесность» и «Прочтение». Автор книги стихов «Вдали от людей». Лауреат Исаевской премии для молодых литераторов Воронежской области (2021). Участник Форума молодых писателей России (Липки) и семинаров Союза писателей Москвы. Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Сергей Рыбкин

ПРЕДЧУВСТВИЕ СТИХОВ СВЕТЛОВЛОСОСЫХ

* * *

Вечерний чай — спокойная вода
стекло толочь на букочки и звуки
мы вышли в луг, блестящий как слюда —
деленье звезд
на россыпи, на штуки
идешь вперед — до пояса трава
жужжат в песке растерянные осы
жужжанье ос похоже на слова —
предчувствие стихов светловолосых...

* * *

ночь открыта
любой заходи — не вернешься
не спрячешься от
постоянного гула
который смолкаем
и снова разбросан
как черные бусы на пол
это все не приколы
как когда-то со мной говорили
соседские девочки как сувениры
носили с собой перезвон
и я их любил
но шум их звенящий не слушал

а вырос — так вовсе
ношу тишину в рукавах
в высоком и легком
как дудочка воротнике.

* * *

Словно угол был остр,
а потом мы его развернули,
стала жизнь широка и открыта, на вдох
натыкается воздух, затянутый в горло, как пули —
свитер колется в грудь — не заметить я боли не мог.

Будто боли боясь, вопреки тишине и рассудку
где-то слово росло и купалось в молитве и тьме,
мы крестили его, уложили в грудную каютку —
повторяли его в тишине.

И, робея, боялись, что слово исчезнет в быту,
что откажутся буквы стоять в нерушимом порядке,
берегли его так, будто слово попало в беду —
поливали его и пололи, как летние грядки.

Вот и выросло все — т.е. слово окрепло и вышло
в неприветливый мир, не попало в его колею,
мы остались одни, провожали его, еле слышно
повторяли: «люблю».

* * *

Хочешь выйти в окно, только первый этаж
Слава богу не вырос и выше него не подняться
Только выткать молитву из уличных ламп
Только штору со свадебным платьем
Перепутать и словно за руку твою за нее подержаться

Мир шатается наш и без нас совершает круженье
Когда яблоки снега наливом легли на асфальт
И ты так далеко, что весь воздух изучен кругом
И твое отраженье
На всех окнах моих невозможно поймать.

* * *

Как страшно жить, когда ты в наготе,
в распахнутом окне под сквозняками,
и ночь рисует солнце в темноте
чернилами густыми.

Ходят сами

по комнате предметы — говорят
о завтрашнем полете, о вчерашнем
падении, и лампочки горят
над миром,

путеводными не ставши.

Мне дышится прерывно и внатяг,
чужие люди шепчутся у окон,
влюбленные над городом летят
и вьют из яблонь яблоневого кокона.
Но сколько их, летящих надо мной, —
сцепившихся и спрятанных на крышах?
Любовь стучит, как будто домовою...

Я ничего не слышу.

* * *

речь воды — это слитные слезы
это крупные капли разжавшихся волн
так друг друга сбивают слепые стрекозы
когда полдень травой уже заговорен
солнце выпало в небо и на гамаке
раскачалось, лучами под ноги швырнуло
я морщину увидел в дрожащей строке
эту зрелость и злость стихотворного гула
как бы выпасть в траву, виноградом врасти
в эту вязку зеленую, сонную тяжесть
в эту часть обреченной на муки Земли
разделенную памятью на шесть

* * *

есть только мы — домашний наш уют
никем не нарушаем, в полушаге
межкомнатные двери пропоют
густую тишину, на полушарье
простых вещей и шепота в быту
лишь мы вдвоем — мелодия ночная,
я ставлю чайник старый на плиту,
тебя к теплу невольно приучая,
и только жду, когда он запоет,
пронзая лед оконного проема,
и комната как будто оживет —
ты подойдешь ко мне, с тобой придет
вся жизнь моя и ощущение дома.

Екатерина Стрельникова

НЕ МИФ О МАЯКОВСКОМ

(Новый взгляд на раннее творчество поэта)

1. Человек

При разговоре о Маяковском в первую очередь важны две вещи:
— он не идол-трибун;
— он не разрушитель всего.

Из отказа от этих мифов следует свобода в дальнейших суждениях. Мифы (в бытовом их понимании) мешают нашей объективности при подходе к осмыслению любого вопроса. Их не стоит недооценивать. Их притягательная мощь потому и сильна, что находит объяснения всему и сразу, создает собственную иерархию и ценностей, и нравственностей, под которую подстраивает любой факт — исторический, культурный, литературный. Жить в мифе означает отказаться от собственной логики и признать недееспособность своего мышления. Жить в мифе проще, чем раскрыть глаза. Жить в мифе малодушно, если ты осознаешь его пределы, но осознанно за них не выходишь.

Проблема Маяковского — в том, насколько устойчив сложившийся о нем миф как о поэте, чьим единственным устремлением была революционная борьба, а патологической страстью — разрушение всего, к чему он прикасается. Устойчивость этого мифа объяснима огромной литературоведческой традицией — но и преодолима силой исследовательской воли. Вместе с тем в стремлении «поколебать» возведенный советскими исследователями маяковский треножник заключена опасность иного рода — уйти в гнев отрицания и пренебрежения. Нарочитая громкость такого рода полемик вызвана не объективностью, а, во-первых, ожидаемой усталостью от любой степени давления и навязывания; во-вторых — страхом взяться за пересмотр устоявшегося и, казалось бы, уже многократно объясненного. Но наследие Маяковского достойно того, чтобы предпринять попытку душевной и исследовательской смелости, а сам поэт, лирический герой которого тоже — *Владимир* и тоже — *Маяковский*, доказал делом и собственное бессмер-

---

Статья частично освещает содержание защищенной кандидатской диссертации «Мифотворчество в ранних произведениях Владимира Маяковского (1912–1916 гг.)» (Воронеж, 2022; науч. руководитель — д.ф.н., доц. А.А. Житенев) и опубликованного научного издания:

Стрельникова Е.С. Неомифологизм раннего Маяковского : Монография [науч. ред. — д.ф.н., проф. Т.А. Никонова] / Е.С. Стрельникова. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. — 260 с.

тие, и созвучие с эпохой — владение миром вокруг себя, — и трагическую устремленность отдавать больше, чем возможно человеку физически.

Говоря о лирическом герое Маяковского, исследователи могут упрекать его в замещении искреннего ораторским, тихого громким, личного общественным. В эгоизме героя Маяковского упрекают не менее часто, равно как и в разрушительности любого рода стихий, наполняющих его жест и слово. Действительно, как не испугаться ярости такого пророческого крика, доносящегося до нашего сознания из глубин времен и переплетения событий:

И когда,
наконец,
на веков верхи став,
последний выйдет день им, —
в черных душах убийц и анархистов
зажгусь кровавым видением!

(«*Ко всему*»)

Или — тем более — такого:

Я думал — ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в рай!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!

(«*Облако в штанах*»)

Маяковский играет в безжалостность хорошо и убедительно. Он — поэт, но и актер; циник, но и неоромантик; он сам — борьба противоречивого, соотносимого сложно и болезненно. Изначально почувствовавший в предстоящем поэтическом пути трагическое, он погружается в него всецело и стремится получить все возможные преимущества — даже соглашаясь на необходимые жертвы. Первая и основная — принесение в жертву себя, своего героя, сразу же ставшего главным, центральным, большим и громким. Но куда вписана эта громкость, чему он отдает сразу же, с первых поэтических шагов самое главное, что есть у поэта, — свое имя?

Владимиром Маяковским становится его герой, «Владимиром Маяковским» названо (осознанно или волей судьбы) первое его крупное произведение — *трагедия* по своему жанру; с Владимиром Маяковским отождествляется поэт Маяковский, навечно заключивший себя в небольшое пространство сцены с невозможностью спуститься с нее. Из этого пространства единственно можно «грубому гунну» быть услышанным, кривляться и плакать, насмехаться и проповедовать, смело звать за собой:

Идите, изъеденные бессонницей,
сложите в костер лица!
Все равно!
Это нам последнее солнце —
солнце Аустерлица!

(«*Я и Наполеон*»)

Но уже не уйти никогда — ни с той площади, у которой «выжженный квартал» как «рыжий парик», ни с революционных трибун, — вплоть до катастрофического в своем отчуждении февраля 1930 года, до окончательного ощущения остав-

ленности, до собственной апрельской Страстной недели, после понедельника которой, действительно, можно вспомнить ранее:

...я с сердцем ни разу до мая не дожили,
а в прожитой жизни
лишь сотый апрель есть.

(«Облако в штанах»)

Поэт Маяковский оказывается пленником собственной жертвы, принесенной им когда-то и с течением времени осознанной на ином уровне, с наличием иного потенциала, претворенной с новыми интенциями. Поэт Маяковский и после смерти — спустя уже почти век! — оказывается неизбавленным от облика его героя, Владимира Маяковского, то иконически вознесенного, то поправленного с этой трибуны, то пугающего своим громогласным голосом, цель которого — не разрушить, а *докричатся*:

Люди!
Дорогие!
Христа ради,
ради Христа
простите меня!

(«Война и мир»)

(курсив мой. — Е.С.)

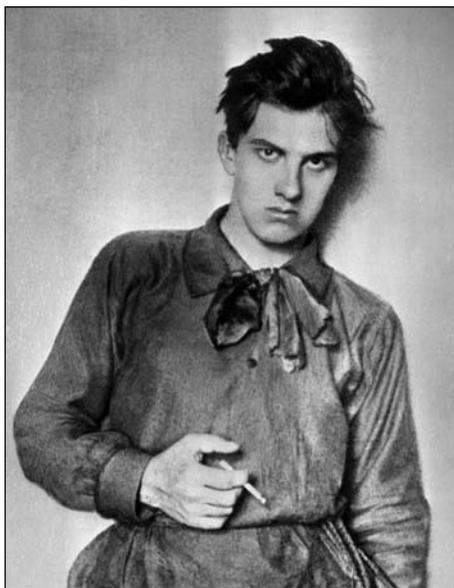
Поэт Маяковский все никак не станет в нашем сознании **Человеком**, которого **не нужно бояться**.

Воронежский литературовед, исследователь наследия Маяковского Анатолий Михайлович Абрамов одним из первых почувствовал за спиной глашатая-Маяковского того Маяковского, который принес свою искупительную жертву — и своего героя заставил поступить так же. Самым главным вопросом, который волновал его, был вопрос о том, как обрести счастье и кто его будет достоин. А достоин его будет «только смелый, гордый человек, человек, не уклоняющийся от ответственности за все несчастья мира, готовый перенести любые испытания» (А.М. Абрамов).

Но считал ли лирический герой Маяковского Человеком себя? Казалось бы — по ряду характеристик — да, ведь именно он — тот, кому суждено увидеть новый мир, где «семь тысяч цветов засияло / из тысячи разных радуг»; тот, кто «Голиафами... зачат — / такой большой / и такой ненужный»; тот, кто предрекает свое бессмертие, «которое, громыхая по всем векам, / коленопреклоненных соберет мировое вече»; тот, кто пишет собственное Евангелие и дает ему вполне прозрачное название — «Человек» — абсолютно так же, как когда-то трагедия получила в качестве названия его имя.

Драма Маяковского в том, что **Человек** — **все же не он**, как бы того ему ни хотелось. Он — Владимир Маяковский: «мне больше всего нравится / моя собственная фамилия, / Владимир Маяковский». Он — тот, кого можно попросить: «Владимир Владимирович, / милый», — чтобы от тепла этого «человечьего» слова получилось «что-нибудь / замечательно красивое». Он — тот, которому всегда «предпочитают Варавву», потому что сама сила его земного присутствия — в принятии на себя грехов человечества: только «боль любви к людям, любви к живому, принимающая крайне острые формы, и повышенная личная ответственность за все, жажда самопожертвования за людей» (А.М. Абрамов) способны приблизить ту эпоху, когда все увидят «с Каином / играющего в шашки Христа».

«И он, / свободный, / ору о ком я, / человек — / придет он, / верьте мне, / верь-

В. Маяковский в молодости

те!» (курсив мой. — *Е.С.*) — придет, когда действительно будет возможна для него свобода от дисгармонии действительности — такая, чтобы «вчера бушевавшие / моря, / мурлыча, / легли у ног». Основной конфликт двадцатого столетия, по Маяковскому, — конфликт любви, человечности, свободы и «обезлюбленности» бытия, когда главный дефицит — то самое «слово / ласковое, / человежье». Поэтому и Человек придет, когда будет доступен такой уровень любви, который суть высшая степень добра и справедливости, при котором глаза возлюбленной «расцветают», как «два луга», а не смотрят «ямами двух могил».

Пока лирический герой Маяковского завершает дореволюционный путь «в тонах мученического ореола» — так, «что изображаемое не назовешь иначе как именно — “положение во гроб”» (А.М. Абрамов), — нет и речи об уже фактическом наступлении эпохи, когда «будет стоять

сплошное Рождество» и «даже — / надоеет его праздновать». Пока «глаз новолуния страшно косится / на мертвый кулак с зажатой обоймой», миропорядок спокойно смотрит на то, как смерть, «хороший игрок», «раскидала шарами... черепа в лузы могил», а любимая завтра забудет, что лирический герой ее «короновал, / что душу цветущую любовью выжег», — невозможен приход Человека, потому что онтологически невозможен сам факт его появления в этом мире.

Трагедия поиска, который принципиально не может быть завершен сиюсекундно, по одному лишь желанию — пусть и такому, от которого «срываются гроба / шагать четверкою своих дубовых ножек», — трагедия и поэта Маяковского, который так и не обрел ту вечность, в которой «не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте», и его лирического героя, который оказался среди людей, лишенных нравственных ресурсов для того, чтобы стать предвестием Человека. Таким предвестием становится сам лирический герой, взрачивая человечность внутри себя, меняя собственную жизнь на право говорить и надеяться быть услышанным, обрекая на гибель свою судьбу и на забвение себя настоящего, который «весь / боль и ушиб», скрытые за «криком тысячных мук».

Когда и в ком лирический герой отыщет Человека — вопрос, который представляется центральным для всего творчества Маяковского. Центральным, потому что к нему сводимы поиски трех основных **неомифологических** ипостасей лирического героя Маяковского — и Диониса, и Христа, и забытого отцом ребенка. Устремленность его ранних исканий — в том, чтобы отыскать к Человеку дорогу, а потом уже ступить на нее полноправно.

2. Неомиф

XX столетие называют веком мифов и их жрецов. Мифологизированию и сейчас, уже в третьем десятилетии нового тысячелетия, подчинен огромный пласт нашей жизни. Как это работает? Мы сталкиваемся с проявлением (описанием, овеществлением, отголоском) события любого рода и встраиваем его в логику уже

заранее известного, сложившегося в нашем сознании в отдельную систему — историческую, научную, художественную. Например, любой вновь (вдруг) открывшийся факт биографии Иосифа Сталина мы автоматически включаем в концепцию «культа личности» (и истолковываем потом в данном контексте независимо от принципиальной значимости такового); очень жаркое лето по умолчанию списываем на проявление глобального потепления (что часто небезосновательно, но отнюдь не тождественно); новый роман Виктора Пелевина автоматически считаем «срезом» эпохи, невольно подчиняясь в этом суждении и тайне шекспировско-провидческой личности писателя, и зарекомендовавшим себя ранее текстам. Такого рода явление называется панмифологизмом — устремленностью все вокруг подчинить тому известному, что, как древний миф, уже функционирует в логике общественного сознания, — потому что легче иметь дело с потенциально объяснимым, чем с принципиально неизведанным.

Стремление к мифологизированию особенно ярко проявляет себя на рубеже эпох, когда все вокруг зыбко, непонятно и страшно: для наглядности можно вспомнить здесь «проблему нулевого года», вполне себе разрешимую (и разрешенную), но вызвавшую в общественном сознании предощущение грядущего коллапса (который иногда мы действительно *ожидаем* — с парадоксальным эсхатологическим трепетом). Оправданно предположить, что и писатели (шире — художники, представители любого творческого кластера) как люди чрезмерной степени восприимчивости, душевной тонкости и эмпатичности в области всего, что касается миро-человеческих отношений, подвержены ощущению и этой рубежности, и ее запредельческой, неокончательной зыбкости едва ли не больше, чем кто бы то ни было. Сверх того — пороговость, лиминальность, пограничность мира художник переносит и на область собственных чувствований, транслируя специфику личностной потерянности на область художественного мироустроительства, которое, между тем, нуждается не в зыбкости, а в структуризации, чтобы предлагаемая художником морально-этическая система обрела функциональность, а мы — ощутили пути ее потенциального развития.

Отсюда — устремленность творческого сознания к поиску оснований, на которые можно опереться. Отсюда же — тот факт, что писатели создавали и создают собственные миры — сами *творяют мифы*, в которых определяют и выстраивают личностно-важные системы ценностей, причинно-следственных связей, пространственно-временных констант, мотивно-образных трансформаций. Не последнюю роль здесь играет вовлеченность художника в контекст эпохи, степень сформулированности собственных с ней отношений. Между тем я глубоко убеждена и убеждаюсь все более, что невозможно существование творца безотносительно времени, которое его питает, и тех смыслов, которые пронизывают человечество, — и даже видимое отмежевание художника от этого сверх-контекста и/или невыраженность, непроговоренность их взаимодействия не означает отсутствия нити, идущей от каждого сердца к чему-то общему и важному, что нас всех — без исключений! — объединяет.

Один из наиболее устойчивых культурных пластов — мифология, и именно к универсальности заложенных в ней значений часто и обращаются, чтобы с их помощью зафиксировать в художественном ту самую сверх-истину, которая не всегда броско манифестирована, но ощущаема повсеместно. От совокупности чувствуемых сверх-значений художнику можно и нужно оттолкнуться, взять их пусть не за основу, но за необходимую точку опоры, если в ином таковая отсутствует. Но тогда перед писателем открывается два не совсем одинаковых способа работы с категорией мифологического и подчинения его своим художественным задачам.

Представим старый, но необожженный глиняный сосуд. Он красиво расписан. Мы считываем сюжеты, изображенные на его поверхности. Представим так-

же, что он (и некоторое количество других — множество ему подобных) не нуждается в консервации и нерушимой сохранности. Нам дано художественное право поступить с ним по своему разумению. Мы, художники XX или XXI века, держим его в руках и не знаем, как к нему подступиться. Ясно одно: наша задача и желание — создать собственное творение на его основе.

Исходя из этого мы поступаем двумя способами. Первый — мы принимаем целостность сосуда за априорно нерушимое и работаем, сохраняя эту нерушимость. Мы рассматриваем роспись его поверхности, переносим в свое сознание уже изображенные сюжеты, дублируем их в своем произведении, видоизменяя, но не трансформируя всесторонне; характеризуем персонажей, запоминаем портреты, имена, истории, вплетаем их в художественный нарратив; максимум — аккуратно «дорисовываем» собственных героев рядом с уже имеющимися. Мы здесь призна-

ем большую важность исходного мифа над нашими творческими устремлениями. Мы вписываем себя в имеющееся — а оно как культурный *объект* в той или иной степени доминирует над авторской волей. С этой точки зрения мы говорим о мифе и мифологизме в литературе.

Сам по себе **миф** в культурфилософском смысле — явление архаическое, претерпевшее смерть от рук своих же создателей (древних людей) тогда, когда в него перестали верить, потому что перестали нуждаться в его «правдах» для объяснения окружающего мира. Вместе с тем миф обрел вторую жизнь в многочисленных художественных реальностях, в которые «вторгался» извне и в чем-то подчинял собственным смыслам логику творческого мироустроительства. Такие мифы легко вычленимы из текста, легко опознаваемы, отсылки к ним ясны и однородны. **Мифологизм** — *проникновение* элементов мифологической архаики в художественное; как прием — это функционирование мифологического в произведении.

Но возможен подход иного рода. Мы не «держимся» за целостность находящегося перед нами сосуда. Мы рассмотрели его — и разбиваем — а после размягчаем, чтобы работать как с *материалом*, а не предметом изображения. В наших руках глина. Это ровно та же глина, на которой только что были нанесены изображения. Мы помним о них (и все еще видим их фрагменты) — но не берем за нерушимую первооснову. Мы создаем что-то иное — соизмеримо, в первую очередь, с нашей авторской волей. А можем даже взять изначально несколько сосудов — и смешать их в одно будущее целое. Элементы прежнего могут быть включены нами в логику собственного мироустроительства в разной степени — но наши устремления здесь всегда первичны. Этот подход *субъектен*, поскольку исходит от творческого сознания. Это — **неомифологизм**, такого рода процесс — мифотворчество, а составляющие его элементы — неомифы.

В центре **неомифологического** текста — не «внешний» мир, а авторская космогония. Творящее сознание — первоэлемент и первопричина всего, что происходит в неомифологической поэтике. Автор — создатель неомифа и одновремен-

но его участник. **Неомиф** перестраивает логику взаимосопрежений мифологических элементов, преломляя их по законам авторской воли. Элементы исходного мифа могут быть измерены существенно — вплоть до фактического отсутствия их называния; тогда они восстанавливаемы исходя из вычленения характерных и устойчивых мотивно-образных трансформаций. Неомифы не проявлены наглядно — и их может быть несколько, каждый — по-своему расшифровывает элементы авторской поэтики; вместе с тем полнота картины художественного мира возможна только при их одновременном осмыслении.

Поэтика раннего Маяковского именно неомифологична. В ее основе — три неомифа: дионисийский, христианский и инициатический. Первый восходит к специфическим характеристикам архаического мифа о Дионисе¹ и является основным, проявляет себя наиболее многоаспектно, обуславливает логику функционирования двух других. Христианский неомиф вторичен, но дополняет дионисийское смыслом, необходимыми для понимания системы ценностей лирического героя, направления его нравственных поисков, выстраивания вертикали художественного пространства. Инициатический неомиф связан с прохождением лирическим героем инициации, обуславливает принципиальную трудность преодоления пограничности (лиминальности²) любого из состояний лирического героя — и мира как его громадной проекции.

3. Невыносимая дисгармоничность бытия

Лирический герой Маяковского соединяет в себе слишком много противоположного. Это и пугает, и повергает в ступор — примерно так же, как столкновение с труднообъяснимым заставляет нас сначала замереть, а потом — действовать (или нет) соизмеримо с нашей волей. Но объяснения всем «маяковским» противоречиям, как мне представляется, как раз можно найти в области неомифологического. В том числе — сделать первый шаг по направлению к ответу на один из самых существенных, принципиальных вопросов: что действительно личное, самое важное и главное для поэта-Маяковского, восходящее исключительно к *внутрихудожественной* специфике творческой эволюции и к философским основаниям мировоззрения, объясняет «весомые, грубые, зримые» изменения его поэтики после революционного рубежа.

Лирический герой раннего Маяковского подчеркнута жертвен; он решительно и однозначно *принимает* на себя общность мировых страданий («Боль берешь, / растишь и растишь ее... (курсив мой. — Е.С.)). Но он же — властен; он непримирим по отношению к слабости, малодушию, безвольности; его сила зачастую жестока, а намерения — воинственны («Нам, здоровенным, / с шагом саженым, / надо не слушать, а рвать их — / их, / присосавшихся бесплатным приложением / к каждой двуспальной кровати!»). Он (мужчина) по-женски чувствен, лиричен, мягок, эмоционален, нежен («Будто целую покаянными губами / в холодных скалах высеченный монастырь»). Он сын Земли («В богадельнях идущих веков, / может быть, мать мне сыщется»); одновременно с этим Земля — его двойник по ряду портретных и мотивных характеристик («нас — двое, / ораненных, загнанных ланями»). Но он же — сын небесного отца («миллионном кровинок устелется след / к дому моего отца»). И снова — противоречие: отец — это и христианский

¹ Подробнее об архаическом дионисийском мифе — Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»; Вяч. Иванов «Дионис и прадионисийство», «Эллинская религия страдающего бога»; В.Ф. Отто «Дионис. Миф и культ».

² Подробнее о категории лиминального — в работах А. ван Геннепа, Э. Дюркгейма, В. Тэрнера, М. Элиаде.

бог, и Зевс, и Солнце-Аполлон («Солнце! / Отец мой! / Сжался хоть ты и не мучай!»). Подобная множественность толкований характерна для поэтики Маяковского и обусловлена сложной системой образных и мотивных двойничеств, а также параллельностью смыслов, источник которых — несколько неомифов одновременно. Проследим эту специфику, обратившись лишь к двум частным примерам.

В контексте дионисийского неомифа с «смертельностью» огненного связана изначальная разрушительность аполлонического, солнечного, отцовского, которое на рубеже ночи и утра убивает сущее. Солнце (ожидаемо аполлоническое, т.е. гармоничное) не только не становится гарантом искомого мирового счастья, но напротив — отдаляет его достижимость. Но аполлоническое есть неотъемлемая часть дионисийского; поэтому борьба с Солнцем — это еще и борьба с самим собой, выражение исконного противоречия, являющегося основой страданий лирического героя, безумие которого проявляет себя и во всепоглощающей силе его любви, и в исступленности устремления к преодолению индивидуации, слиянию с миром, который в своей предзаданной дисгармонии может на данный момент лишь отторгать, а населяющее его человечество — быть лишь жестоким и немилосердным.

Душа и сердце лирического героя, жертвенные и всепрощающие, — отражение общей неустроенности бытия, но уже в контексте христианского неомифа. Гуманность устремлений распространяется лишь на область человеческого, ведь «цепь религии» у раннего Маяковского — не гарант искомой цельности, а скорее напротив: синоним несвободы и несправедливости, где необходимо иерархически подчиняться богу, недостойному такого подчинения по одной главной причине — собственной безвольности. Человечество не станет «зрячим», не осознает свое предзаданное единство, «апостольство» лирического героя будет обречено оставаться в области лишнего, «тринадцатого», а его Евангелие не станет Словом — пока не произойдет переход из сферы христианского в область творческого.

С точки зрения инициатического неомифа переход в статус «взрослого» — а значит, самостоятельного и свободного — возможен только при добровольном прохождении обряда инициации, всегда сопряженного с испытаниями и страданиями. Смирение со своей судьбой через принятие собственного умирания есть смирение с судьбой всеобщего — и в этом смирении окажется та сила, которая способна преобразовать все сущее. Изменение лирического героя есть изменение всего миропорядка:

Вселенная расцветет еще,
радостна,
нова.
Чтобы не было бессмысленной лжи за ней,
каюсь:
я
один виноват
в растущем хрусте ломаемых жизней!

(«Война и мир»)

Исконная двойственность, неустроенность, нецелостность, разъятость преддана получеловеческим, полубожественным рождением лирического героя. Как и он, мир вокруг тоже подчеркнута нецелостен, разрываем на части, лишен частей тела, зрения («одинок, как последний глаз»). Жизнь лирического героя — череда умираний и воскрешений. Его путь — горизонталь эпох и событий, сосуществующих одномоментно и вечно. Его голос сотрясает и тысячи тысяч пирамид, и Голгофы аудиторий. Он любит «смотреть, как умирают дети» (футуристически-эпатажная метафора взросления), — но он сам еще ребенок, молящий отца:

боже,
боже мой,
если звезд ковер тобой выткан,
если этой боли,
ежедневно множимой,
тобой ниспослана, господи, пытка...

(«Флейта-позвоночник»)

Принципиальное отсутствие целостности и гармонии — основная черта Диониса, обусловившая и его судьбу, и специфику мотивов, сопровождающих вечность его умираний и рождений. Тотальная дисгармоничность сущего — трагедия мира в целом и лирического героя Маяковского в частности, поскольку дионисийскому в нем свойственно еще одно устремление: преодоление границ частного в пользу общего. Индивидуация, т.е. существование исключительно в пределах личностного бытия, — по Ф. Ницше, основная беда любого человека. Дионисийское предполагает устремленность к выходу в область надындивидуального; оно единственное позволяет добраться до сверхсмыслов надмирного существования, поскольку уничтожает любой уровень существующих пределов. Отсюда в архаическом дионисийском культе — внимание к разного рода способам достижения экстатических состояний.

Достижение надындивидуального, с одной стороны, предполагает отказ от личностного в достаточной степени, чтобы окончательно отождествить себя с миром; с другой стороны, дает необходимую художественному сознанию зоркость, позволяет увидеть то гармоничное, что изначально отсутствует. Устремленность к этой зоркости — дионисийская интерпретация одной из сторон эволюции лирического героя раннего Маяковского; с ней связана итоговая положительность в ощущении солнечного, ставшего синонимом гармоничного и цельного. Отсюда — иное мирочувствование на границе ночного и дневного, переставшей быть предвестником грядущих испытаний.

Но мир вокруг лирического героя — вечная *этическая* диалектика красивого и некрасивого, «звериного» и человеческого, материнского и отцовского, личного и общего, желаемого (целостность, гармония, справедливость) и действительного (разъятость, безумие, высшая степень дисгармоничности бытия). Кардинальное несоответствие идеального и реального — одна из причин и страданий героя-Маяковского, и его исконной устремленности к созиданию и гуманизму. Иная причина его боли — «сердечная» неприкаянность лирического героя и «глухость» сущего, отсутствие «слушателя» — от бога до возлюбленной, одинаковое равнодушие которых есть проявление общей жестокости и несправедливости, нуждающихся в итоговом преодолении, пока недоступном и вызывающем потому только чувство иррациональной, вселенской вины.

4. Эра Милосердия

Пугающая, неотзывчивая пустота на том месте, к которому ты — вроде бы — громко зываешь, — вот боль и отчаяние, которые пронзают лирического героя раннего Маяковского.

Когда ты еще веришь в то, что где-то там есть он — отец, слушатель, ответчик, — ты надеешься, что он и со стихами твоими «побежит по небу», чтобы, «задыхаясь, читать их своим знакомым», и увидит тебя, сквозь полуденную (а значит — смертельную) бурю пришедшего с одной лишь просьбой — «чтобы обязательно была звезда», причем не себе, а другому, которому страшно, за которого ты ответствен — и хотел бы, чтобы и за тебя вот так же стал кто-то ответствен, кто-то «расплатился и расплакался», ради тебя кинул душу знаменем к ногам человечества. Когда твоей

надежды достает хоть на толику (пусть даже она временами перерастает в обиду, непонимание, сожаление), есть смысл хранить полуигрушечный сапожный ножик, чтобы пытаться прорваться сквозь «облака бронированные» и задать только один вопрос: что же ты делаешь с детьми своими, зачем же ты отгораживаешься от них, почему не становишься с ними плечом к плечу и не пытаешься вместе бороться с потусторонним (и потому — преодолимым ли?) дыханием Мирового Хаоса, который, подобно Кроносу, способен лишь уничтожать все, что сам же и породил, — но не в силах ли твоих, боже, хотя бы попытаться защитить своего сына, вочеловеченного во всем мире разом, от этого дыхания?

Много страшнее, когда не остается ни этой веры, ни даже кусочка этой надежды, ни устремленности к тому, внимания которого всегда жаждал, и когда вместо бога в раю — только «центральная станция всех явлений, / путаница штепселей, рычагов и ручек»: механизированное, пустое пространство, лишенное любой доли сакральной силы. Его населяют «бестелые», у которых нет даже сердца — сердца, «пожаром» которого горит лирический герой не только раннего творчества Маяковского, но и его последних строк, последних «болеи, бед и обид». Маяковскому, равно как и людям, окружающим его — тем самым, которые тоже страдают, приносят ему слезки и слезищи, чтобы он собрал их в себе и отнес «своему красивому богу», — нечего делать в этом пространстве. Взору эта пустота не сразу доступна — ведь в нее трудно поверить; только к концу раннего творчества поэт наделит своего лирического героя этим видением и уведет обратно — в земной, живой мир, полный трудностей и поражений, но отзывчивый и чуткий хотя бы предположительно.

Какой смысл добираться до того, кто принципиально не существует в твоём мире? Будет ли толк от крика, направленного в пространство неживое, лишенное сострадания и любой степени сочувствия? Я говорю сейчас не о религии, даже не о философии — размытых недоказуемых истин достаточно всем нам и в действительно существующем мире. Я говорю о том простом, но вместе с тем таком сложном, что может сдвинуть города и может сломать руки — о Человеке, который есть в каждом из нас, и о людях, которые нас окружают, и *об их* человечности, существованием или отсутствием которой (я верю в это!) в итоге будут измеряться эры и эпохи.

Об Эре Милосердия устами собеседника Володи Шарапова мечталось не только братьям Вайнерам — о ней мечтают все, кто уже побывал однажды в руках немилосердных, нечутких, нечувствительных ни к мольбе, ни к призыву. Милосердия не дождался Дионис, сын небесного отца и земной матери, древнегреческий бог, почти погибший в огне, зачем-то (зачем?..) воскрешенный отцом и тут же брошенный им на произвол судьбы, за что-то (за что?..) осужденный тем самым на вечное умирание и вечное воскрешение, на преследования и пытки, казни и осаны, на высшую степень внутреннего расподобления, на дисгармонию, пронзавшую его самого и любого, кто был рядом с ним. Об Эре Милосердия не мечтал ли и Христос, Сын *Человеческий*, — совершенно тот же полужемной, полунебесный Дионис, уже сумевший говорить с Отцом, принявший от Него свою миссию, направивший ее в видимо гармоничное русло — но тоже заведомо обреченный, закланый, неузнанный, пришедший словно не ко времени, а в качестве священного гаранта и в знак неистребимой веры в Человечество. Об Эре Милосердия мечтает и лирический герой раннего Маяковского — прямой наследник Диониса и Христа, воплотивший в своем жизненном пути общечеловеческие тревоги и надежды, часто спрятанные под желтой кофтой, но на поверку — отчаянные в своей искренности до той же степени, когда от их несбыточности — «такая тоска, / что только б добежать до канала / и голову сунуть воде в оскал».

Эра Милосердия для Маяковского равнозначна понятиям целостности и гармонии. Сейчас лирический герой подчеркнуто дисгармоничен — это основное и

сугубо дионисийское свойство его личности. Его раздирают (в том числе буквально) противоположные устремленности и характеристики: он жертва и палач, он рожденный и умерший, он земной и небесный; он женствен и мужествен, силен и слаб, мягок и жесток («не мужчина, а — облако в штанах!»); он оказался на пересечении всех возможных векторов и систем координат. Он не знает, что делать. Нет, он знает в целом: его единственная мечта — и чтобы земля оборачивалась на крик своего сына, и чтобы отыскалось то справедливое и отзывчивое, что исправит неправильности и жестокости. Но как ему сейчас преодолеть ту катастрофическую зыбкость, пограничность, лиминальность, которая потому и опутала его так сильно, что является отражением собственной боли, неустроенности, неуспокоенности? Каков его первый шаг — и за предел чего ему нужно выйти?

5. «Душу вытащу, растопчу, чтоб большая! — и окровавленную дам, как знамя»

Громадный шаг Маяковского равносителен шагу всего мироздания, которому он тождествен. Этот шаг направлен в сторону справедливости и счастья. Но сделать этот шаг можно только преодолев собственный страх перед неизвестным. В преодолении этого рубежа — высшее из доступных человеку проявлений собственной силы. Только так человек способен противостоять тому иррациональному, что разъедает и его, и все сущее, — хаосу Мировой Воли (А. Шопенгауэр), которая в бесконечности собственных проявлений (недоступных нашему пониманию) разрушает все, до чего дотрагивается. Человеку недоступно влияние на эсхатологию этого хаоса, который дисгармоничен и непостижим априорно. Но человек в состоянии преодолеть частицу этого же хаоса, которая заключена внутри него самого. Этим человек, по Ф. Ницше, подчиняет элемент Воли и открывает для себя (и мира, неотъемлемой единицей которого он является) возможность обретения гармонии, избавления от вечных повторений трагедий и неправильностей.

Ранний Маяковский открывает для себя этот путь, первочастицей которого становится *художественное слово*, обладающее чудесной, исцеляющей, непостижимой (и недоступной никому кроме) силой. Оно оказывается спасительным и для лирического героя, и для тех, кто в состоянии его услышать. Гармония будущего достижима смертью творца; она же может быть сохранена единственно его учениками, тоже творцами, тоже создателями, которые, в прошлом «каторжане города-лепрозория», в будущем силой своего ума и желания выстроят и сохранят новый мир. Жертва лирического героя — не только христиански-искупительная и дионисийски-отчаянная, направленная на преодоление и мировых, и собственных страданий одновременно. Его жертва — это и жертва поэта, творца, Орфея, которому, «чудотворцу всего, что празднично, / самому на праздник выйти не с кем», и все созданное им — «распятыю равная магия», после которого —

В праздник красьте сегодняшнее число.

<...>

Видите —

гвоздями слов

прибит к бумаге я.

(«Флейта-позвоночник»)

Личность и творчество есть сущности неразделимые, потому что творец находится в вечной зависимости от создаваемых им произведений, равно как и творчество автора не может не носить в себе отпечаток его личности. «Личность предполагает творчество» (Н. Бердяев). Ранний Маяковский идет дальше этой мысли и уравнивает не только личность и творчество, но и жертву и творчество. Если жер-

тва = творчество, но одновременно с этим жертва = достижение новой эпохи, эпохи гармонии и мира, то и творчество = новая эра, образ которой созвучен грядущей эпохе Духа. Вместе с тем творчество, по Бердяеву, — это и переход из области идеального в область материального, обуславливающий потенциальную возможность коренного переустройства человеческого бытия, возможность выйти за рамки культуры, не закрепляя в культуре несовершенства мира, но поднявшись над ними, преобразив сам мир.

Если преодолеть несовершенство существующего миропорядка возможно лишь в процессе творчества, то творчество предполагает не только отказ от мира, но и отказ от собственной сущности, которая является неотъемлемой частью этого мира, — а значит, означает необходимость преодоления индивидуации. Творчество — первейшая и единственная дорога к преодолению дионисийского страдания; оно не только порождено личностью творца, но и преодолевает ее границы, поэтому — обновляет бытие и даже способно сотворить иную жизнь. Поэтому творчество есть абсолютная и аскетическая жертвенность собой, равноценная смирению перед высшим космическим началом. Оно есть стремление к достижению заведомо запределного. Оно превращает самого человека в творческий акт.

Но феномен творчества всегда неотделим от смерти творца — и у Маяковского одновременно с «забыванием» лирического героя его возлюбленной «суетных дней взметенный карнавал / растреплет страницы... книжек», которые, умирая, станут только «сухими листьями». Лирический герой, «заморский страус, / в перьях строф, размеров и рифм», исчезает из мира «под неистовства всех декабрей» — и изначально предчувствует свою судьбу. Поэтому он борется со смертью яростно и отчаянно. Он противостоит огню Солнца:

Тебе,
орущему:
«Разрушу,
разрушу!»,
вырезавшему ночь из окровавленных карнизов,
я,
сохранивший бесстрашную душу,
брошаю вызов!

(«Я и Наполеон»)

Он страшится полосы огненного рассвета, которая венчает его голову. Он выходит из относительной безопасности замкнутого пространства квартиры, комнаты — пространства, где есть мать, такая же несчастная, как он сам, и возлюбленная, такая же полужемная-полунебесная — и не менее (а иногда и более) жестокая, чем отец лирического героя. Он выходит на улицу, где ждет его только смерть и утратившая все признаки антропоморфности толпа («звереют улиц выгоны»), прощающая всегда не тех («опять / голгофнику оплеванному / предпочитают Варавву»). Он боится тяжести взваленной на него ноши («Вам хорошо! / А мне с болью-то как?») — и в то же время понимает, что нет кроме него никого столь же громадного в этической красоте и душевной силе, кто может взять ее на свои огромные плечи («Я / с ношей моей / иду, / спотыкаюсь <...> Я добреду»). Он бежит от всего, что в невозможности своих противоречий разрывает его сердце, в безумии утрачивает способность говорить — и обретает ее вновь, трансформируя силу своего безумия в созидательное «лечебное» слово, которым готов спасти искаленный мир, где нет человека, «у которого / две / одинаковые / ноги».

Но сила слова невозможна без жертвы. С течением времени лирический герой осознает необходимость жертвы — и перестает бежать смерти. Двойник целого мира и населяющего его человечества, он берет на себя его вину (всю и за все — без остатка!) — и принимает за это заклятие:

Вытеку, срубленный,
но кровью выем
имя «убийца»,
выклейменное на человеке.

(«Война и мир»)

Смерть = рождение. Рождение через смерть = инициация. Инициация = взросление. Добровольное преодоление инициатического рубежа означает многократное освобождение лирического героя — от страха, от ощущения безысходности, от уязвимой детской позиции — и от ощущения необходимости докричаться, достучаться до отца. Отец больше не нужен. Его место в и без того десакрализованном небесном пространстве пустеет окончательно. Оно будет занято немного позже — фигурой иного рода.

Лирический герой добровольностью собственной смерти прерывает вечный круг дионисийских умираний и воскрешений, преодолевает трагедию мировой разъятости и разорванности, ощущает возможность на качественно ином уровне «заступить» за несчастный дисгармоничный мир. Он наконец видит дорогу к сияющему будущему:

Сегодня
у капельной девочки
на ногте мизинца
солнца больше,
чем раньше на всем земном шаре.

(«Война и мир»)

Пока это только дорога — но уже так ощущаемо присутствие Человека, за рождение которого лирический герой отдает свою жизнь:

Большими глазами землю обводит
человек.
Растет,
главою гор достиг.

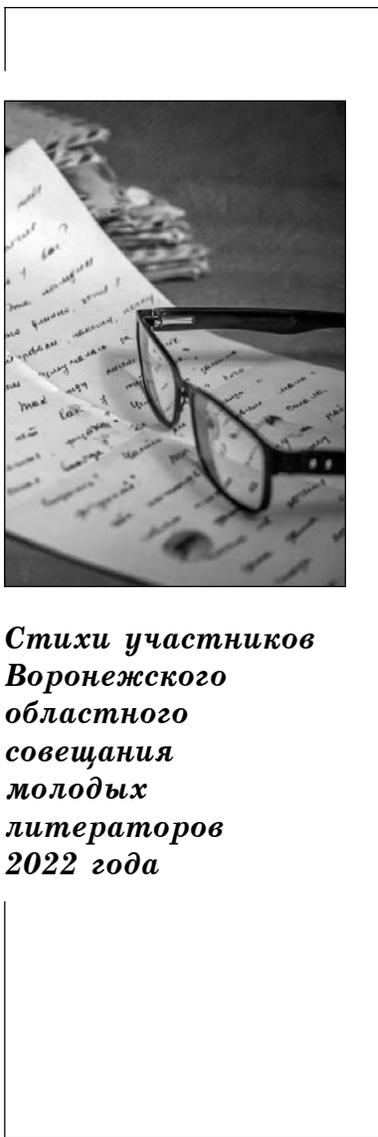
(«Война и мир»)

Ранний путь Маяковского завершается картиной священнодейственности собственной смерти, через мучительность которой («и только / боль моя / острей») единственно возможно «положение во гроб» (А.М. Абрамов) ради нового и уже окончательного рождения из могилы — чрева матери-земли:

Ширь,
бездомного
снова
лоном твоим прими!

(«Человек»)

Эта смерть-рождение сопровождается тропарным пением мира — тоже словом, тоже творчеством, тоже следствием чудесной, воскрешающей силы искусства, которая в поэтике раннего Маяковского присуща только человеку — и никому кроме. Действенное слово, которое обрело свою силу через жертвенную смерть порождающего субъекта, единственно способно преодолеть «поврежденность» мира. Оно же дает человеку власть выразить неприятие неправильной обыденности и силой этой власти ступить на путь преобразования действительности. Чудо подобного воздействия — область человеческих (и только) возможностей. Это проекция частной воли и высокой степени ответственности за состояние своей души. Это способность через личностную трансформацию изменить целую Вселенную и заявить права на императивность и открытость любого высказывания — потому что только такое слово спасет мир.

**Стихи участников
Воронежского
областного
совещания
молодых
литераторов
2022 года**

ПИСЬМО БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

Юлия Богданова

**КАК ЭТО ВАЖНО —
СВОЙ ДОМ ЛЮБИТЬ**

Как это важно — свой дом любить...
Любой, самый старый, совсем не крепкий.
Как важно уметь в нем счастливой быть
В часы опадающих листьев с ветки...

Любить не за то, что он твой,
«замечтанный».
Любить просто так, горячо и искренне.
За то, что стены его отмечены
Твоими взглядами, твоими встречами...

За то, что делит с тобой все радости.
За то, что прячет тебя уставшую.
За то, что в мудрой, глубокой старости
Он будет помнить тебя как «младшую»...

Не важно, сменится он — останется.
Не важно, будет стеной или улицей.
Твой дом в твоей же душе окажется
И в каждом месте тебе будет чудиться!..

г. Воронеж

Ольга Булахтина

* * *

Я как праздника жду снегопада
В эту пору скучающих луж,
Будто осень — немая преграда
На пути к очищению душ.

Молча с хмарью свинцовой свыкаясь,
Мы себя тянем в омут, и все ж,
Перед совестью нехотя каюсь,
Лишь сильней погружаемся в ложь.

Но в душе что-то рвется как будто
В светлый миг, в зимний час. Потому
Белый дар, первый снег я как чудо,
Как Причастие тихо приму.

* * *

Осень листья на волю отпустит,
Не сумев от себя уберечь.
Вспомню вновь и с улыбкой, и с грустью
Золотое тепло летних встреч.

Было все там, как в сборниках скучных:
Соловьи, Млечный Путь и луна.
Только, жанра законы нарушив,
Мы любовь не испили до дна.

В чем глаза признавались несмело,
Мы губами сказать не смогли.
И душа, словно лист пожелтый,
Не покинет остывшей земли.

* * *

Встреча с собой через целую жизнь:
Как душе от волнений не маяться?
В точке отсчета дороги сошлись.
Возвратилась на родину странница.

Только лишь там, где по детским следам
Ты растерянной тенью из прошлого
Тихо бредешь, ясно видишь вдруг сам
И плохое в себе, и хорошее.

Там, где как будто все так же звенят
Голоса друзей детства растроченных,
Стоит на миг оглянуться назад —
И пропал, смутной грустью охваченный.

Юный смеющийся собственный взгляд
Колко в сердце притихшем откликнется.
Каждый сильнее всего виноват
В том, что к той чистоте не приблизится.

Там, где дороги и годы сошлись,
Разобраться мятежно пытаемся,
Сильно ли мы изменились за жизнь...
Может быть, мы вообще не меняемся.

г. Воронеж

Виктория Бушманова

РОМАШКОВЫЙ ЛУГ

Мечтаем мы все о счастье.
Вот только какое оно?
Мы бьемся порой на части.
Мы ищем его давно.

Дворцы? Золотые горы?
Любимый и преданный друг?
А может, для счастья нужен
Всего лишь ромашковый луг.

Бежать босиком по солнцу,
Купаться в его лучах,
Горячие нежные взгляды
Ловить на своих плечах!

Срывать на ходу ромашки,
В охапке держать букет
И думать: «Какое счастье!
Такого на свете нет».

Упасть на траву с разгона!
Чихнуть от желтой пыльцы.
Увидеть пчелу и подумать:
«Какие они молодцы!»

Взять с листика божью коровку,
На палец к себе посадить
И так же, как в детской считалке,
На небо ее отпустить.

А после, когда росинки
Коснется багряный закат,
Домой брести по тропинке,
Задумчивый делая взгляд.

Зачем же биться на части,
Не видя красоты вокруг?
Ведь вот оно! Вот оно счастье —
Вот этот ромашковый луг!

г. Острогжск

Дарья Вторникова

* * *

Были у меня друзья. Хорошие, слепые. Трогали мой рот, трогали мой нос и восторгались; какие расщелины, какие горы — говорили они. Восторгались: в каком прекрасном мире мы живем! Спасибо, Бог! Но слепых мало, да и лицо мое не бесконечное. Говорю им, это не мир, это всего лишь я. А они не обижаются и смеются лишь на меня. Слепые сворачиваются котятками и мяукают о прекрасности мира. Но все это мяуканье почему-то принимают за плач. Жалобно так выходит; не хватает, говорят, желания в их голосах. А какое может быть желание, если есть восторженность? Слепые не любят меня больше, потому что я их разочаровываю; они меня спрашивают, который час? А я им отвечаю. Половина десятого. И так в следующий раз, и в следующий. Они сердятся и уходят. Но что я могу сделать, если не умею врать? Не могу я как другие: половина пятого, четверть первого; время ушло, время пришло. Я не видела этого времени, зачем мне о нем им врать тогда? А Время меня видело; я молодая, местами даже слишком. У меня не зажили до конца рубцы от подросткового акне, розовеют на щеках. Тело молодое, не падавшее. Так, шлепнулась пару раз, но это не в счет, раз без шрамов. Все любят ковырять болячки на коленках. А слепые их гладят и говорят, это лава застыла на подножиях вулкана. Хочу, чтобы все во мне видели Бога. Но так нельзя. Нельзя видеть. Иначе ослепнешь. Вот слепые и гладят меня своими шершавыми языками. А я что?

г. Воронеж

Надежда Глущенко

РЕБЯТ НЕ ТРОГАЕТ ВОЙНА

Ребят не трогает война.
И их сердца не задевают
Солдат простые имена,
В руинах целая страна,
Они как будто племена,
Которые родства не знают.

И показной патриотизм
Не станет существу спасеньем,
Ни плачем, ни мольбой, ни пеньем,

Ни денным и ни ночным бдением
Вы не вернете чью-то жизнь.

И не заставишь понимать —
Тех, кто родился бессердечным, —
Как это просто — умирать,
Но даже мертвым в бой вставать,
Врага идти и убивать,
Но оставаться человеческим.

Услышать трудно об одном
В военных запыленных песнях,
Что мы не просто их поем,
Что на земле за них живем,
Кто под пылающим огнем
Добился, чтоб мы жили с честью.

Как это можно просто быть,
Благодарить за жизнь без края,
И память чтить, и тех любить
Для кого родина святая,

Как это можно не ценить,
Сколь ни живу, не понимаю.

* * *

Красивей, чем Любовь Орлова,
Смелей, чем кто-либо из нас,
Она явилась, мастер слова,
До срока выйдя в свой запас.

С войны душою не вернулась,
Рубила резко и с плеча.
Не церемонилась, не гнулась,
Горела жизнью как свеча.

Ее назад всегда тянуло,
Туда, где все понятно враз,
Где знаешь с пулеметным дулом,
Кто друг твой, а кто враг сейчас.

Жила и каждый день ценила,
Учила Родину любить.
Но то, что предали Россию,
Она нам не смогла простить.
Ушла солдаткой-недотрогой,
В стихах оставив нам свое.
Оставшись честною и строгой,
И звали Друниной ее.

*с. Березово,
Павловский район Воронежской области*

Анастасия Ермилова

ОСОЗНАНИЕ

В конце туннеля я вижу свет.
Там человек стоит, волос сед.
Он машет пальцем, кричит, что слеп
И еле дышит.

И я смотрю на него и жду,
Что скажет дальше, но на ветру
Слова теряются и шумят
И я молчу.

Мне так знакомы его черты,
Врезаясь в память, меня они
Приводят к свету, но через миг
Я вижу осень.

Я подхожу к нему, я в слезах,
Я вижу луч на своих руках.
Я понимаю, что это знак —
Он что-то просит.

Перед глазами сплошной туман.
Боюсь, что это опять обман.
Мое сознание — мой тиран.
Смеясь, он спросит:

«Ты узнаешь меня, милый друг?
У нас вдвоем один сердца стук.
Я наблюдаю, как твой испуг
Сменяет ужас.

Я так похож на твою вину,
На стыд и совесть. Но не пойму,
Как ты привел себя к алтарю
И что ты хочешь?

Всю жизнь я шел за тобою вслед,
Но так и не получил ответ:
Какой душа твоя носит цвет?
И есть ли он?»

Я обомлел, как узнал его.
Я понял, кто предо мной иль что.
А так же понял, что свет есть я.
А я есть зеркало.

* * *

Когда вокруг умолкнут голоса,
Когда не будет видно птиц на небе
И станет черной жизни полоса,
На озере заплачет белый лебедь,

Тогда и я, взмахнув своим крылом,
Покину дом, что сердцу очень дорог,
Переверну страницу. Старый том
Останется лежать, как листьев ворох.

*с. Петропавловка,
Воронежская область*

Евгения Зайцева

* * *

Все помнит живая память,
Листая
    без остановки
Минувшие кадры детства,
Что памятны до сих пор.

Все помнит живая память,
А звуки
    давно умолкли,
Когда-то они оживляли
Прабабушкин старый двор.

Сейчас он один в деревне,
Ни бабушек нет, ни Шахты:
Запутанных людных улиц,
Автобусов на горе...

Уже много лет мне снятся
Цветочных полей ландшафты,
Что дарит цветы бабуля
Улыбчивой детворе.

Как летом всегда хотелось
Утят накормить в сарае
И мягким смешным игрушкам
Из листиков суп сварить!

Все помнит живая память,
Жаль —
    быстро мы вырастаем,
Теперь жизнь течет иначе:
Другой у планеты ритм.

ПИСЬМО БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

Мама, сколько мест проплыли:
надрывали спины, жилы, мерзли на горе.
Наедались сыром, редькой...
Помогали птицам редким — ангелам морей.

Нет штормов сейчас в проливе.
Мы на волю отпустили серого кита:
Их осталось очень мало, смотрят на людей устало —
Надо ли считать?

Побережья воздух свежий.
Ждем на острове Медвежьем добрых новостей...
Тает лед в Норвежском море, местный лагерь на угорье
С ветром опустел.

Здесь, конечно, голец, нерпы, но порой теряем нервы —
Гибнет океан.
Толку с наших экспедиций — рыбам смертью не напиться,
Не стерпеть обман...

Выезжаем в первых числах, но боюсь, беда случится —
Изведут всех рыб:
И треску, и сельдь, и нерпу, даже если остров стерпит —
Море не простит.

Что-то расписалась... Хватит
Заполнять листы в тетради — спрячу в целлофан...
Вновь без адреса конверты отпускаю вместе с ветром —
Всё.
Целую,
Мам.

г. Воронеж

Анастасия Картавцева

САНТА

В «Доме торговли» напротив входа продавался веселый Санта.
Он был огромный — два метра ростом вместе с подставкой.
И он танцевал в ярко-алом костюмчике, не двигаясь с места.
Шевелил руками, хрустел коленями,
но за скрипением «Jingle Bells» этого хруста не было слышно.
Крепкий — он пыхал здоровьем и стоил двадцать две тысячи.
Сумасшедшие деньги!
Тем более для провинции.
Тем более в нулевые.

Санта, как собственная цена высокий,
был размер в размер зарплате местной элиты.
Его называли Дедом Морозом, но он не держал обиды
и продолжал не по-дедовски бодрый танец.
Казалось, он никогда не устанет!
Казалось, он сейчас шагнет с постамента,
подарит игрушку или конфету.
Мы представляли того богача,
который сможет Санту себе позволить.
Новогодние праздники отзвенели стеклянными колокольчиками,
упавшими с елок в коробки на комья ваты.
— Накопим? До следующего года на Санту, мама?
Несерьезно, конечно.
Я понимала: у нас нет денег,
и проводка вообще-то слабая —
не выдержит мощности Санты,
перегорит до первого танца,
как только провод воткнешь в розетку.
Не знаю, где Санта провел первое городское лето.
Но всю следующую зиму
он танцевал в «Доме торговли» — ловкий и сильный.
Про таких у нас говорят: «Не похоже, чтоб много пил».
Санту за несколько лет никто не купил.
А потом «Дом торговли» снесли и построили новое здание.
Не знаю, куда тогда дели Санту.
Я его встретила позже под городской елкой —
уставшего и замерзшего.
Санта не танцевал, лицо его пожелтело.
Похоже, внутри что-то перегорело, сломалось.
Он больше не продавался.
Он уже ничего не стоил.
Снег под его постаментом медленно превращался в воду.
С Новым Годом, дедушка.
С Новым годом!

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

*...А принес из подвала стремянку,
Чтобы снять твою тень со стены...*

Владимир Шемшученко

Ты, пожалуйста, верь мне, верь.
Трогал я не стену — плечо.

Черное пятно на канве
К небу устремилось грачом.
Сколько их за первым спешит?
Сколько задохнулось в руках?
Части нашей общей души,
Крестики, пробившие ткань.

Посмотри, я птиц не держу,
Потому что думать устал,
Каково им в холод и шум
С деревянных палец взлетать,
Каждый взмах терпеть, каждый шаг
За иглу цепляться крылом.

Да куда там — ровно дышать?!
Даже тень нести тяжело.

г. Воронеж

Роман Круглов

ЖАЖДА ВЫСШЕГО СМЫСЛА

(Христианские темы и мотивы
в современной русской литературе)

1. Литература и религия

Религия изначально связана с литературой теснее, чем с другими видами искусства. Религиозные смыслы, как и всякие другие, существуют, прежде всего, в языке, одной из форм существования которого является художественная литература. В христианской традиции слову отводится особая роль («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1)). Священное Писание, помимо прочего, — литературный памятник, в значительной степени определивший пути развития евроатлантической культуры и продолжающий на нее влиять. Словесность и религия изначально нерасторжимо взаимосвязаны, это особенно характерно для нашей страны. «Литературно-художественное творчество и религия в России, по мнению большинства исследователей, всегда имели более тесные и напряженные отношения, чем в западных культурах»¹. Ценностное ядро литературоцентричной русской культуры в наши дни, как и прежде, определяется православной традицией, которую, в первую очередь, мы и будем иметь в виду, говоря о религии.

Взаимосвязь литературы и религии в тот или иной исторический период подразумевает, в широком смысле, степень их взаимовлияния и природу их взаимодействия, в узком смысле — значение религиозных тем и мотивов в художественных текстах. В современной России (и Западном мире) в связи со светской организацией общества художественная литература существует, главным образом, отдельно от религиозной. Разумеется, религиозная литература выполняет, помимо прочих, и эстетическую функцию, а художественная литература может выполнять некоторые функции религиозной — границы зачастую размыты, это обусловлено оговоренной выше тесной взаимосвязью того и другого. Мы будем исходить из того, что религиозной является литература, признаваемая за таковую церковью.

¹ Золотухина О.Ю. Особенности изучения проблемы «Христианство и русская литература» в современной российской филологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://transformations.russian-literature.com/osobennosti-izuchenija-problemy-hristianstvo-i-russkaja-literatura-v-soveremennoj-ros-filologii> (дата обращения: 17.10.2014).

В основном церковь в современной России остается традиционной, и влияние на нее литературы (как и других видов искусства) возможно в той степени, в которой совпадают их цели и задачи. Воздействие нецерковной литературы на религию определяется деятельностью верующих писателей, утверждающих в своих книгах традиционные ценности. Их творчество зачастую положительно оценивается церковью; лишь частный тому пример — Всероссийская православная литературная премия имени Александра Невского, среди лауреатов которой — А.А. Тахо-Годи, С.Ю. Куняев, Ю.М. Лошиц, А.Л. Казин и т.д.

Влияние церкви на литературу в современной культуре России нельзя назвать систематическим, основополагающим, однако закрепленные в православной традиции ценности в подавляющем большинстве случаев являются константными как для писателей, так и для читателей. Это обусловлено, главным образом, самой национальной ментальностью; воцерковленные участники литературного процесса не составляют большинства и не играют в нем ведущей роли. Поэтому в контексте заявленной темы имеет смысл рассматривать, прежде всего, интерпретацию религиозных тем и мотивов в современных (постперестроечных) нецерковных русскоязычных художественных произведениях.

2. Происхождение современной литературы: наследие XX века

Прежде чем приступить к этому вопросу, необходимо кратко рассмотреть в контексте нашей темы генезис нынешнего литературного процесса. Он непосредственно связан с периодом перестройки, а также с последними десятилетиями существования Советского Союза. Во многом именно в поздней советской литературе сформировались основные особенности, определяющие своеобразие литературы начала XXI века.

Возможно, самой значительной переменной в советской литературе, происшедшей в середине и второй половине столетия, стало усиление тенденции возвращения к религиозно-нравственной традиции. Эта переменная может быть рассмотрена как закономерное следствие глобальных изменений в человеческой культуре, поскольку аналогичные процессы происходили и в других странах мира. Реакция на Вторую мировую войну, подытожившую эпоху модерна, в западной литературе выразилась в творчестве экзистенциалистов, постмодернистов, битников и т.д. В Советском Союзе в модернистских ценностях усомнились авторы лейтенантской и лагерной прозы, «мифологического» направления и т.д. Очевидна разница между путями западного и русского послевоенного искусства, однако в обоих случаях исходным импульсом художественных и философских исканий стал крах модернистских доктрин. Во многом этим объясняется сходство послевоенной литературы разных стран. Например, в русской лейтенантской прозе, как и в литературе французского экзистенциализма, центральное место зачастую занимает проблема неоднозначного этического выбора — проблема, как никогда остро поставленная перед человечеством Второй мировой войной.

В рамках советской послевоенной литературы характер и векторы переосмысления модерна чрезвычайно многообразны (антигосударственные выступления диссидентов, тема вины человека перед природой в творчестве писателей-деревенщиков и т.д.). Однако наличествует и общая тенденция: литература зафиксировала, что на смену строителю социализма («...вместо сердца — пламенный мотор» (П. Герман, «Авиамарш», 1923)) пришел человек сомневающийся и кающийся. Безусловно, это обобщение: идеологический климат эпохи не может изменить основ человеческой природы. Мучается сомнениями и Левинсон в повести А. Фаде-

ева «Разгром» (1926), однако в центре внимания автора — модернистская диалектика становления нового человека и общества. Мотив предательства в повести Фадеева раскрывает предательство о чуждости интеллигента Мечика революции, о его неспособности к перековке в нового человека. Мечик противопоставляется «успешно перековавшийся» Морозка, у которого нет иного пути, кроме революции («Уйти из отряда мне никак невозможно...») — совершаемый выбор, изображенный с психологической достоверностью, обусловлен социальным происхождением героев.

В повести В. Быкова «Сотников» (1970), где тоже действуют русские партизаны, сражающиеся с превосходящими силами противника, главной темой является мученическая смерть одного солдата и предательство другого. «Советский Иуда» партизан Рыбак, согласившийся стать полицаем, расстрелять своего товарища и других пленных, понимает, что ему больше нигде на земле нет места — он преступил нравственный закон и тем самым отрезал себя от человеческого мира. Окончательно расставлены смысловые акценты в финале повести, в котором Рыбак пытается прервать опустылевшую ему жизнь, повесившись на ремне в отхожем месте, но, откликнувшись на зов полицейского начальства, оставляет попытку (наказание Рыбака еще только началось). Бывший боевой офицер В. Быков, по сути, интерпретировал на хорошо знакомом ему военном материале евангельскую историю о распятии — убийца Рыбак противопоставляется Сотникову, совершившему подвиг самопожертвования («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15.13)).

Приведенное сравнение двух повестей иллюстрирует тенденцию изменения идейного наполнения советской литературы — для произведений второй половины века характерны библейские реминисценции, темы вины и ответственности, рефлексии и покаяния, нравственного выбора. Следует оговориться, что религиозные мотивы и темы никогда полностью из русской литературы не исчезали, однако во второй половине века они встречаются чаще. Как писал А.Л. Казин, «Советский Союз <...> унаследовав народную энергетику тысячелетней православной традиции, принес в середине XX века плод победы над самой страшной антинациональной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь в истории. Советская власть оказалась русифицирована, и в 1960–1970-х годах вполне могла стать национальной властью»².

Энергетику православной традиции впитала, конечно, не только власть, но и литература — важнейшая часть русской культуры. Она оказалась настолько внутренней сильной, что, впустив в себя революцию и переболев ею, осталась, в сущности, самой собой. Незыблемыми остались такие специфические черты русской культуры, как пафос долженствования и небрежение настоящим, нестяжательное отношение к материальным благам и др. Метаморфозы в советском искусстве второй половины XX века отразили специфику русского осмысления модерна — «обрусение» социалистической модернизации, гармонизацию ее отношений с христианским ядром культуры.

3. Общая характеристика постсоветской литературной ситуации

Преодоление установок модерна в конце XX века имело и другую направленность — игровое смешение и отрицание всевозможных (в том числе и религиозных) культурных ценностей — постмодерн. Необходимо отметить, что литературные постмодерн и постмодернизм следует различать: второй термин обозначает

² Казин А.Л. Homo Russicus. — СПб.: Алетейя, 2014. — С. 191.

совокупность формальных и содержательных признаков³, присущих бесценностной философской парадигме, но не всегда выражающий ее (например, в постмодернистской поэме В. Ерофеева «Москва—Петушки» (1969) обозначена вполне конкретная нравственная вертикаль). Однако в большинстве случаев постмодернистская литература выражает идеи нравственного релятивизма и потому по своей сути является антирелигиозной. Появившееся в СССР в 60–70-х гг. искусство постмодерна стало повсеместно распространенным в период перестройки («Государство, праздная грядущее самоубийство, высиживало бесноватую литературу разрушителей» (М. Елизаров, «Библиотекарь», 2007)). Эта тенденция усиливалась разрухой практически во всех сферах жизни общества.

На постперестроечную литературу основное влияние оказывают тенденции переосмысления опыта модерна. Высокий авторитет классической традиции сохраняется, но не играет ведущей роли. Кроме того, специфика нынешней литературной (и социокультурной) ситуации определяется нарушением преемственности, возникшим в результате экономических, политических и других потрясений, вызванных развалом Советского Союза. Под влиянием внешних факторов искусство слова утратило то огромное влияние на общество, которое имело прежде: Российская Федерация не является самой читающей страной в мире, каковой был в свое время СССР. В связи с исчезновением государственной поддержки литературы многократно уменьшились тиражи литературной периодики и масштабы деятельности писательских организаций, упал престиж писательства, резко понизилась популярность чтения как такового. Современные издатели (равно как и продюсеры, галерейщики и т.д.) готовы вкладывать свои средства только в то начинание, которое с высокой вероятностью окупится, потому процветает массовое производство арт-товаров, развлекательных информационных продуктов, ориентированных на предсказуемые вкусы обывателей. Религиозные темы и мотивы в коммерческой литературе возникают чаще всего в качестве предмета обыгрывания (например, «Евангелие от Магдалины» В. Попова, 2013).

Можно условно выделить две стратегии намеренного использования христианской тематики в коммерческой литературе. Первая связана с эксплуатацией читательского пиетета к религии: «Для современной литературы библейские мотивы <...> это знак того, что автор говорит серьезно: шутки в сторону, мы поговорим о вещах, которые касаются вас всех»⁴ (Ю. Илдис). Вторая стратегия основана на постмодернистской беспардонной вольности в обращении с любыми константами культуры, высмеивание: «Возможны любые, самые не только критические, а просто разнузданные шутки по поводу Библии и в кино, и в литературе. <...> Что же касается того, как это используется, лучше всего об этом говорил Битов в “Пушкинском доме”: это сверхэксплуатация, истощение природных ресурсов»⁵ (А. Ковельман). Конечно, в обоих случаях говорить о глубоком значении, присутствующем религиозным темам и мотивам, не приходится.

Снижение уровня культуры неразрывно связано с превращением искусства в коммерческую индустрию, а реципиентов — в стадо, которым легко управлять. Современная элитарная литература, чтение которой является не столько развлечением, сколько душевной работой, литература, формирующая взгляды челове-

---

³ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. Николукина А.Н. — М.: НПЦ «Интелвак», 2003. — С. 764. — Институт научной информации по общественным наукам РАН.

⁴ Библейские сюжеты в современной русской литературе. Круглый стол 21.08.2005. Ведущая: Елена Фанайлова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/127067.html> (дата обращения: 17.10.2014).

⁵ Там же.

ка, а не отвечающая на существующие запросы, оказалась в противоестественной для нее ситуации рыночной экономики и, не выдерживая конкуренции с литературой коммерческой, заняла, по большей части, нишу андеграунда. В современной русской литературе есть несколько общеизвестных имен и огромное множество малоизвестных авторов, художественные достоинства творчества которых зачастую не менее значительны.

На фоне оговоренных ранее негативных факторов в последние годы в России наблюдается оживление литературного процесса за счет непрофессиональных авторов. В критике их называют «людьми говорящими»⁶, «хомо скрибенс», «нюрайтерами»⁷, «креативщиками»⁸ и т.д. «Креатив — это форма досуга, доступная каждому: у кого есть фотоаппарат, тот фотограф, у кого есть фотошоп, тот дизайнер (соответственно, поэтом может назваться каждый носитель языка). Современный человек с кризисом идентичности видит отдушину в самодельности»⁹. «Мода на писательство» возникла во многом благодаря возможности распространения текстов через интернет, сыграла свою роль и возможность издать абсолютно любую книгу, просто оплатив технический процесс печати. Такая вседозволенность приводит к тому, что недостаточно образованные и начитанные, не талантливые, но активные авторы имеют возможность достичь определенной популярности. Однако всплеск дилетантизма в конечном итоге имеет и положительное значение: наиболее целеустремленные и талантливые дилетанты становятся профессионалами, творчество прочих практически не имеет шансов пережить своего автора (дилетанты и эпигоны были и в предыдущие эпохи, сейчас их имена известны только специалистам). Разрыв культурной преемственности и естественная тяга человека к самовыражению — два фактора, породивших поколение литературных креативщиков. Религиозные темы и мотивы возникают в их творчестве, как правило, спонтанно, демонстрируют отъединенность от религиозной традиции и выражают духовную потерянность.

4. Поэзия: жажда высшего смысла

Потерянность и поиск твердой нравственной основы — характерная для отечественной литературы начала XXI века тема, отраженная не только в текстах креативщиков, но и в творчестве профессиональных авторов. Современный ценностно-дезорientированный, но не способный примириться с идеологическим климатом эпохи русский человек часто сомневается и заблуждается, однако с религиозной точки зрения он может быть «холоден, или горяч», а не «тепл» (Откр. 3:14). Оторванные от традиции и страдающие от этого люди именно в силу бездуховных тенденций современности могут стать искателями истины. Неприятие существующей реальности как неподлинной — характерная черта русского менталитета: «Русские противопоставляют всякому наличному порядку пафос должностования»¹⁰. Нынешняя действительность с характерным для нее культом комфорта и успеха не может не вступать в конфликт с человеческой тоской по идеалу, жаж-

⁶ Павлова Н.А. Антихристианская книга. Размышления православной христианки над книгой Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» // Благодатный огонь [Электронный ресурс]. — 4 мая 2009 г. — С. 23. — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/smi/37472.htm> (дата обращения: 10.08.2014)

⁷ Чабан О. Утерянная связь времен: критика. — СПб.: Реноме, 2014. — С. 3.

⁸ Круглов Р.Г. Грани. Сборник статей. — СПб.: АПИ, 2013. — С. 35.

⁹ Библейские сюжеты в современной русской литературе. Круглый стол 21.08.2005. Ведущая: Елена Фанайлова [Электронный ресурс]. — С.35. — Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/127067.html> (дата обращения: 17.10.2014).

¹⁰ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М., 2003. — С. 446.

дой высшего смысла, устремленностью к начальным и конечным основаниям бытия.

Разительный контраст между наличествующей реальностью и «тем, как должно быть», обуславливает не только смысловые, но и некоторые стилистические особенности нынешней русской словесности. Современной литературе свойственно сочетание подчеркнуто разностилевых элементов; этот простейший в своей основе художественный прием систематически встречается при возникновении в тексте религиозных мотивов. Непосредственное сопоставление отсылок к религиозным смыслам со стилистически сниженной лексикой и антиэстетическими образами — распространенная тенденция в современной литературе, особенно часто встречающаяся в поэзии: «...Ты дал мне, Боже, пищу эту и в утреннюю новь воздвиг, / мои коснеющие лета продлив на непонятный миг. // Ты веришь мне, как будто Ною. И, значит, я не одинок. / Мне боязно. Но я не ною. Я вслушиваюсь в Твой манок, // хоть совесть, рвущаяся в рвоту, страшным-страшна себе самой. / Отправь меня в Шестую роту — десанту в помощь — в День седьмой! // Мне будет в радость та обновка. И станет память дорога, / как на Нередице церковка под артобстрелом у врага» (С. Минаков, 2014). Данный пример типичен в отношении грубости слога современных «креативщиков» и безыскусного пафоса, с которым антиэстетические образы противопоставляются религиозным. Несмотря на всю художественную «необязательность», в плане содержания в приведенном тексте возникает тема неприятия существующей реальности и русский эсхатологический мотив жажды страдания как высшего удела. «И мама у плиты варила борщ, / И кухню разъедал капустный запах, / И я стоял, не зная, чем помочь. / И тетя Нюра умерла внезапно, // И весь подъезд давал — кто сколько мог, / Но каждый думал: «Вот нашла же время», / И дядя Петя, что вчера сломал замок / На домофоне, извинялся перед всеми, // Избитый, пьяный — страшный, а потом / Спускался, и с крыльца свалился в грязь, / И ангел, помрачнев, взмахнул крылом, / И вечность в зеве растворила пасть, / И было сказано: “Вы че, совсем, алле?” / И ангел вострубил, / И понеслась» (И. Асланов, 2012). Во втором приведенном примере тема нестерпимой пошлости повседневной жизни раскрыта проще и при этом глубже, в данном случае стилистика работает на художественное целое. Лирический субъект как бы вынужден юродствовать — для того, чтобы говорить искренне: поднятая им тема настолько серьезна и значительна, что он не находит для ее выражения достойных слов и прибегает к сниженной лексике, помогающей хоть как-то выразить переполняющие его чувства.

Характерно, что более профессиональные и маститые авторы, как правило, используют религиозные мотивы не столь явно и осмотрительнее подбирают контрастирующие с ними элементы текста: «Длится странная жизнь непрерывной попыткой / Оказаться не здесь. / Ты бежишь, как клубок. Кто-то тянет за нитку. / Размотаешься весь, / Изменяя маршрут на ухабах событий / И теряя объем. / Так клубок постепенно становится нитью, / Находившейся в нем. / Так себя разворачиваешь до основы. / По сигналу «отбой» / Ты, бегущее вдаль голосящее слово, / Снова станешь собой» (Е. Иванова, 2012). В стихотворении Е. Ивановой также показана трагическая неудовлетворенность насущным бытием и тяга к подлинному. Автор прибегает к развернутой метафоре, избегает буквального описания духовных переживаний и жизненных перипетий, в таком поэтическом замысле стилистически сниженной лексике нет места. Человеческая жизнь в стихотворении мыслится как испытание, высказано представление о том, что чистилище — на земле. Акцент сделан не на греховности, а на высшем смысле; вера в то, что несовершенная жизнь представляет собой путь к жизни совершенной, обуславливает возможность принятия существующего порядка вещей.

В наши дни пишется огромное количество стихотворений, буквально выража-

ющих христианские смыслы, для литературы такого рода характерна прямая догматичность: «Не мстят святые, и не мстит Господь, / Лишь вразумляют в меру покаянья / И воздают за кротость и старанье, / И за стремленье грех перебороть. // Но, хоть немало жертв принесено, / За каждый грех ответим полной мерой, / Пока не обречем живую веру, / Хотя бы с то, горчичное зерно...» (Е. Шантгай, 2011). В приведенном примере поэтическое решение темы минимально, однако это не медитативная скупость речи (как в стихотворении Е. Ивановой), а довольно многословное гладкое, но логически не безупречное поэтическое говорение. Такого рода лирика характеризуется четко определенной и относительно ясно сформулированной авторской позицией, по отношению к которой эстетическое начало вторично; такая литература не выражает современного отношения к поднятым вопросам, поскольку на них предлагаются заранее готовые ответы.

Сложно говорить о новизне применительно к литературе XXI века, тем более что предмет нашего рассмотрения — темы вечные. Однако вневременной характер религиозной проблематики определяется, помимо прочего, ее остротой и важностью для человека любой эпохи; вневременность литературы — это ее вечная живая современность, адекватность текущему моменту. «Врачи сказали: обречен. / Напротив церкви жду трамвая. / Крестом, как будто бы ключом, / Мне купол небо открывает. // Переполюют свет и грусть / от звона с ветхой колокольни. / И я растерянно топчусь, / зачем-то кепку мну в ладони» (А. Захаров, 2009). В этом стихотворении А. Захарова (поэта, ушедшего из жизни после тяжелой болезни в возрасте 37 лет) пронзительность достигается за счет простой точной образности и реалистичности (психологизма). Современный человек даже перед смертью не может преодолеть барьер социальной привычки, научной (атеистической) картины мира и ее пред-рассудков, отделяющей его от веры — барьер смехотворный перед лицом того великого и страшного, что ждет человека в конце жизни, и оттого еще более трагический. Такая поэзия остросовременна и именно поэтому может стать «вечной». В стихотворении христианская позиция автора не высказана — этот пример показывает, что и в отношении религиозной проблематики художественная достоверность воздействует на читателя сильнее последовательного догматизма.

В лирических стихотворениях религиозные смыслы возникают во внутренней речи лирического субъекта и потому непосредственно и субъективно показывают духовные переживания человека. Самой характерной для начала XXI века их чертой является неудовлетворенность окружающей действительностью и поиск твердой нравственной основы. Проза ставит перед собой другие задачи и, соответственно, в интересующем нас аспекте ей свойственны другие специфические черты.

5. Проза: поиск положительного героя

В нынешней литературной ситуации, когда постмодернистская ирония уже не обладает свойством новизны и воспринимается как доставшийся по наследству атрибут предыдущей эпохи, есть необходимость создания нового пафоса утверждения. Масштабного оригинального течения современное искусство еще не породило, отдельные попытки его создания (такие как «вневизм» А. Филимонова или «обэриусенсюрметизм» С. Николаева) носят локальный характер, в отношении художественных принципов эти течения, несмотря на декларируемую оригинальность, являются синтетическими. При этом сама неоднозначность идеологической обстановки в России подталкивает художников к поиску ценностных ориентиров, адекватных сегодняшнему дню, современная литература ставит перед собой задачу их сформулировать. В связи с этим чрезвычайно актуальной становится проблема современного положительного героя, в контексте религиозной проблематики — современного праведника. Задачей создания такого героя занима-

ется в основном роман — наиболее востребованная в наши дни литературная форма. Такой своеобразный жанр, как современное «житие праведника», дает возможность писателю сообщать устами положительного героя собственные воззрения и предполагает огромную ответственность писателя за высказанные таким образом положения.

В романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» (2006) в центре фрагментарного (эпистолярного, дневникового, псевдодокументального) повествования находится фигура Даниэля Штайна, все сюжетные линии так или иначе связаны с его судьбой — и все вопросы, которыми задаются другие герои, находят прямые или косвенные ответы в его словах и поступках. Первая часть книги посвящена главным образом формированию авторитета главного героя — это смелый, благородный человек, герой войны, спасший 300 узников гетто, жертвывая собственной жизнью. В христианстве Даниэль находит для себя своеобразную теодицею («И тогда мне открылось, что Бог был вместе со страдающими. Бог может быть только со страдающими и никогда — с убийцами») и принимает крещение. После войны Даниэль Штайн — монах, католический священник еврейского происхождения, руководящий организованной им христианской общиной (с богослужением на иврите) в Израиле. Л. Улицкая изображает своего героя человеком умным, прозорливым, невероятно способным к изучению языков, мужественно преодолевающим многочисленные трудности; в его характере сочетаются альтруизм и жизнелюбие, честность и скромность. Автор наделяет брата Даниэля мелкими недостатками, которые делают его образ более правдоподобным и за счет этого еще более привлекательным. Однако размышления «праведника» о вероучении (с которым он по роду своей деятельности должен быть хорошо знаком) показывают его элементарную некомпетентность в толковании Священного Писания. Устами героя говорит сам автор, не озаботившийся детальным изучением Нового Завета (многочисленные конкретные грубые ошибки указала в своем отзыве о романе Н.А. Павлова¹¹). В романе, тем не менее, присутствует определенная «доказательная база», обеспечивающая художественную убедительность. Прежде всего, это детальное описание тяжелых человеческих судеб, направленное на педалирование темы страданий еврейского народа, вины других народов перед евреями и идеи их богоизбранности; усилия же по изучению христианства, по-видимому, были направлены на то, как его нагляднее дискредитировать.

Л. Улицкая называет своего героя переводчиком, чтобы подчеркнуть, что он соединяет людей — герой мечтает о единении всех ветвей христианства, о прекращении между ними разногласий, которые, по его мнению, противоречат духу христианства. При этом Штайн стремится к тому, чтобы «евреи-христиане <...> могли вернуться в Израиль, и восстановилась бы церковь Иакова...»: прообразом предполагаемой подлинной христианской церкви мыслится церковь еврейская. Герой признается в том, что главный для него вопрос — «во что веровал наш Учитель?»; основы истинного христианства брат Даниэль ищет в еврейских источниках о жизни исторического Христа и его современников. В тексте многократно говорится о том, что для священника Штайна Иисус — это именно историческое лицо, один из видных деятелей своего времени, а не Сын Божий. Размышляя в таком ключе, герой Л. Улицкой переходит от идеи единения конфессий под знаком еврейства (как якобы недостающего элемента христианства) к отрицанию христианства вообще и особенно — православного («Такая духота, такая тошнота в христианстве!

---

¹¹ Павлова Н.А. Антихристианская книга. Размышления православной христианки над книгой Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» // Благодатный огонь [Электронный ресурс]. — 4 мая 2009 г. — С. 23. — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/smi/37472.htm> (дата обращения: 10.08.2014)

<...> ничего не поделаешь, на Западе церковь слита с культурой, а в России — с бескультурьем»). Велика вероятность того, что «хорошо обработанный» первый часть книги читатель с радостью примет и эту «новую истину» в конце.

Запутанный сюжет романа, систематическая игра на жалости, пропаганда терпимости — все это делает книгу опасной, искусно сделанной ловушкой для неподготовленного читателя. «Книга обращена к большому числу неискушенных людей, только нащупывающих дорогу к Храму, весьма слабо знакомых с Библией, еще не разбирающихся в тонкостях христианского вероучения. Этим людям она может нанести и уже наносит непоправимый вред, отвращая их от Храма»¹². Религиозные темы в романе Л. Улицкой функционируют как маркер: они привлекают внимание читателя своей серьезностью, но становятся предметом спекуляции на неискушенности реципиента. В других книгах автора в интерпретации христианских тем и мотивов видна та же «религиозная» некомпетентность; имеет место подмена понятий, которая совершается при помощи заранее созданного авторитета героя. Например, в романе «Медея и ее дети» (1996) главная героиня, мудрая, глубоко нравственная христианка, неточно вспоминает евангельскую фразу «Дух веет, где хочет» (Ин. 3:8), когда узнает о физической неспособности к убийству знакомого мужчины, который сам стыдится этого, как болезни. Поверхностное отношение автора к Библии вкупе с псевдоавторитетностью высказывания приводит к грубому искажению христианских смыслов и использованию религии для утверждения собственных взглядов.

К историям о «современном праведнике» можно отнести роман А. Иванова «Географ глобус пропил» (2003), в котором, в определенном смысле, используется противоположная описанной выше литературная стратегия. Автор не создает вокруг своего героя ореол праведничества (как в предыдущем примере), Виктор Сергеевич Служкин изображается как герой чуть ли не авантюрный, как персонаж анекдотов, на которые похожа его жизнь. Нравственный облик Виктора неоднозначен: жена презирает его за то, что он пьет, бездельничает и совершенно не соответствует ее (и общепринятым) представлениям о том, каким должен быть мужчина, — Служкин не предпринимает никаких попыток повысить свой социальный статус и благосостояние. При этом Географ — остроумный красноречивый, отчаянный фантазер и врун (но вранье его безобидно и не преследует практических целей); вкупе с вышесказанным это создает образ инфантильного человека. Однако Служкин — учитель (и, как выясняется ближе к концу книги, авторитет в глазах своих учеников), заботливый отец, преданный друг. Ключ к пониманию характера Географа дает скрытая за его поведением нравственная позиция — Служкин противопоставлен успешным, приспособленным к миру героям (Будкину, Кире и др.) своей нестяжательностью, бескомпромиссной честностью, способностью к самоотречению. Географ переступает через общепринятые нормы поведения (как Федор Протасов в пьесе «Живой труп», потворствует роману своей жены со своим другом и др.), руководствуясь собственным представлением о том, как нужно жить. Жизненные перипетии Служкина — смешные ситуации, в которых он систематически оказывается в невыгодном положении, являются следствием того, что герой старается поступать в соответствии со своей внутренней правдой (хоть и не всегда с этим справляется). Это и позволяет отнести роман А. Иванова к жанру, вырабатывающему современный тип положительного героя — «праведника».

Географ говорит о себе: «...у меня все так получается, потому что я не могу по-другому?.. Нет. Просто я хочу жить, как святой». Важно то, что Служкин не святой и не считает себя святым, а стремится к определенному им идеалу: «...это когда ты никому не являешься залогом счастья и когда тебе никто не является зало-

¹² Там же.

гом счастья, но чтобы ты любил людей и люди тебя любили тоже. Совершенная любовь <...> Библия». Трактовка вероучения довольно смелая, однако существенно то, что роман ничем внешне не претендует на историю о современном святом — книга показывает человека, старающегося следовать этическим принципам вопреки жизненным обстоятельствам. При этом важнейшим качеством героя, показателем его нравственной зрелости является «умение терять», к которому в финале приходит и его жена, отказавшаяся от любви («Есть ребенок, дом, какой-никакой муж — в общем, видимость нормальной жизни, ну и достаточно этого»). Успешным, уважаемым современным людям (героям, позволяющим себе быть эгоистами) противопоставлены герои, способные смиряться, поступать вопреки своим желаниям, в этом отношении роман наследует русской классической литературе и утверждает традиционные для русской культуры ценности.

Создание положительного героя, особенно на современном материале, — чрезвычайно сложная задача. Вероятно, поэтому в романе Е. Водолазкина «Лавр» (2013), в котором создан образ русского праведника, автор обращается к обстановке Руси XV века. При этом «Лавр» — постмодернистское произведение, совершенно не маскирующееся под старинную литературу, а обыгрывающее некоторые ее характерные особенности. В романе древнерусская лексика часто соседствует с современной, иногда ярко маркированной; такое сопоставление разностилевых элементов ориентировано на «стирание границ» между эпохами: идея об относительности и несущественности времени — одна из ключевых в книге. Соответственно, судьба праведника разворачивается вне времени, всегда — это и позволяет соотносить главного героя и с нашей эпохой тоже.

Четырежды меняющий имена в течение жизни врач Арсений (он же юродивый Устин, монах Амвросий, Схимонах Лавр) постоянно встречается с другими праведниками (людьми, живущими по преимуществу духовной жизнью), его судьба и мысли отражаются в других героях — вставший на путь самоотречения герой проживает за свою жизнь множество жизней. Не только время и человеческая самость, но и пространство, и материя в книге неоднократно показываются как относительные, безотносительны только Бог. Многочисленные философские размышления о духе и плоти, свободе и ответственности, грехе и покаянии развиваются в романе в этом же ключе; поражающая иностранцев иррациональность русской жизни («А сами вы ее понимаете? <...> Сами мы ее, конечно, тоже не понимаем») рассматривается как прямое следствие того, что жизнь эта подчинена высшему закону и больше ничему. Высказанные в романе идеи в основном лежат в русле русской религиозной традиции, однако Е. Водолазкин создает не нового, а подчеркнуто вневременного русского праведника, многочисленные элементы фантастического в книге подчеркивают идеальный характер главного героя и всего происходящего. Потому «Лавр» (в отличие от предыдущих примеров) читается как умная, глубокая, но не вполне соотносимая с сегодняшним днем книга, как постмодернистская сказка о русском человеке, каким он должен быть.

6. Значение религиозной позиции в современной литературе

Судить о русской литературе начала XXI столетия сложно уже ввиду того, что она находится в стадии становления — это живой, полный противоречий процесс. Отсутствие необходимой для анализа временной дистанции обуславливает и сумбурность отбора материала, и общий характер сделанных выводов — остается надеяться, что затронутая в этой статье тема будет подробно исследована в дальнейшем. Ее значительность поддерживается неустойчивостью идеологической ситуации в России (в наши дни остро стоит проблема национальной и культурной иден-

тичности, в сохранении которой важнейшую роль играет искусство, в том числе современное). Поднятая в статье тема не только актуальна — ее условно можно назвать «вечной», поскольку христианские смыслы всегда присутствовали в русской литературе, и нынешний этап ее развития — не исключение.

Выделенные в ходе беглого анализа отдельные тенденции в интерпретации религиозных тем и мотивов (рассмотренные на примере небольшого количества конкретных произведений), конечно, не дают представления о картине в целом. Некоторые из упомянутых в статье произведений, да и сами выделенные тенденции заслуживают отдельного подробного изучения; настоящая работа — не более чем обзор (критического, а не научного характера). Однако попробуем на основании этого обзора вывести (с высокой степенью обобщения) типологию современной литературы с точки зрения реализации в ней христианских смыслов. Используя в качестве дифференциального признака высказываемое в произведении отношение к религии, условно можно разделить современную русскую литературу на четыре группы:

1. Литература с явно и однозначно зафиксированной религиозной позицией. Такие произведения зачастую посвящены темам веры и культа, в них используется соответствующее семантическое поле образов. Основным недостатком большей части такой литературы является вторичность эстетического начала по отношению к собственно религиозному. Это снижает уровень художественной убедительности, вследствие чего круг потенциальных читателей сужается до воцерковленных или специально интересующихся затрагиваемыми вопросами людей (например, К. Зиновьев «В дальние стороны», 2004; Е. Челпанова «Унывающий батюшка», 2011; И. Ордынская «Отречение», 2013).

2. Литература с религиозным подтекстом — наиболее эстетически яркая и наиболее открытая для современного читателя, ищущего нравственную почву. Христианские смыслы в таких произведениях, как правило, не являются заранее заданной доминантой (как в предыдущей условной группе) — такая литература не поучает, а наталкивает на размышления; зачастую это литература сомневающихся. Недостатком ее можно назвать иногда слишком смелую интерпретацию христианских смыслов, они могут быть искажены, в том числе, весьма значительно (например, А. Иванов «Географ глобус пропил», 2003; А. Битов «Оглашенные», 2004; Е. Каминский «Пиршество живых», 2012).

3. Литература, не выражающая религиозную позицию (иногда — атеистическая, агностическая литература). Христианские мотивы возникают в ней, как правило, только в силу их укорененности в культуре; высказываемые в этих произведениях позиции в основном предполагают разумный пиетет по отношению к религиозной традиции или не касаются ее вовсе (например, П. Санаев «Похороните меня за плинтусом», 1994; А. Покровский «Кот», 2002; Т. Толстая «Кысь», 2000).

4. Литература, утверждающая антихристианские принципы или ценностный релятивизм. К этой группе относится большая часть постмодернистских произведений, религиозные мотивы в них отсутствуют или становятся предметом обыгрывания и, будучи поставленными в соответствующий контекст, теряют свой возвышенный смысл — по сути, осмеиваются (например, Е. Мякишев «Огненный фак», 2009; В. Сорокин «Голубое сало», 1999; И. Денежкина «Дай мне», 2002).

Предлагаемая типология далеко не универсальна, но такое разделение показательно в отношении идеологического влияния искусства слова на жизнь общества. Это влияние определяется идейным содержанием литературы, важнейшим компонентом которого являются религиозные темы и мотивы. Постигая их роль и значение, их интерпретации в современных произведениях, мы приближаемся к пониманию культурологической специфики современного русского человека, которое необходимо для оценки существующей социокультурной обстановки и выяснения возможных перспектив ее развития.

*Стихи участников
Воронежского
областного
совещания
молодых
литераторов
2022 года*

ПОСЛЕДНИЙ МАЯК

Дарья Князева

* * *

Так медом незрелый чернослив
в вечернем полумраке поливая,
болеть воспоминанием трамвая,
какого след десятки лет простыл.
И разобрали рельсы. И раздали
не по размеру платья, свитера...
Я вырастаю из себя и исчезаю,
заглядывая в дальнее вчера,
в медвяные такие вечера.

Там счастье — меж высоких фонарей,
где синее разбавлено пунцовым,
а «папа» не звучит еще отцово
и «мама» — обреченно, как теперь.
Или цедить сквозь грушевую крону
текущее по небу молоко,
в нем бусинки мерцают и не тонут
разбросанных в прорехах огоньков.
Нетленно лето и компот фруктов.

И я смотрю внимательно туда —
в замшелое бессрочное тогда,
что ныне, присно и вовеки будет.
В меня оттуда смотрит человек,
наивный незнакомый человек,
что верил в наилучшую из судеб.

Ему ложились в ноги чудеса,
хотелось изучать и осязать,
худое таяло, а лучшее сияло.

Но где-то состоялся перелом,
и смутное бесцветное «потом»
разбухло в непроглядную усталость.
Так павшим в Лету имя легион:
прозрачноглазым, вечным, золотым,
густы их чащи, реки глубоки,
и солнце светит с четырех сторон.

То были окончательно не мы,
но ясные стремительные сны
о том, как дети в мир вовлечены,
стихийно влюблены.
В осипший ветер, в сломанный забор,
в осенний неприкаянный простор...
И присно, и вовеки, до сих пор.

г. Воронеж

Савелий Кострикин

НАД МОГИЛАМИ УШЕДШИХ

Пора бы вспомнить мне о тех
Кто раньше нас ушел,
Покинув грешный мир утех,
Оставив в сердце шов,

Соединить небес мотив
Со стонами земли,
Грядущий год опередив
И строками залив.

Прольется горькая слеза,
Не оставляя след.
Им Богом выбрана стезя
Покинуть белый свет,

Когда все спят, забыв на миг,
Как коротка строка.
Они — сквозь нас глядят на мир,
И правда их строга.

Их взгляд, напоенный огнем,
Не охладит зима.
Он — правды луч с небес, а в нем —
Могильная земля,

Куда отправимся и мы,
Когда в конце пути
Предел нащупают умы,
Невидимый пунктир.

ПОСВЯЩЕНИЕ ЮРИЮ КУЗНЕЦОВУ

Имеющий слово в себе
Врастает корнями в эпоху,
Стремясь обеспечить в судьбе
Присутствие веры и Бога.

Имеющий слово во тьму
Приносит осколками света
Желание жизни, воткнув
Нож истины в зеркало смерти.

Имеющий слово — растет
Над явью, над смыслом, над волей,
Перстами святыми растерт
До дрожи, до хруста, до боли.

г. Воронеж

Владимир Сергачев

* * *

В эти сутки завершился век.
Столько бед осталось за плечами.
Падал новогодний снег.
Поздравления с пышными речами.
Веселился весь честной народ,
В каждом доме зажигались елки,
А в Чечне работал пулемет,
Вечность разрывая на осколки.
Черными глазницами домов
Их встречала смерть среди развалин.
Забирая русских пацанов —
Той войны исход, увы, печален.
Главная задача в эту ночь — не остаться в придорожной яме.
Чтоб отца смогла увидеть дочь.
Чтобы сын домой вернулся к маме.
Разгорелся пламенем Кавказ.
На седых вершинах капли крови.
Вряд ли кто-то вспомнит кроме нас
Подвиг безымянного героя.
Парня, что — как ты еще вчера —
Отгулял последний школьный вечер,
А сегодня смотрит трассера вместо новогодней встречи.
Что среди немых чужих вершин,
Прикрывал отход разбитой роты.
Комом в горле ненависть першит.
Захлебнулся вместе с пулеметом.

Сколько их таких простых ребят,
В тех краях непризнанно забыты.
Их могилы ивами шумят,
Тихо шепчут: мы же не убиты.
Мы остались охранять покой.
Под свинцовым непрерывным звоном.
Мы сквозь ветер говорим листвою,
У подножия встретим вас поклоном.
Передайте нашим матерям
С предрассветным дымом нотку грусти.
Пусть они не лгут календарям.
Нас вершины эти не отпустят.

*г. Павловск,
Воронежская область*

Елена Соловьева

* * *

Серебрится туман над городом...
Фонарей акварель размытая...
Эта осень не жалит холодом
И не ищет пустую выгоду.

Эта осень с кофейным привкусом,
Словно сказка давно забытая,
Из старинных листов папируса
В книгу жизни небрежно сшитая...

Эта осень на счастье щедрая,
Под ногами рассыпав золото,
С тишиной не спеша беседуя,
Не боится чужого холода...

В этой осени, чуть задумчивой,
Разливается запах ладана.
Эта осень с душой созвучная,
Вновь останется неразгаданной...

* * *

Щемящим одиночеством дыша,
Запутавшись в обманчивых сетях,
Замерзла чья-то светлая душа
В холодных одиноких феврялях...

Ища на что-то важное ответ,
Спасаясь от удушливой тоски,
Откроет по привычке интернет,
Где души однобоки и узки...

Иллюзии придуманной мирок
С картинками чужими вместо лиц,
Где мысли утекают мимо строк,
Где пустота листаемых страниц...

Теряя драгоценные часы,
Теряясь в безразличии имен,
Здесь души вдруг становятся черствы,
Пролистывая судьбы, как альбом...

Но стоит посмотреть по сторонам,
Увидеть краски жизни наяву,
И словно пробудившись ото сна,
Почувствовать: ведь я еще живу!..

г. Воронеж

Надежда Третьякова

* * *

Смотреть в окно, прикинувшись невестой,
Фата и тюль — единое начало.
В душе темно, в груди бездушно-тесно,
Как мало света, мало, мало, мало...

И тень кольца белесою полоской
По теплой замше загорелой кожи —
Воспоминанием, осколком, отголоском,
Напоминанием о том, как мы похожи,

Напоминанием о том, что счастье было,
Казалось стойким, вечным непреложным.
И я была. Была, была, любила!
И счастье это делала возможным...

Теперь осталось тут, за занавеской,
Под легкий тюль забравшись с головою,
Смотреть в окно, прикинувшись невестой,
И тихо жить, прикинувшись вдовой.

* * *

Вечно молодым, вечно пьяным...

У Шелли сегодня в последний раз
Заклинили тормоза.
Бар наполняется. Пробил час,
От дыма болят глаза.

Эти глаза — что горчичный мед...
А в голове сквозняк.
И Шелли танцует, она поет
И пьет дорогой коньяк.

У бармена стойка натерта, как ствол
Начищенного ружья.
И падает Шелли за пьяный стол.
И вермут берет в мужья.

Нынче сочится густой тоской
Распахнутая душа.
И пьет с еле трезвой Вдовой Кликко
Шелли на брудершафт.

И там, где в раздрайвленном кураже
Пора бы замедлить шаг,
Шелли срывается на вираже
И не тормозит никак...

Бармен хорош! — молчаливый врач
Душ, отыскавших дно.
И Шелли пирует, несется вскачь,
Наполнив бокал вином...

Под утро слетает с души труха...
Ставши совсем больной,
Не утопив своего греха,
Шелли бредет домой,

Где без причины на то убит
На исцеленье шанс.
Зеркало морщится и рябит,
Но это в последний раз.

Шелли молчит...
Распахнув окно,
Шагает в рассвет звездой,
Числясь навечно ушедшей, но

Пьяной
и
Молодой...

* * *

Из печали, из печали
Будет выкована вечность,
Там, где сосны раскачали
Синеву и бесконечность.
Опрокинутые тучи
Разольют на мир чернила,

Мир искомкан, мир измучен,
Ночь перчатку уронила
И озябшею ладонью
Рассыпает тьму и холод,
Мир в своей печали тонет,
Мир изорван и исколот.
Там, где сосны, там, где сосны
Разволнованы закатом,
Ничего уже не поздно,
И как будто бы не надо.

* * *

Так пахнут липы! Детством безвозвратным...
Во мне листва шумит, не умолкает.
Все кажется, как день, простым, понятным,
И папа меня к солнцу поднимает.

Взметнутся косы, пыльные сандалии
Дугу прочертят в воздухе отважно.
У папы руки сильные, из стали!
Я с высоты смотрю, и мне не страшно!

Земля и небо золотом облиты.
И что-то странно ухаает под сердцем.
И голову дурманом кружат липы,

И пахнут детством.

г. Воронеж

Яна Цыганкова

* * *

Не боли у кошечки, не боли
У собачки, пташки и у тебя,
Говори мне, горюшко, говори,
Если хватит пороху и огня,
Волком вой, коль воеся — ничего:
Не по злобе это, а сгоряча.
Раз не видишь линий и берегов,
Голоси мне в клетчатый порт плеча.
Я ведь тоже больше так не могу
(Но потом зачем-то могу еще).
Значит, нужно чьему-то больному лбу
И мое тоскующее плечо...

* * *

Снегу хочется в отпуск.
Вот он, не собрав чемоданов,
Говорит облакам
На своем водянисто-туманном:
Я поеду в Россию.
Я слышал, там очень красиво,
И опять же, июль...
Сколько можно пахать сверхурочно?
А в России — сезон:
Купола наливаются блеском,
Точно яблоки к Спасу.
Снуют, полосатятся пчелы.
Расцветают луга,
А чумазные руки мальчишек
Норовят дотянуться
До нежных девичьих рученок.
Говорят облака, улыбаясь щербатыми ртами:
Поезжай. Отдохни.
Мы тут, знаешь, и сами с усами.
Жаль, купе раскупили.
Уж ты как-нибудь на попутках...
А в России красиво.
Не зря мы ее умываем.
Ну, бывай.
Привези нам букет земляники.
Снег летит над рекой,
Снег росой оседает на листьях,
Снег дрожит на крестах
И на панцирях синих палаток.
Удивляются дети,
Глаза протирают туристы:
Снег в июле?..
...снежинка блестит на боку земляничном.

г. Воронеж

Антон Шамраев

* * *

Это раньше стучал, успокаивая и дрожа
на неровном стекле, а теперь барабанит и глушит.
Только хвост ноября между пятиэтажек зажат,
и страдает фонарь — неуклюжий, желтушный.

Словно ночью глухой злые люди обходят избу,
смотрят в окна и все замышляют недоброе дело.
Но никто не войдет. У тебя и у неба во лбу
просто вновь наболело.

* * *

*...а жизнь, она — дежурный дирижабль,
зависимый от направления ветра.*

Аман Рахметов

И только пепел — пепел воронья
кружит и приземляется на сосны,
и вскакивает к выцветшему солнцу,
и вслед за солнцем на круги своя

заходит, оставляя этажам
зажмуриваться на грядущий вечер.
А жизнь — она совсем не дирижабль,
а только ветер.

г. Воронеж

Валерия Шахова

ЕСЛИ Б ЗНАЛИ ПУСТОТУ ВЫ НАПЕРЕД

Мне — никак. И так за годом год.
Меня скоро примет в свою массу
Серо-злойный скрученный народ.

Мне никак в прекраснейшие годы!
О, поработанные народы,
Если б знали пустоту вы наперед!

Вы боролись за глотки свободы,
Выбивали место у природы,
И друг друга убивали, чтобы —
В будущем не извлекли урок.

Сколько жизни было в песнях фронта,
Сколько чувств на черно-белых фото
И молитв под темным небосводом...
Отнимающий надежды, кто Ты?

г. Воронеж

Елена Шилова

ПОСЛЕДНИЙ МАЯК

От рутины суетной нет житья,
И на горле будто затянут жгут...

Мне вчера приснилось, что я маяк
На крутом, изрезанном берегу,

А вокруг — бескрайний, безлюдный мир,
Шепот моря, чаячий хриплый плач,
И представить страшно, на сколько миль
Расплескалась мгла.

Я смотрюсь в нее столько долгих лет,
Что померк от горя лучистый взгляд.
Мой огонь — единственный на земле,
Но никто не ведает, где земля,
И давно истлели останки тех,
Кто бы мог направить ко мне корабль.
Но я жду в зияющей темноте,
Я все жду утра.

Ни зажмурить век, ни шепнуть: «Спаси!» —
Жить куда сложнее, чем умирать.
Угасая, я на пределе сил
Полыхну надеждой в последний раз,
Разгорюсь, как искра в сухой листве,
Указав дорогу домой тому,
Кто несет в своих парусах рассвет
Сквозь слепую муть.

...Привкус соли, холод и резь в глазах.
Не реальность — выцветший гобелен.
Напоенный сыростью воздух затхл,
И простуда — меньшая из проблем.
Я коплю усталость, как яд — змея,
Обреченной рыбиной бьюсь в сети.
Только в память вьелось, что я — маяк
И должна светить.

г. Воронеж

Полина Эдуардовна Девуцкая родилась в городе Воронеже. В настоящее время учится в десятом классе МБОУ СОШ № 5 им. К.П. Феоктистова. Занимается в школе юного журналиста при Воронежском государственном университете. Публиковалась в интернет-газете «Время Воронежа» и в молодежном агентстве «Ворон и Ёж». Живет в Воронеже.

Полина Девуцкая

ЧИТАЯ «ВЕЩИ НЕИЗРЕЧЕННОЙ КРАСОТЫ И МОЩИ»

(Пешеходная прогулка
с томиком Мандельштама)

Прекрасный поэт, запечатленный в бронзе, куда-то устремлен, словно сочиняет волшебные строки о городе, который не оставил его равнодушным... Он так и стоит с высоко поднятой головой и рукой, прижатой к груди, словно посвящая всего себя Воронежу и его жителям...

Думаю, вы догадались, что я остановилась перед памятником Осипу Эмильевичу Мандельштаму. Его открытие состоялось 2 сентября 2008 года. Сегодня в этом уютном уголке Детского парка любят бывать и воронежцы, и гости города. Кто-то просто отдыхает, а кто-то вспоминает все, что было здесь связано с поэтом. Я обычно прихожу сюда с томиком его стихотворений «Воронежские тетради». И сразу находят строки, которые известны, наверное, всем воронежским любителям поэзии. Впрочем, не только им:

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня или проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь —
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...

В нашем городе есть немало мандельштамовских мест. Стоит нам перейти на противоположную от памятника сторону дороги, и мы оказываемся на улице Фридриха Энгельса у дома № 13. Именно здесь Осип Эмильевич снимал квартиру, когда был в

Мемориальная доска и памятник
О. Мандельштаму

Воронеже в ссылке. В 1942 году из-за бомбежек здание было сильно разрушено. После окончания войны дом восстановили. Современное здание — пятиэтажное. Декор выполнен в стиле классицизма. Комната Мандельштамов находилась на втором этаже, из окон которой открывался прекрасный вид. А мы обратим внимание на мемориальную доску, украшающую одну из стен дома. С именем опального поэта она была установлена здесь 15 января 1991 года. Первая в СССР.

Пройдем один квартал — и вот мы там, где часто бывал искусный стихотворец. Проспект Революции, 22 — раньше тут был музей изобразительных искусств. Осип Мандельштам подолгу стоял, рассматривая картины Дюрера, Остендорфера, художников школы Рембрандта. Наверное, под их впечатлением родилась мандельштамовская строка: «Как светотени мученик Рембрандт...»

Далее прогулка приводит нас к бывшей Троицкой слободе, где располагается улица Линейная, на которой Мандельштамы тоже снимали жилье. В то время, чтобы попасть к ним, надо было войти в ворота двухэтажного дома, пересечь двор и спуститься по дорожке вниз, в «яму». У стихотворения буквальная топография. А название улицы дало повод для поэтической самохарактеристики поэта:

Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова!
Как ее не вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.
Мало в нем было линейного,
Нрава он был не лилейного,
И поэтому эта улица
Или, верней, эта яма
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

А далее отправимся к территории Опытных полей аграрного университета (в те годы СХИ — сельскохозяйственного института). Сегодня они окружены новыми зданиями современных многоквартирных домов, магазинов, детских центров. Но в прошлом это было окраинное место, где нередко гулял весной Осип Эмильевич. Может быть, именно здесь впервые поэт по-

Разлив реки Воронеж. Архивное фото

чувствовал всю силу земли, несущую жизнь, и приветствовал эту землю. Я считаю, что стихотворение «Чернозем» — об этом. В нем дано точное описание местности, где Мандельштам был «закольцован», и, возможно, это один из лучших в русской поэзии гимнов земле. Итак, я открываю томик стихов...

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холмах маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, —
Комочки влажные моей земли и воли...
В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней зиждется работа —
Тысячехолмия распаханной молвы:
Знать безоружное в окружности есть что-то...

Я представляю, что вслед за поэтом спускаюсь по улице Степана Разина вниз, к воде, где Мандельштам наблюдал воронежскую весну, буйный разлив реки, когда полые воды выходят из берегов, врываются в го-

род. И Осип Эмильевич пишет еще одно небольшое стихотворение, которое перекликается со стихотворением «Чернозем». Вновь читаю строки поэта... в них чувствуется большая симпатия к городу, где он оказался не по своей воле:

Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел:
Как он хорош, как весел, как скуласт,
И как на лемехе приятен жирный пласт,
Как степь летит в апрельском повороте.
А небо, небо — твой Буонаротти.

Осип Эмильевич Мандельштам, как-то приехав в наш город, навсегда остался воронежцем, создал здесь стихотворные шедевры, которые обогатили русскую и мировую поэзию. Анна Ахматова сказала о нем: «Трагическая фигура редкостного поэта, который и в годы воронежской ссылки продолжал писать вещи неизреченной красоты и мощи...»

Департамент культуры Воронежской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»**

Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

При оформлении номера используются авторские работы, фотографии из архива редакции журнала «Подъём» и открытых источников.

Авторы присылаемых материалов должны сообщить редакции: краткую биографическую справку; домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, регистрация); ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала в формате Word.

Корректор Стрельникова Е.С.

Телефоны редакции: директор-главный редактор — 228-64-12 / 8-903-858-64-12, заместитель директора-главного редактора, шеф-редактор (ответственный секретарь), отдел поэзии — 228-64-15 / 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор, отдел верстки — 228-64-09 / 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 228-64-13 / 8-903-858-64-13, производственный отдел — 228-64-16 / 8-903-858-64-16.

Электронный адрес журнала «Подъём»: podiem@mail.ru

Сайт журнала «Подъём»: <http://www.podiemvrn.ru>

Электронный архив журнала с № 1, 2001 г. по № 6, 2008 г.: <http://www.pereplet.ru/podiem>
ISSN 0130-8165.

Журнал «Подъём»

Главный редактор **И.А. Щёлоков**

№ 11 (698). Подписано в печать 09.11.2022.

Дата выхода в свет: 24.11.2022.

Индекс 73312.

Тираж 850 экз.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «School Book». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19,2 + 0,5 п.л. цв. вкл. Отпечатано с готового оригинал-макета

ГБУК ВО «Журнал «Подъём». Заказ № 1626. Цена свободная. 12+.

Адрес редакции: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес издателя ГБУК ВО «Журнал «Подъём»: 394030, Воронежская область,
г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.

Адрес типографии: АО «Воронежская областная типография»:

394071, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а

Журнал «Подъём» зарегистрирован Министерством печати и массовой информации РСФСР.

Свидетельство № 331 от 03.10.1990 г.

Учредитель (соучредители): Союз писателей России.

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати
Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться
в АО «Воронежская областная типография».